

Том 13. № 1
2016

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)
Г.М. Бреслав (Балтийская международная академия, Латвия)
Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)
В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)
Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
М. Линч (Рочестерский университет, США)
Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)
А.Н. Подьяков (НИУ ВШЭ)
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)
А.В. Хархурин (Американский университет Шарджи, ОАЭ)
В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)
С.Р. Язловский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абулханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Н.А. Алмаев (ИП РАН)
В.А. Барабанищikov (ИП РАН и МГППУ)
Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)
А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Л. Журавлев (ИП РАН)
А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
Е.А. Климов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)
А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)
В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.М. Розин (ИФ РАН)
И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)
Е.А. Сергиенко (ИП РАН)
Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)
Т.Н. Ушакова (ИП РАН)
А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала – это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Ю.В. Брицева*
Редакторы *О.В. Шапошникова*, *О.В. Петровская*,
Д. Вонсбро. Корректурa *Н.С. Самбу*
Переводы на английский *К.А. Чистопольская*,
Е.Н. Гаевская
Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 46Б
E-mail: psychology.hse@gmail.com
Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

*Специальная тема выпуска. Сексуальность и нормализация
в психологической перспективе*

Т.Н. Лапшина, А.А. Леонтьева, Е.Н. Осин. Вступительное слово	5
Д.Д. Исаев. Деконструкция гетеронормативной матрицы	9
И.С. Адмиральская. Изобретение (гомо)сексуальности. Исторический, социальный и культурный аспекты	27
Т.Н. Лапшина, А.С. Кочеткова. Психическое здоровье ЛГБ подросткового и юношеского возраста как вызов российским психологам	40
Е.В. Петрова. Мотивы, препятствия и последствия камин-аута во взаимоотношениях взрослых гомо-/бисексуалов со своими родителями ..	60
О.А. Гулевич, Е.Н. Осин, Н.А. Исаенко, Л.М. Брайнис. Отношение к гомосексуалам в России: Содержание, структура и предикторы (на английском языке)	79
А.А. Леонтьева. Дискуссия. Профессиональная позиция психолога в условиях законодательной дискриминации «нетрадиционных» отношений: Вызовы и возможные задачи	111

Статьи

Л.Я. Дорфман. Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира	115
Т.А. Гаврилова, И.А. Лещева. Понятийные структуры знаний и когнитивный стиль	154
К.А. Абсатова, А.В. Курганский. Зависит ли удержание информации в рабочей памяти от способа ее воспроизведения? (на английском языке)	177
Р. Димитрова. Сплоченность, сходство и значимость в изображениях родительских и детских фигур на рисунках детей в итальянских семьях и детей албанских и сербских иммигрантов, проживающих в Италии (на английском языке)	192

Vol. 13. No 1
2016

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

National Research University
Higher School of Economics

ISSN 1813-8918

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada
Gershons Breslavs, Baltic International Academy, Latvia
Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation, and Yale Child Study Center, USA
Vasily Klucharev, HSE, Russian Federation
Anatoly Kharkhurin, American University of Sharjah, UAE
Dmitry Leontiev, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation
Martin Lynch, University of Rochester, USA
Dmitry Lyusin, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Evgeny Osin, HSE, Russian Federation
Alexander Poddiaikov, HSE, Russian Federation
Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation
Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation
Takhir Bazarov, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation
Alla Bolotova, HSE, Russian Federation
Alexander Chemorisov, Lomonosov MSU, Russian Federation
Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation
Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation
Evgeny Klimov, Lomonosov MSU, Russian Federation
Alfried Längle, HSE, Russian Federation
Alexander Orlov, HSE, Russian Federation
Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation
Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation
Igor Semenov, HSE, Russian Federation
Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation
Peter Schmidt, HSE, Russian Federation, and Giessen University, Germany
Elena Starovoytenko, HSE, Russian Federation
Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova, O.V. Petrovskaya,*

N.S. Sambu, D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya,*

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

Volgogradsky pr., 46B, 109316, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE, 2016 r.

Vol. 13. No 1
2016

PSYCHOLOGY
Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Special Theme of the Issue.

Sexuality and Normalization in Psychological Perspective

- T.N. Lapshina, A.A. Leontieva, E.N. Osin.** Editorial (*in Russian*) 5
D.D. Isaev. Deconstruction of Heteronormative Matrix (*in Russian*) 9
I.S. Admiralskaya. The Invention of (Homo)sexuality. Historical, Social and Cultural Aspects (*in Russian*) 27
T.N. Lapshina, A.S. Kochetkova. Mental Health of LGB Adolescence and Youth as a Challenge to Russian Psychology (*in Russian*) 40
E.V. Petrova. Motives, Impediments and Consequences of Coming-out in Relations between Adult Homo- and Bisexuals with Their Parents (*in Russian*) 60
O.A. Gulevich, E.N. Osin, N.A. Isaenko, L.M. Brainis. Attitudes to Homosexuals in Russia: Content, Structure, and Predictors 79
A.A. Leontieva. Discussion. Professional Psychological Position in the Context of Legislative Discrimination of “Non-Traditional” Relationships: Challenges and Possible Tasks (*in Russian*) 111

Articles

- L.Ya. Dorfman.** The Causal Pluralism and Holism in the Meta-Individual World Theory (*in Russian*) 115
T.A. Gavrilova, I.A. Leshcheva. Conceptual Knowledge Structures and Cognitive Style (*in Russian*) 154
K.A. Absatova, A.V. Kurgansky. Does the Way We Memorize Information Depend on the Way We are Going to Use It? 177
R. Dimitrova. Cohesion, Similarity and Value in Parent-Child Representations of Albanian and Serbian Immigrant and Italian Native Children 192

---

*Специальная тема выпуска:
Сексуальность и нормализация
в психологической перспективе*

Приглашенные редакторы —
Т.Н. Лапшина, А.А. Леонтьева, Е.Н. Осин

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Скоро исполнится три года с тех пор, как в Российской Федерации утверждены поправки в закон 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», который, в частности, запрещает доносить до несовершеннолетних «искаженное представление о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных отношений». Довольно размытая формулировка закона фактически запрещает озвучивать при детях положения научного консенсуса последних десятилетий. Самая убедительная точка зрения в свете накопленного массива научных данных и принятая мировым научным сообществом в качестве основы для психологической науки и практики состоит в том, что сексуальность человека вариативна. Она может проявляться как минимум в трех формах сексуальной ориентации (гетеросексуальная, гомосексуальная и бисексуальная), и все они рассматриваются как равноценные

варианты нормы. Это иллюстрирует то, что российское научное сообщество недостаточно включено в процесс обсуждения и формулировки положений законов, которые регламентируют жизнь и деятельность, в частности, самих психологов.

Особенность этого закона состоит в том, что авторитет психологической науки одновременно игнорируется и призывается в защиту противоречащих ей инициатив: законодатели используют идеи (опасность знания о вариативной сексуальности, ее девиантность), соответствующие скорее знаниям вековой давности, чем современной научной картине. Это особенно удручает потому, что культура человеческой сексуальности в последние десятилетия стремительно развивается: возникают новые практики, связанные с Интернетом, меняется социализация молодежи в этой области, во многих странах снимают законодательные препятствия однополым союзам, изменяются дискурсы и способы обсуждать

сексуальную жизнь и переживания... На эти социальные изменения, происходящие по всему миру, откликаются как психологи, так и представители иных дисциплин, переопределяя предмет и открывая новые научные проблемы. В России в последние годы гомосексуальность и отношение к ней также стали предметом острых споров, которые преимущественно протекают вне научного поля. К сожалению, со стороны психологического сообщества в них не всегда участвуют те, кто достаточно хорошо представляет себе современное состояние психологии сексуальности.

В условиях, когда запрос законодателей к профессионалам (или их авторитету) противоречит логике развития научного познания, конструктивным ответом представляется открытая научная дискуссия, в которой лишь повестка, но не содержание может определяться представителями власти. Из этого соображения выросла идея настоящего номера: определить те вопросы и задачи, которые встают перед профессиональными психологами при осмыслении тем, поднимаемых законодателем. Рефлексии этих вопросов и задач был посвящен очно-заочный круглый стол, с проведения которого началась работа над материалами выпуска.

Проблемы общественного диалога вокруг вариативных форм сексуальности побуждают изучать основания наших научных представлений о сексуальности, совершенствовать рабочие концепции практик в этой области, а также восполнять пробелы научных знаний, в том числе по спорным вопросам. В подборе материалов для настоящего номера мы

стремились представить вопросы сексуальности через призму различных современных научных подходов и с учетом тех задач, которые стоят перед психологией сексуальности сегодня в России. Когда идея собрать такой выпуск журнала обсуждалась в кругу коллег, возникли сомнения в том, что материалов будет достаточно. В реальности же количество материалов значительно превысило отведенные объемы и привело к созданию нескольких онлайн-приложений. Мы рады, что в работе над номером приняли участие авторы, работающие над фундаментальными проблемами психологии и антропологии сексуальности, эмпирическими исследованиями и рефлексией практики.

Термин «нормализация», вынесенный в заглавие темы, отсылает к идеям Мишеля Фуко, изложенным в известной трилогии «История сексуальности». М. Фуко обосновал тезис о том, что современная власть «производит» (не)нормальность в процессе управления (governmentality), в частности, путем распространения и поддержки определенных дискурсов. Экспертное знание ученых в области социальных наук, по М. Фуко, имеет прямое отношение к процессам распределения власти наряду со случаями прямого законотворчества. Идеи о (не)нормальности определенных форм сексуальности (и телесности в целом), способы их обоснования и воспроизводства в общественном дискурсе должны составлять предмет методологической рефлексии психологов. Мы убеждены, что психология сексуальности — это профессиональная тема, к которой следует подходить с требованиями точ-

ности суждений, корректности, доказательности, невзирая на распространенность разнообразных домыслов, мифов и предрассудков. Мы надеемся, что такому пониманию психологии сексуальности будет способствовать наша работа.

Выпуск открывается двумя материалами, исследующими теоретические рамки в понимании человеческой сексуальности. Дмитрий Исаев в статье «Деконструкция гетеронормативной матрицы» обсуждает возможные методологические альтернативы в понимании сексуальности (пола, гендера, сексуального влечения) при отказе от гетеронормативной матрицы в качестве безусловной посылки. Аргументы разного уровня дополнены иллюстрациями из авторских эмпирических исследований сексуальной ориентации. Автор второй теоретической работы Инга Адмиральская анализирует зависимость общественного понимания нормы в области сексуальности от социально-исторического контекста. Она приводит обзор концептуализаций сексуальности в психологии с акцентом на том, как эти концептуализации влияют на практику психологической работы.

Две другие работы посвящены исследованию проблем ЛГБ в российском контексте. Работа Анны Кочетковой и Татьяны Лапшиной сосредоточена на проблеме психического здоровья ЛГБ подросткового и юношеского возраста в России. С опорой на данные исследований авторы описывают сложности, с которыми сталкиваются молодые люди с негетеросексуальной ориентацией, а также раскрывают направления разработки практик и подго-

товки специалистов по психологической помощи ЛГБ-подросткам. Работа Екатерины Петровой посвящена малоизученному опыту «камингаутов» ЛГБ-людей в России. Автор исследует то, как воспринимается раскрытие негетеросексуальной ориентации близкими, особенно родителями. Она использует модель горевания для анализа реакций родителей на самораскрытие детей и обсуждает влияние гомофобного социального климата на взаимоотношения в семье.

Анализу социальных установок по отношению к гомосексуалам посвящена работа Ольги Гулевич, Евгения Осина, Надежды Исаенко и Лилии Брайнис (на английском языке). Опираясь на содержание социального дискурса, они разрабатывают инструмент для измерения предрассудков по отношению к гомосексуалам в российском контексте и изучают связи этих предрассудков с личностными чертами, религиозностью, авторитаризмом и опытом личного общения с гомосексуалами.

Помимо этих материалов, составляющих основную часть специального выпуска, мы также разместили онлайн несколько дополнительных материалов, раскрывающих отдельные аспекты затронутых тем.

Во-первых, это текст Али Джахроми (на английском языке), посвященный актуальной задаче разработки образовательных интервенций для профилактики и преодоления гомофобии на основе мирового опыта.

Во-вторых, это расширенные материалы дискуссии (краткое описание которой представлено в номере),

возникшей на основе круглого стола. Участники обсуждали вызовы, с которыми сталкиваются профессиональные психологи в условиях законодательной дискриминации по признаку сексуальной ориентации.

В-третьих, в приложение вынесена статья Дмитрия Толкачева, который провел политологический анализ обсуждаемого закона и проследил, каковы его последствия в отношении к гомосексуальности в общественной жизни. Он приходит к обоснованию не только запроса на исследование гомосексуальности, но и важности десекуализации этой темы, т.е. понимания (не)нормативной сексуальности в контексте культурной реальности.

И наконец, в-четвертых, особое место в приложении занимают мате-

риалы социально-психологических исследований, проведенных по запросу адвоката в рамках дела Елены Климовой, создательницы группы самопомощи ЛГБ-подростков. Они дают возможность сопоставить разные стратегии исследования одного и того же материала (до сих пор была публичной и обсуждалась лишь обвинительная экспертиза по этому делу).

Мы надеемся, что представленные материалы станут основой для профессионального диалога, посвященного теоретическим и прикладным вопросам психологии сексуальности в России.

***Т.Н. Лапина
А.А. Леонтьева
Е.Н. Осин***

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕТЕРОНОРМАТИВНОЙ МАТРИЦЫ

Д.Д. ИСАЕВ^а

^а Клиника «Скандинавия», 191114, Россия, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 55А

Резюме

В работе проводится деконструкция бинарной модели гетеронормативной матрицы через проблематизацию трех ее компонентов: пола, гендера и сексуальной ориентации. Показана детерминированность отношения к телесности (полу) и сексуальности на основе доминирующего бинарного дискурса. Приведены результаты изучения сексуальной ориентации в трех группах сравнения: 94 трансгендерных мужчины, обратившихся для получения разрешения на смену пола, 41 гомосексуальный и 30 гетеросексуальных мужчин. Сексуальная ориентация как целостный психологический конструкт включает в себя ряд подсистем, не всегда совпадающих по направленности. Важным результатом было обнаружение относительной независимости параметра «влюбленность» от направленности влечения. Корреляционный анализ показал, что влечение к лицам своего и противоположного пола носит независимый характер, может быть описано как ортогональная, а не альтернативная модель и для чувственного влечения, фантазий, и для влюбленностей. Получено подтверждение факта, что именно гендерная матрица как социальное предписание довлеет над сексуальностью индивида, самокатегоризация в каждой из групп идет преимущественно через оценку себя «от противного». Срабатывает механизм самопрограммирования и конструирования своей идентичности в соответствии с уже избранной моделью, под которую подстраивают актуальное поведение. Актуальность деконструкции гетеронормативной матрицы состоит в необходимости показать возможность и закономерность сосуществования множества не тождественных друг другу, а вполне равноправных смысловых моделей. Их инаковость должна рассматриваться как нечто самодостаточное, дополнительное, а не взаимоисключающее к любой иной модели отношений. Ослабление жесткой гендерной дихотомии и ломка традиционной системы гендерной поляризации предоставляют возможность для личности обрести и реализовывать ту гендерную идентичность, которая является результатом индивидуального опыта и его творческого переосмысления, соотношения своих индивидуальных параметров/желаний с культуральными моделями.

Ключевые слова: пол, гендер, сексуальная ориентация, гетеронормативная матрица, бинарная модель.

Гетеронормативная матрица

Весь мир, в котором мы живем, представляет собой модель или мировоззренческую концепцию и

одновременно систему отношений, в которую мы вписаны, но которую мы не замечаем потому, что она кажется нам естественной и привычной. Мы обращаемся к ней, когда нуждаемся в

объяснении чего-то нового, ее положениями аргументируем свои взгляды или установленные научные факты.

Благодаря усилиям философов, лингвистов и социологов было подтверждено, что в описании любой картины мира лежат бинарные оппозиции, причем они носят универсальный характер (Руднев, 2009).

Бинарная модель, понимаемая как совокупность противоположных и взаимосвязанных сущностей, лежит в основе модернистского мировосприятия и воспроизводится на уровне индивидуального сознания через понятия «мужское» и «женское», телесную данность и противопоставление полов, а также их неизменность. В этой системе координат краеугольным камнем оказывается гендерная матрица, в которой пол/гендер/сексуальность представляют собой единый и неделимый конструкт (Батлер, 2000) (надо заметить, что таковой эта матрица стала представляться лишь последние столетия, по мере придания особого значения изучению сексуальности). Неизменность гендерного порядка нам пытались внушить классики прошлого: «...разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом — разделением труда, совершившимся само собой или “естественно возникшим” благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям». (Маркс, Энгельс, 1955, с. 30), Также продолжают это делать и многие современные политики и ученые: «Различие полов задано, прежде всего, естественным процессом природной и социальной эволюции, закрепившей

за ними определенные и целесообразные функции» (Бульчев, 2004).

Жан-Поль Сартр писал, что человек заброшен в определенную ситуацию, он не выбирает ее, но перед ним стоит очень важная задача разобратся в этой ситуации, чтобы в полной мере ощутить свободу и принять ответственность за происходящее с ним (Сартр, 1989). Однако заявленная задача предстает не такой простой, как может показаться. Обращение рядового читателя к научной информации с целью разобратся в проблеме гендера скорее повергает в уныние, чем вселяет оптимизм.

Очень часто мы наблюдаем, что проводимые в психологии и сексологии исследования не содержат какой-либо качественно новой информации, они используют прежний методологический инструментарий, жестко привязанный к старым, хорошо известным эссенциалистским теориям. Тем самым они выполняют функцию верификации уже существующих взглядов, которые вовсе не соответствуют современному уровню понимания гендера и в рамках научного дискурса воспроизводят континуально-биполярную гетеронормативную модель. Кроме того, количественный подход, занимающий доминирующую роль в исследовательской и диагностической практике в отечественной психологии, оказывается не только малопригодным для получения ценной информации понимания гендерных особенностей человека, но и вредным, так как тиражирует и навязывает устаревшие представления. Типичный пример: использование шкалы «Маскулинность — фемининность»

(5-я шкала) в ММРІ или «Полоролевого опросника Сандры Бем» в разных модификациях. Выход из этого методологического тупика может быть найден лишь благодаря использованию качественного подхода, позволяющего осуществлять концептуализацию наблюдаемых фактов с выходом на «теории данного случая» (Семенова, 1998, с. 206). Важнейшим элементом принципиально нового подхода, основанного на попытке выйти за границы доминирующего дискурса, оказывается субъективизация, прочтение индивидуально-личностного своеобразия, а не поиск «универсальных» показателей, определенных качеств и свойств, уже имеющих гендерную маркировку в нашей культуре. Речь не идет об отказе использовать количественные методы, а лишь о необходимости обращаться к реконструкции субъективной картины гендера, например, в рамках психосемантической парадигмы.

Обращаясь к проблемам гетеронормативности, мы вольно или невольно в практической плоскости тестируем идеи Жака Дерриды о децентрации, о разрушении набора «прописных истин», среди которых идеи бинаризма занимают доминирующую позицию. Он показал необходимость «опрокидывания» ценностного ряда иерархически организованных бинарных оппозиций, среди которых оказываются и гетеронормативная матрица и необходимость выхода из замкнутости властных отношений «нормативного центра» и «периферии» (Деррида, 2000а, б). Деконструкция возможна, только если мы сами попытаемся абстрагироваться от привычной

системы координат, выйти за рамки привычного дискурса через его проблематизацию.

В рамках гетеронормативной матрицы существует несколько уровней, объединенных концепцией или представлением, которое зафиксировано в биполярной модели, утверждающей существование двух противоположностей, двух полюсов. Первый уровень касается пола, второй — гендера, третий — сексуальности. Проблематизация этих уровней, их сложность и неоднозначность и составляют предмет нашего рассмотрения.

Бинарность пола

Даже такое простое понятие, как «пол», выглядит вовсе не таким простым, когда встает задача его определения у индивида. Всемирная организация здравоохранения предлагает нормативные показатели, по которым следует определять пол новорожденного: это критерий длины ствола пениса/тела клитора. Девочки — это те, у которых меньше 1 см, а мальчики — те, у которых больше 2.5 см. Результаты измерений должны определять, как будут обращаться с ребенком в дальнейшем, будут его называть девочкой или мальчиком, какое имя дадут. Но уже в нормах обнаруживается существование зоны неопределенности, в которую попадают те, кто на основании измерений располагаются между предлагаемыми 1 и 2.5 см.

К лицам, родившимся с трудноопределяемыми гениталиями по полу, элементами мужской и женской анатомии одновременно, имеющих несовпадение наружных и внутренних половых

органов или несовпадение анатомии с хромосомным полом, применяется понятие интерсексуальности (устаревший термин — гермафродитизм).

В тех случаях, когда визуально обнаруживались аномалии гениталий при рождении, детей традиционно в возрасте до 3 лет подвергали операции (пластика половых органов), чтобы определиться с полом ребенка и тем самым успокоить окружающих. Но проблема часто не распознается до пубертата, когда у ребенка появляются неожиданные телесные изменения или, напротив, не появляются ожидаемые вторичные половые признаки.

В последние десятилетия стали понимать, что это только внешняя (телесная) часть проблемы. Человек с интерсексуальностью в детстве или подростковом возрасте, а иногда уже и во взрослом возрасте должен выявить и/или определить свою гендерную идентичность. А она вовсе не обязательно совпадает с тем полом, который ему приписали акушеры или посчитали необходимым сделать врачи, хирурги или родители. Более того, выясняется, что определенная часть таких людей вообще не хотели бы говорить о принадлежности к какому-то определенному полюсу М/Ф, т.е. они хотят находиться вне половой бинарности (выбирают «интерсексуальную идентичность»).

Понимая это, в Германии ради защиты детей от последующих ненужных операций разрешили родителям вписывать в метрику «третий пол», выбрав вариант «неопределенный», а когда ребенок повзрослеет, он сможет самостоятельно указать, к какому полу себя причисляет. Подобная практика

избавляет многих детей от возможной стигматизации, опасности гендерного кризиса, связанного с неприятием своего телесного Я.

Эта, казалось бы, сугубо медицинская проблема заставляет задуматься: а где же находится тот «ядерный пол» индивида, который может приводить к отказу от телесной данности? Что первично: голова (психика) или репродуктивные органы?

Мы говорим и верим в неизменное существование только двух полов, но еще 150–200 лет назад считалось, что существует только один пол — мужской. А женщины объявлялись НЕДОмужчиной, т.е. анатомически несовершенной копией мужского организма, а потому слабыми, с разнообразными отклонениями, поэтому у женщин все представлено не так, «как надо». Артур Шопенгауэр в 1851 г. писал, что женщина — это «род промежуточной ступени между ребенком и мужчиной, который и есть собственно человек» (Шопенгауэр, 1990, с. 288). Но даже после «обнаружения» женского пола он все равно рассматривался всегда как что-то вторичное, подчиненное, зависимое и одновременно антагонистичное по отношению к мужскому.

Исследования в XX в. привели сначала к выделению социокультурной составляющей пола — гендеру, а затем и к пониманию того, что даже биологические характеристики пола являются социально сконструированными, т.е. все анатомио-физиологическое многообразие произвольно отнесено к одному или другому полюсу мужского или женского. Пол оказывается социальной категорией, которая приписывается биологическому организму, и зачастую это приписывание

никак не связано с видимыми анатомо-морфологическими особенностями человека (Воронцов, 2003). Для человека биологический пол всегда существует только как условная система объяснений, т.е. как метафора, которая выполняет роль культурно-формирующего фактора (Чумаков, 2010). Биологическая природа пола представляет собой искусственно созданную иллюзию, утвержденную властным дискурсом. Та данность, которую мы привыкли называть полом, «сама есть исторический конструкт и на самом деле является политической категорией» (Батлер, 2005, с. 302). В самой оппозиции «мужское — женское» заключена возможность использовать пол и для четкой маркировки границы между Своими и Чужими, и для продуцирования отношений неравенства и контроля (Рябова, 2008а). К полу апеллируют, поскольку он легко идентифицируется человеком, стереотипные представления о характеристиках мужчин и женщин легко соотносятся с личным опытом, отношения полов воспринимаются как самые очевидные, понятные, а потому легитимные (Там же). Одновременно натурализация пола оказывается одним из средств для навязывания гетеронормативной гендерной идентичности: «Человек должен вести себя, одеваться, говорить, думать, как подобает женщине/мужчине, потому что является человеком женского/мужского пола, то есть потому, что этот человек есть женщина/мужчина» (Хитрук, 2012, с. 44).

Бинарность гендера

Второй блок в рассматриваемой матрице занимает понятие «гендер».

Сам термин впервые появился в работах сексолога Джона Мани в 1955 г., когда он столкнулся с необходимостью описывать психологические качества лиц с неясно определяемым полом и транссексуалов. При помощи нового термина («гендера») была предпринята попытка провести структурное отделение природного (генетических, физиологических и репродуктивных характеристик) от приобретенного (культурного) в человеке.

В настоящее время существует два кардинально противоположных подхода к пониманию гендера. В классической (эссенциалистской) парадигме, которой придерживаются очень многие отечественные медики и психологи, пол (биологические различия) рассматривается как природная основа, первопричина психологических и социальных различий между женщинами и мужчинами. А гендер («психологический пол»), выраженный в конструкте «маскулинность/феминность», понимается как комплекс качеств, объективно присущих индивиду, проявления которых регулируются культурой. Одновременно это и достигаемый социальный статус, который связан с исполнением определенных социальных ролей.

Конструктивистский подход рассматривает маскулинность/феминность как продукт культуры; согласно этому подходу, гендерные характеристики индивида не зависят от пола, а представляют набор установок, ролей, норм поведения, иерархию ценностей, свойственных мужскому или женскому полу в каждом конкретном обществе. При этом маскулинность и феминность понимаются не

как черты или роли, а как характеристики взаимодействия субъектов, которые подвергаются гендерной оценке. Гендер в социальном взаимодействии выступает только как когнитивная схема, в виде обусловленных культурой представлений о том, какие личностные признаки свойственны людям того или иного пола (Воронцов, 2008).

Важно понимать, что гендер конструируется не только самим обществом, но и каждым конкретным человеком. Усваивая и принимая определенные правила с раннего детства, люди уже не мыслят себя вне определенных рамок, конструируют на их основе свой собственный образ (гендерный дисплей), воспроизводят отношения, которые относятся к гетеронормативным. Конструирование гендерного сознания индивидов происходит посредством распространения и поддержания социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний, за соблюдением которых общество в лице его членов внимательно следит. В своем поведении, в реализуемых социальных ролях индивиды выстраивают гендер как для себя, так и для окружающих.

Гендерные стереотипы обладают ярко выраженными эмоционально-оценочными характеристиками. Все, что определяется как мужское, рассматривается в качестве позитивного и доминирующего, «мужскими» называются характеристики, соотносимые, как правило, с позициями власти и управления, а женское рассматривается в качестве негативного и периферийного (Чумаков, 2010). Работу по систематизации зарубежного и отечественного опыта, в которой представлены разнообразные

взгляды и теории по этому вопросу, опубликовали недавно гендерные социологи (Здравомыслова, Тёмкина, 2015). Подобного рода иерархизированность мужского и женского, андроцентризм помогает поддерживать властные отношения и социальную организацию общества в целом (Рябова, 2008б) — в этом смысл и назначение гетеронормативной матрицы. «Естественность» мужского господства, как и «естественность» противостояния полов, есть результат длительной мифологизации, которая требует бесконечного ритуализованного повторения определенных ментальных установок, их воспроизводства в межличностном взаимодействии, внедрения в самосознание и тело социальных агентов (Хитрук, 2014). С одной стороны, понятие маскулинности и феминности являются историческим и культурным вымыслом, но эти вымыслы становятся психологической реальностью, как только они институционализируются доминирующим гетеронормативным дискурсом, овладевают умами каждого члена социума. Бинарность ментальных установок, как и бинарность внешнего социального порядка, находит свое подтверждение и «естественную» реализацию в телах людей, которые превращаются в носителей субъективно-объективной дихотомии и демонстрируют, таким образом, нерушимый «природный» характер гендерной поляризации и субординации (Там же).

«Программируемая субъективность» превращается в гендерную идентичность, которая отражает внутреннее самосознание, неразрывно связана с восприятием себя и

лежит в основе мировосприятия. В рамках подобного подхода становится очевидной тотальная сконструированность и предопределенность субъекта метанарративом, его субординированность по отношению к властной структуре (Агафонова, 2005). Именно гендер выступает в форме метанарратива, в задачу которого входит объяснение и иерархическое выстраивание множества локальных нарративов. Вопреки «здравому смыслу» подобный подход показывает обусловленность восприятия пола от гендера (доминирующей гендерной схемы), а не наоборот.

Однако такой подход встречает ожесточенное сопротивление. Проблема соотношения «природного» и «культурального» до сих пор остается чрезвычайно удобным вопросом для обвинения социологов, философов и психологов в том, что природное есть, но якобы игнорируется обществоведами и гендерными психологами, так как «они просто не знают и не изучают природные различия полов». Вроде как «конструктивизм — это хорошо», но именно природа берет свое и делает из мальчиков — мужчин, а из девочек — женщин, при этом в качестве доводов приводятся самые разные и далеко не всегда корректные исследования. Сложно было бы что-либо возразить, если не учитывать того факта, что природные задатки намного более разнообразны и вариативны в своей потенциальности к развитию, чем то, что из них хочет и может сделать современная культура. Разнообразие психологических и социальных характеристик женщин и мужчин, принципиальное тождество биологи-

ческих характеристик людей позволяет сделать вывод о том, что биологический и соматический пол не может быть объяснением различий их социальных ролей, существующих в разных обществах (Воронина, 2002). Говоря иначе, каждый человек обладает значительно большим диапазоном способностей и возможностей, чем он развивает в себе к периоду зрелости, в соответствии с тем, что оказывается востребовано культурой и соответствует гендерным нормативам. Социальная заданность гендерных проявлений постоянно дисциплинирует индивида, навязывает границы существования Я на всех уровнях, вызывая ощущение их «естественности» и «природности». Но так же, как родной язык становится таковым лишь в процессе его усвоения, так и гендер обретается через присвоение когнитивных гендерных схем (линз гендера) и в процессе выполнения предписанных гендерных ролей и воспроизводства гендерного дисплея.

Бинарность сексуальной ориентации

Гендерная матрица не может быть рассмотрена без разбора вопроса о сексуальной составляющей. В гетеронормативных контекстах допустимой идентичностью считается лишь гетеросексуальная идентичность (Rosenfeld, 2009). А сама гетеросексуальность культивируется через запреты, которые оправдываются стремлением сохранить общество как систему биологического воспроизводства (Пырьянова, 2014).

Однако и в вопросе о сексуальной ориентации все выглядит не так

однозначно. Традиционная дихотомия «гомо — гетеро» при ближайшем рассмотрении оказывается жестко привязанной к устаревшим бинарным моделям. Даже предлагаемые в последние годы определения подчеркивают эту неоднозначность и проблемность. Сексуальная ориентация характеризует отклик человека на гендерно окрашенные стимулы. Человек может испытывать сексуальное и/или эмоциональное влечение только к женщинам (не ко всем подряд), только к мужчинам (не ко всем подряд), и к мужчинам, и к женщинам, и/или к интерсексуалам, трансвеститам, трансгендерам и другим людям, не вписывающимся в существующие гендерные нормы. Некоторые люди безразличны к гендерно окрашенным стимулам и могут считаться асексуальными (Venestad, 2002).

В качестве классификационных критериев сексуальной ориентации могут использоваться: актуальное сексуальное поведение (например, количество партнеров своего и противоположного пола); имеющиеся чувства (например, фантазии и желания); самокатегоризация людей (кем они себя считают) (Laumann et al., 1994), а также генитальные или мозговые реакции (физиологические измерения возбуждения в ответ на мужские и женские образы) (Wilson, Rahman, 2005). Практически всегда в качестве определяющих в литературе ссылаются на один или оба компонента: «поведенческий» и «психологический» (Sell, 2007).

В течение последних 60 лет самым распространенным инструментарием для измерения сексуальной ориентации была биполярная

шкала Кинзи. Однако на современном этапе развития науки сексуальная ориентация переосмысливается с позиции социального конструктивизма. В рамках подобного подхода ориентация оказывается не столько природной данностью, сколько интерпретацией действий и чувств индивида. И именно общество задает конкретный смысл (и название) поведению и чувствам (Dixon, 2005).

Прежние представления о сексуальной ориентации нуждаются в пересмотре и проверке. Например, Л. Гарнетс (Garnets, 2002) указывает на четыре принципиальные позиции, нуждающиеся в ревизии. Во-первых, сексуальную ориентацию надо рассматривать не как биполярную дискретную шкалу, а как два отдельных и независимых измерения, в разной степени и интенсивности связанных с привлекательностью мужчин и привлекательностью женщин. Во-вторых, не столько сексуальное поведение определяет сексуальную ориентацию (как считалось ранее), но также фантазии, эмоциональные привязанности, статус текущих отношений и самоидентификация. В-третьих, новая парадигма допускает несогласованность между желаниями, поведением и сексуальной идентичностью. В-четвертых, сексуальная ориентация вовсе не обязательно должна быть стабильной и неизменной в течение жизни. Большая пластичность и изменчивость сексуальной ориентации оказывается характерной скорее для женщин, чем для мужчин (Vau-meister, 2000).

Не отрицая факта самого существования сексуальной ориентации, следует признать, что смысловое

наполнение этой категории (как самокатегоризация, так и приписывание) выстраивается преимущественно на основе доминирующего общественного дискурса, и далеко не факт, что соответствует тем результатам, которые могут показать специально сконструированные исследования.

Эмпирический анализ компонентов сексуальной ориентации

Метод

Для изучения компонентов, лежащих в основе сексуальной ориентации, были использованы «Опросник чувственных предпочтений» (32 пункта) и «Опросник привлекательности и отвержения» (16 пунктов) (Dixon, 2005, перевод автора). В них предлагалось оценить частоту и интенсивность переживаний эротических фантазий, влечения, влюбленностей и контактов в течение жизни и в актуальный период времени (за последний месяц) к лицам мужского и женского пола по отдельности. Помимо этого, были представлены вопросы об эмоциональном восприятии возможности эротических снов, сексуальных действий или внимания со стороны привлекательного/непривлекательного лица мужского и женского пола, а также возможности активной/пассивной роли в эротическом контакте.

Выборку исследования составили 165 человек в трех группах сравнения: 94 трансгендерных мужчины, обратившихся для получения разрешения на смену пола, а также 41 гомосексуальный и 30 гетеросексу-

альных (по самоидентификации) мужчин. Возраст респондентов составлял от 18 до 35 лет. Исследование проводилось в 2012–2013 гг. в Санкт-Петербурге, ранее представлялись лишь предварительные результаты сравнения двух групп. Данные опросников соотносились с результатами, полученными по методике «Универсальный трехфакторный семантический дифференциал» в нашей модификации (Исаев, 2012), математическая обработка включала корреляционный и факторный анализ.

Результаты

Сравнительный анализ среднегрупповых данных по показателям самокатегоризации выявил, что в группе гетеросексуалов исключительно гетеросексуальными считают себя 90%, а остальные – преимущественно гетеросексуальными. В группе гомосексуальных мужчин лишь 48.8% считали себя исключительно гомосексуальными, более половины признавали себя преимущественно гомосексуальными или даже бисексуальными (4.9%). Таким образом, оказывается, что гомосексуальная группа даже на уровне самосознания выглядит как континуум между бисексуальностью и исключительной гомосексуальностью. В группе трансгендерных мужчин (биологических женщин) были получены все варианты ответов от «исключительной гетеросексуальности» до «исключительной гомосексуальности». В этой группе только 57.4% считали себя исключительно гетеросексуальными (испытывали влечение к лицам своего биологического пола),

а остальные довольно равномерно располагались по шкале А. Кинси (таблица 1).

Как показали результаты, вопреки бытующему в обществе представлению, гетеросексуальные мужчины обретают уверенность в своей гетеронормативности не через наличие влечения к противоположному полу, а на основе отсутствия гомосексуальных переживаний и контактов. Ощущение себя исключительно гетеросексуальным позволяет им, в свою очередь, чувствовать себя увереннее и увеличивает уровень притязаний в сторону большей доминантности, стеничности, «мужественности».

Самокатегоризация гомосексуальных мужчин осуществлялась на основе анализа отсутствия гетероэротических чувств, влечения, а не интенсивности переживания гомоэротических устремлений (картина зеркальная по отношению к гетеросексуалам). Их отличает от гетеросексуальных мужчин то, что они ориентируются исключительно на чувства, а не на контакты.

Трансгендерные лица демонстрируют большую вариативность в сек-

суальной ориентации, однако для них она также оказывается важным способом оценивать свою гендерную нормативность в соответствии с избранным мужским гендером. Они отрицают эротические фантазии, влюбленности и влечение к мужскому полу — это оказывается для них очень значимым показателем, при одновременном существовании не всегда осознаваемого влечения к мужскому полу. Соответствие «нормативной» сексуальной идентичности повышает уверенность трансгендерных мужчин в себе, увеличивает значимость партнерских отношений, в которых они хотели бы видеть партнершу более феминную, зависимую, ведомую, соответствующую традиционной гендерной схеме. Одновременно декларация своей нормативности с точки зрения направленности влечения сочеталась с тенденцией к негативному восприятию гомосексуальности.

Таким образом, трансгендерные мужчины не только решают психологическую задачу отвержения интереса к мужскому полу, но и нацелены

Таблица 1

Частотное распределение самокатегоризации сексуальной ориентации по шкале А. Кинси (в %)

Обследованные группы	Исключительно гомосексуальные	Преимущественно гомосексуальные	Скорее гомосексуальные	Бисексуальные	Скорее гетеросексуальные	Преимущественно гетеросексуальные	Исключительно гетеросексуальные
Трансгендеры	57.4	10.6	8.5	7.4	8.5	5.3	2.1
Гомосексуалы	48.8	36.6	9.8	4.9			
Гетеросексуалы					3.3	6.7	90.0

на нахождение у себя «нормативно-го» (с точки зрения желаемого гендера) влечения к женскому полу.

Корреляционный анализ (ранговая корреляция Спирмена) показал, что влечение к лицам своего и противоположного пола носит независимый характер, может быть описано как ортогональная, а не альтернативная модель и для чувственного влечения, фантазий, и для влюбленностей (рисунки 1, 2). Отличную от этого модель (на когнитивном уровне) демонстрируют лишь трансгендерные мужчины, которые ориенти-

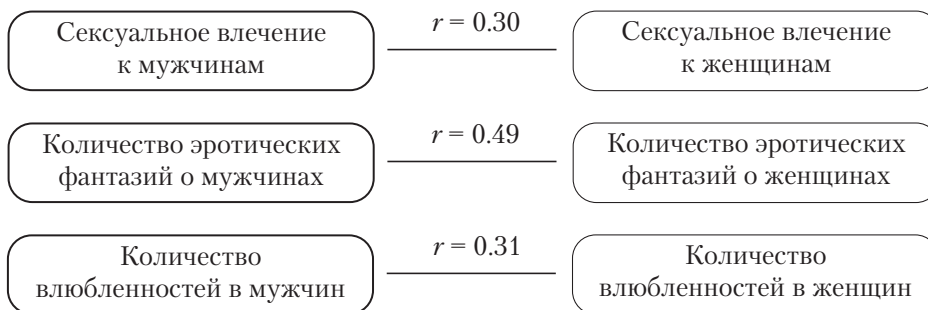
рованы на построение патриархатной гендерной матрицы, в которой гендер и сексуальность связаны в единый жестко согласованный конструкт (рисунок 3).

Обсуждение

Сексуальная ориентация как целостный психологический конструкт включает в себя ряд подсистем, не всегда совпадающих по направленности. В этих случаях начинает срабатывать механизм самопрограммирования и конструи-

Рисунок 1

Соотношение направленности влечения на мужчин и женщин у гетеросексуальных мужчин (p < 0.05)

Рисунок 2

Соотношение направленности влечения на мужчин и женщин у гомосексуальных мужчин (p < 0.05)

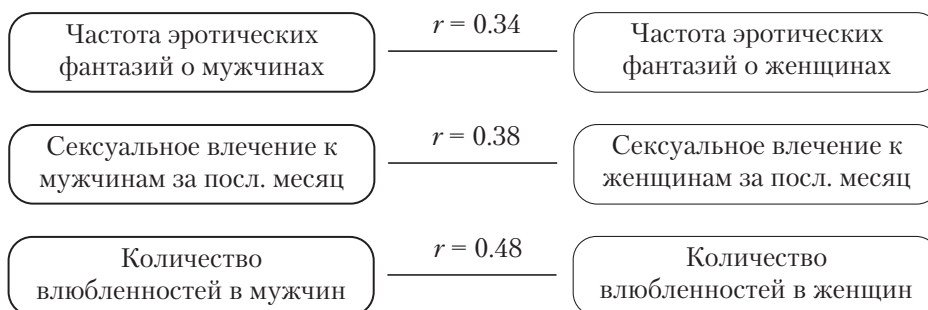
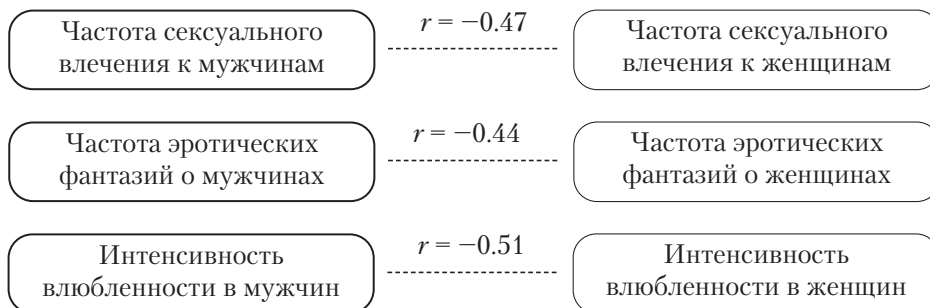

Рисунок 3

Соотношение направленности влечения на мужчин и женщин у трансгендерных мужчин
($p < 0.05$)

рования своей идентичности в соответствии с уже избранной моделью, под которую подстраивают актуальное поведение, даже если это не в полной мере соответствует чувственной природе данного индивида (McKnight, 1997). Важным результатом было обнаружение относительной независимости параметра «влюбленность», который образует отдельный фактор и не входит в структуру сексуальной ориентации в рассматриваемых группах.

В своем исследовании мы получили подтверждение того факта, что именно гендерная матрица как социальное предписание довлечет над сексуальностью индивида, поэтому гетеросексуальность превращается, прежде всего, в форму доказательства своей «мужественности», нормативности и, в конечном счете, социальной комформности, приверженности властному дискурсу. «Культуральные представления и социальное давление направляют сексуальные чувства и поведение в определенном направлении» (Kauth, 2000, p. 191), что и было подтверждено на нашей выборке. Очевидным

оказывается, что самокатегоризация в каждой из групп идет преимущественно через оценку себя «от противного», одновременно была получена картина тесной взаимообусловленности «гомо — гетеро» полюсов.

Как и в случае с телесностью, гендер является определяющим для маркирования сексуальной ориентации: гендерные характеристики, проявляемые в межличностном взаимодействии, а не пол реальных сексуальных партнеров являются сигнификатом сексуальной ориентации человека в социуме. Общество склонно декларировать жесткую взаимосвязь между отклонением от гендерного дисплея и сексуальной атипией. Как известно, к ЛГБТ-сообществу приписывают исключительно на основе каких-то внешних, весьма неоднозначных признаков.

Деконструкция бинарной гендерной модели угрожает разрушить фундаментальные основы доминирующего консервативного дискурса, опирающегося на эссенциалистскую парадигму «обыденного» сознания, и привести к фундаментальному (либеральному) перевороту, в котором

системообразующим является не бинарный порядок, а индивидуальная вариативность и креативность. Именно они могут лечь в основу благополучия общества, в котором человек окажется высшей ценностью. С этой точки зрения решение проблемы гетеронормативности приобретает особое значение в борьбе прогрессивных и консервативных тенденций. «Консервативный дискурс объяснил всем, что гендер разрушает семью, гетеросексуальность, нацию» (Тёмкина, 2015). Говоря иначе, интуитивно понимая, что именно гендер является «большим нарративом», приверженцы консервативных взглядов пытаются оградить людей от знания механизмов работы гендера, тем самым добиваясь консервации системы власти и неравенства, которая им кажется очень комфортной. Дискурс умолчания очень удобен и активно используется неоконсерваторами не только в вопросе о сексуальных меньшинствах, но и в проблемах, поднимаемых феминизмом, так как это способ избежать осознания нарратива, который, как и любой текст, может быть отредактирован и даже переписан (воспроизводство доминирующего дискурса посредством «умолчания» — см.: Радина, 2007). Но то, что не осознается людьми, не стало отрефлексированным нарративом, переписать, конечно, невозможно. Принятие бинарной/биполярной социальной модели основывается на бессознательном беспроблемном восприятии когнитивных схем, которые не подвергаются рефлексии. Индивид принимает данные схемы как данность, исходя из ощущения, что они являются единственно воз-

можными. Проблематизация возникает лишь в результате гендерного кризиса (несовпадения собственных потребностей и требований доминирующего дискурса) или в процессе выстраивания индивидуального нарратива, ориентированного на индивидуальное своеобразие.

Выводы: переосмысление гендера и сексуальности

Утверждение актуальности задачи деконструкции гетеронормативной матрицы состоит вовсе не в желании «перевернуть отношения», унижить или отвергнуть гетеросексуальность (на что спекулятивно пытаются намекать радетели «традиционных ценностей»), а в необходимости показать возможность и закономерность сосуществования множества не тождественных друг другу, но вполне равноправных смысловых моделей. Их инаковость должна рассматриваться как нечто самодостаточное, дополнительное, а не взаимоисключающее относительно любой иной модели отношений.

Вслед за постструктуралистами можно сказать, что настоящее субъекта (богатство Я) образуется в результате взаимодействия с тем, чем он сам не является. Чем шире это взаимодействие и больше соприкосновение с иным (Другим), тем личностно богаче оказывается внутренний мир человек и креативнее его бытие. Мы обречены жить в мире, где все разные и непохожие, но это позволяет нам самим становиться духовно богаче и осознавать свою уникальность.

Дегендеризация общества, которой нас так часто пугают, означает не

одинаковость женщин и мужчин, а возможность освободиться от гендерных шаблонов и приобрести бóльшую адаптивность и изменчивость в быстро меняющемся мире на основе максимального использования своих индивидуальных задатков, «полнее и глубже стать собой» (Киммел, 2006). Ослабление жесткой гендерной дихотомии и ломка традиционной системы гендерной

поляризации предоставляют возможность для личности обрести и реализовывать ту гендерную идентичность, которая выстроена не на основе пассивного усвоения норм и требований гендерной роли, а является результатом индивидуально-го опыта и его творческого переосмысления, соотнесения своих индивидуальных параметров/желаний с культуральными моделями.

Литература

- Агафонова, Е. В. (2005). *Перспективы субъективности в контексте нарративной проблематики* (Автореферат кандидатской диссертации, Томский государственный университет, Томск).
- Батлер, Дж. (2000). Гендерное беспокойство. В кн. Е. Гапова (Ред.), *Антология гендерной теории* (с. 297–346). Минск: Прополис.
- Батлер, Дж. (2005). Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар. В кн.: *Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии* (с. 292–303). М.: РОССПЭН.
- Бульчев, И. И. (2004). Образы маскулинности и феминности в формате гендерной картины мира. *Credo new. Теоретический журнал*, 1. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/384/56/>
- Воронина, О. А. (2002). Гендер. В кн. А. А. Денисова (Ред.), *Словарь гендерных терминов* (с. 21–24). М.: Информация XXI век.
- Воронцов, Д. В. (2003). *Социальная психология пола. Методические указания к спецкурсу «Основы гендерной психологии»*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного университета.
- Воронцов, Д. В. (2008). *Гендерная психология общения*. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета.
- Деррида, Ж. (2000а). *Письмо и различие*. СПб.: Академический проект.
- Деррида, Ж. (2000б). Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук. В кн. Г. К. Косиков (Сост.), *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму* (с. 407–420). М.: Издательская группа «Прогресс».
- Здравомыслова, Е. А., Тёмкина, А. А. (2015). *12 лекций по гендерной социологии. Учебное пособие*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Исаев, Д. Д. (2012). *Психологическое понимание и измерение пола. Учебное пособие*. СПб.: Изд-во СПбГПМУ.
- Киммел, М. (2006). *Гендерное общество*. М.: РОССПЭН.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Немецкая идеология. В кн. К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (2-е изд., т. 3, с. 7–544). М.: Изд-во политической литературы.
- Пырьянова, О. А. (2014). *Феномен фигуративной сексуальности: сущность и репрезентация* (Кандидатская диссертация, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

- Радина, Н. К. (2007). Молчание как действие: технологии воспроизводства расистского дискурса в процессе преподавания в высшей школе. В кн. В. Воронков, О. Карпенко, А. Осипов (Ред.), *Расизм в языке образования* (с. 131–135). СПб.: ЦНСИ.
- Руднев, В. П. (2009). *Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты*. М.: Аграф.
- Рябова, Т. Б. (2008а). *Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике*. Иваново: Ивановский государственный университет.
- Рябова, Т. Б. (2008б). Гендерные стереотипы как фактор оценки субъектов политического процесса. *Женщина в российском обществе*, 2, 44–52.
- Сартр, Ж.-П. (1989). Экзистенциализм – это гуманизм. В кн. А. А. Яковлев (Ред.), *Сумерки богов* (с. 319–344). М.: Политиздат.
- Семенова, В. (1998). *Качественные методы: введение в гуманистическую социологию*. М.: Добросвет.
- Тёмкина, А. А. (2015). *Гендер, секс и феминизм: взгляд социолога*. Режим доступа: <http://arzamas.academy/materials/959>
- Хитрук, Е. Б. (2012). «Существует ли женщина?»: деконструкция женской субъективности и телесности в философии постмодерна. *Вестник Томского государственного университета*, 361, 39–44.
- Хитрук, Е. Б. (2014). Символическое насилие как основной механизм воспроизводства гендерной поляризации и субординации в теории П. Бурдьё. *Вестник Томского государственного университета*, 388, 81–85.
- Чумаков, В. И. (2010). *Гендерология и феминология. Учебно-методическое пособие для студентов*. Волгоград: Изд-во ВолГМУ.
- Шопенгауэр, А. (1990). *Афоризмы и максимы*. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета.
- Baumeister, R. F. (2000). Gender differences in erotic plasticity: the female sex drive as socially flexible and responsive. *Psychological Bulletin*, 126(3), 347–374.
- Benestad, E. E. P. (2002). Gender belonging: Children, adolescents, adults and the role of the therapist. In *Queer Counselling and Narrative Practice* (pp. 204–225). Adelaide: Dulwich Centre Publications.
- Dixon, S. A. (2005). *Sexual orientation identity as cultural construct: Toward a social constructionist understanding* (PhD dissertation). Antioch New England Graduate School, Keene, NH.
- Garnets, L. D. (2002). Sexual orientations in perspective. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 8(2), 115–129.
- Kauth, M. R. (2000). *True nature: A theory of sexual attraction*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Laumann, E. O., Gagnon, J. H., Michael, R. T., & Michaels, S. (1994). *The social organization of sexuality: Sexual practices in the United States*. Chicago: University of Chicago Press.
- McKnight, J. (1997). *Straight science? Homosexuality, evolution and adaptation*. London: Routledge.
- Rosenfeld, D. (2009). Heteronormativity and homonormativity as practical and moral resources: The case of lesbian and gay elders. *Gender and Society*, 23(5), 617–638.
- Sell, R. L. (2007). Defining and measuring sexual orientation for research. In *The health of sexual minorities: Public health perspectives on lesbian, gay, bisexual and transgender populations* (pp. 355–374). New York: Springer.

Wilson, G., & Rahman, Q. (2005). *Born gay: The psychobiology of sex orientation*. London: Peter Owen Publishers.

Исаев Дмитрий Дмитриевич — врач-психотерапевт, клиника «Скандинавия», кандидат медицинских наук.
Контакты: dr.disaev@gmail.com

Deconstruction of Heteronormative Matrix

Dmitry D. Isaev^a

^a “Scandinavia” clinic , 55A Liteinyi pr., St Petersburg, 191114, Russian Federation

Abstract

The deconstruction of the binary model of heteronormative matrix through problematization of its three components: sex, gender and sexual orientation is performed in the present article. The determination of attitude towards corporeality (sex) and sexuality is shown on the basis of the dominant binary discourse. The author cites the results of the study on sexual orientation in three comparison groups: 94 transgender men, who appealed for permission to change their sex, 41 homosexual and 30 heterosexual men. Sexual orientation as a holistic psychological construct includes several subsystems, which are not always coincide in their orientation. The important result was the discovery of a relative independence of the parameter “falling in love” from the orientation of impulse. Correlational analysis showed that attraction to people of own and opposite sex has independent character, may be described as orthogonal and not alternative model for both sensual attraction, fantasies and falling in love. The fact is confirmed that it is exactly gender matrix as a social order that prevails over sexuality of individual, and self-categorization in each group occurs mostly through evaluation of self ex contrario. The mechanism of self-programming and construction of own identity in line with the already chosen model activates, to which the actual behavior is tuned. The urgency of deconstruction of the heteronormative matrix consists of the necessity to show the possibility and legitimacy of coexistence of the many non-identical, but fairly equal in rights meaning models. Their otherness should be considered as something self-sufficient, additional, and not mutually exclusive to any other model of relationships. The weakening of the hard gender dichotomy and the breakdown of the traditional system of gender polarization gives possibility for a personality to acquire and realize gender identity, which is the result of the individual experience and its creative rethinking, of correlation of one’s individual parameters/ desires with cultural models.

Keywords: sex, gender, sexual orientation, heteronormative matrix, binary model.

References

- Agafonova, E. V. (2005). *Perspektivy sub"ektivnosti v kontekste narrativnoi problematiki* [The perspectives of subjectivity in the context of narrative problematics] (Extended abstract of PhD dissertation, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation).
- Baumeister, R. F. (2000). Gender differences in erotic plasticity: the female sex drive as socially flexible and responsive. *Psychological Bulletin*, 126(3), 347–374.
- Benestad, E. E. P. (2002). Gender belonging: Children, adolescents, adults and the role of the therapist. In *Queer Counselling and Narrative Practice* (pp. 204–225). Adelaide: Dulwich Centre Publications.
- Bulychev, I. I. (2004). Obrazy maskulinnosti i feminnosti v formate gendernoi kartiny mira [The images of masculinity and femininity in the format of gender worldview]. *Credo new. Teoreticheskii Zhurnal*, 1. Retrieved from <http://credonew.ru/content/view/384/56/>
- Butler, J. (2000). Gendernoe bespokoistvo [Gender dysphoria]. In E. Gapova (Ed.), *Antologiya gendernoi teorii* [The anthology of gender theory] (pp. 297–346). Minsk: Propilei.
- Butler, J. (2005). Prisvoenie telom gendera: filosofskii vklad Simony de Bovuar [The acquisition of gender by body: the philosophical contribution of Simone de Beauvoir]. In *Zhenshchiny, poznanie i real'nost': Issledovaniya po feministской filosofii* [Women, cognition and reality: Studies in feminist philosophy] (pp. 292–303). Moscow: ROSSPEN.
- Chumakov, V. I. (2010). *Genderologiya i feminologiya* [Genderology and feminology]. Volgograd: Volgograd State Medical University.
- Derrida, J. (2000a). *Pis'mo i razlichie* [Writing and difference]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt. (Transl. of: Derrida, J. (1979). *L'écriture et la différence*. Paris: Seuil. (in French).)
- Derrida, J. (2000b). Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnykh nauk [Structure, sign and play in the discourse of humanitarian sciences]. In G. K. Kosikov (Ed.), *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: From structuralism to poststructuralism] (pp. 407–420). Moscow: Publishing Group "Progress".
- Dixon, S. A. (2005). *Sexual orientation identity as cultural construct: Toward a social constructionist understanding* (PhD dissertation). Antioch New England Graduate School, Keene, NH.
- Garnets, L. D. (2002). Sexual orientations in perspective. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 8(2), 115–129.
- Isaev, D. D. (2012). *Psikhologicheskoe ponimanie i izmerenie pola* [Psychological understanding and dimension of gender]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Pediatric Medical University.
- Kauth, M. R. (2000). *True nature: A theory of sexual attraction*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Khitruk, E. B. (2012). Does woman exist?: Deconstruction of female subjectivity and physicality in philosophy of postmodernism. *Tomsk State University Journal*, 361, 39–44.
- Khitruk, E. B. (2014). Symbolic violence as the main mechanism for the reproduction of gender polarization and subordination in the theory of Pierre Bourdieu. *Tomsk State University Journal*, 388, 81–85.
- Kimmel, M. (2006). *Gendernoe obshchestvo* [The gendered society]. Moscow: ROSSPEN. (Transl. of: Kimmel, M. (2000). *The gendered society*. New York: Oxford University Press.)
- Laumann, E. O., Gagnon, J. H., Michael, R. T., & Michaels, S. (1994). *The social organization of sexuality: Sexual practices in the United States*. Chicago: University of Chicago Press.
- Marx, K., & Engels, F. (1955). Nemetskaya ideologiya [The German ideology]. In K. Marx & F. Engels, *Sochineniya* [Writings] (2nd ed., Vol. 3, pp. 7–544). Moscow: Izdatel'stvo Politicheskoi Literatury.
- McKnight, J. (1997). *Straight science? Homosexuality, evolution and adaptation*. London: Routledge.

- Pyryanova, O. A. (2014). *Fenomen figurativnoi seksual'nosti: sushchnost' i reprezentatsiya* [The phenomenon of figurative sexuality: Essence and representation] (PhD dissertation, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation).
- Radina, N. K. (2007). Molchanie kak deistvie: tekhnologii vosproizvodstva rasistskogo diskursa v protsesse prepodavaniya v vysshei shkole [Silence as action: the technologies of reproduction of the racist discourse]. In V. Voronkov, O. Karpenko, & A. Osipov (Eds.), *Rasizm v yazyke obrazovaniya* [Racism in the language of education] (pp. 131–135). Saint Petersburg: Centre for Independent Social Research.
- Rosenfeld, D. (2009). Heteronormativity and homonormativity as practical and moral resources: The case of lesbian and gay elders. *Gender and Society*, 23(5), 617–638.
- Rudnev, V. P. (2009). *Entsiklopedicheskii slovar' kul'tury XX veka. Klyucheveye ponyatiya i teksty* [Encyclopedic dictionary of culture of the XX century. Key notions and texts]. Moscow: Agraf.
- Ryabova, T. B. (2008a). *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoi rossiiskoi politike* [The sex of the authority: Gender stereotypes in the modern Russian politics]. Ivanovo: Ivanovo State University.
- Ryabova, T. B. (2008b). Gendernye stereotipy kak faktor otsenki sub»ektov politicheskogo protsessa [Gender stereotypes as a factor of evaluation of subjects of political process]. *Zhenshchina v Rossiiskom Obshchestve*, 2, 44–52.
- Sartre, J.-P. (1989). Ekzistentsializm — eto gumanizm [Existentialism is a humanism]. In A. A. Yakovlev (Ed.), *Sumerki bogov* [Twilight of the gods] (pp. 319–344). Moscow: Politizdat.
- Schopenhauer, A. (1990). *Aforizmy i maksimy* [Aphorisms and maxims]. Leningrad: Leningrad State University.
- Sell, R. L. (2007). Defining and measuring sexual orientation for research. In *The health of sexual minorities: Public health perspectives on lesbian, gay, bisexual and transgender populations* (pp. 355–374). New York: Springer.
- Semenova, V. (1998). *Kachestvennye metody: Vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative methods: An introduction to humanistic sociology]. Moscow: Dobrosvet.
- Temkina, A. A. (2015). *Gender, seks i feminizm: vzglyad sotsiologa* [Gender, sex and feminism: The sociologist' view]. Retrieved from <http://arzas.academy/materials/959>
- Voronina, O. A. (2002). Gender [Gender]. In A. A. Denisova (Ed.), *Slovar' gendernykh terminov* [The vocabulary of gender terms] (pp. 21–24). Moscow: Informatsiya XXI vek.
- Vorontsov, D. V. (2003). *Sotsial'naya psikhologiya pola. Metodicheskie ukazaniya k spetskursu "Osnovy gendernoi psikhologii"* [The social psychology of gender: Methodical guidelines to the special course "Foundations of gender psychology"]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
- Vorontsov, D. V. (2008). *Gendernaya psikhologiya obshcheniya* [The gender psychology of interaction]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.
- Wilson, G., & Rahman, Q. (2005). *Born gay: The psychobiology of sex orientation*. London: Peter Owen Publishers.
- Zdravomyslova, E. A., & Temkina, A. A. (2015). *12 lektsii po gendernoi sotsiologii* [12 lectures in gender sociology]. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.

ИЗОБРЕТЕНИЕ (ГОМО)СЕКСУАЛЬНОСТИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

И.С. АДМИРАЛЬСКАЯ^а

^а *Университет штата Рио-де-Жанейро (EGE/IMS/UERJ), R. São Francisco Xavier, 524, Maracana, Rio de Janeiro – RJ, Сеп 20550-900, Бразилия*

Резюме

В настоящем тексте предпринята попытка ознакомить практикующего психолога с историческим, культурным и социальным подходами к рассмотрению сексуальности от появления сексологии как отдельного направления в медицине конца XIX в. до 1980-х гг. Замысел статьи связан с ограниченной применимостью в практике психолога доминирующих дискурсов сексуальности в силу их узости и скудности и необходимостью более широкого понимания предмета, позволяющего выйти за пределы редукционизма и эссенциализма, присущих этим дискурсам. В тексте приводятся основные идеи из ключевых работ, посвященных критическому исследованию феномена сексуальности; для ведения полемики используются «История сексуальности» философа Мишеля Фуко, «Тело и сексуальность» историка Джеффри Уикса и «Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик» антрополога Гейл Рубин, на пересечении взглядов которых появляется понимание сексуальности как исторического, социального и культурного конструкта. Отдельно анализируется произошедший в рамках сексологии сдвиг фокуса внимания с сексуальных практик на личность практикующего и необходимость появления в связи с этим сдвигом фигур «гомосексуала» и «гетеросексуала». По результатам обзора изменений, которые претерпевало понятие сексуальности в социологии, культурологии и антропологии в течение последних полутора веков, автор делает вывод о том, что на каждом этапе своего развития общество выстраивает специфическое отношение к сексуальности в зависимости от текущих задач политики, сложившейся общественной иерархии и отношений власти. На уровне практики это подразумевает необходимость для консультирующего психолога быть готовым критически дистанцироваться от социальных представлений о сексуальности и анализировать влияние этих представлений на процессы формирования и становления конкретной личности, в частности собственной, для того, чтобы не воспроизводить их во время своей работы.

Ключевые слова: сексуальность, практическая психология, консультирование, дискурс, редукционизм, эссенциализм, конструктивизм.

Мы не можем обосновать чувством голода все
богатство и сложность кулинарии.
Г. Рубин

В работе практикующего психолога сексуальность может стать предметом обсуждения в самых разных контекстах: мы можем иметь

дело с супружеской парой, «маскирующей» разнообразными конфликтами многолетнюю сексуальную дисфункцию; с ребенком, мастурбирующим в детском саду; с взрослым человеком, который стыдится и ставит под сомнение свои сексуальные практики и фантазии; с подростком, переживающим смятение под натиском происходящих с ним изменений; с человеком, в истории которого есть эпизод сексуального насилия или использования его тела в интересах другого; с пожилым человеком, переживающим угасание влечения и через этот процесс сталкиваемым с темами старения и смерти... Вопросы сексуальности встают перед консультирующим практиком, и в поисках ответа он нередко сталкивается с лакунами в своем образовании, поскольку, кроме психоаналитической теории и представления о психологической составляющей копулятивного акта, ему не на что опереться. Основным источником информации о норме и патологии в сфере сексуальности для большинства специалистов-психологов становится МКБ-10, составленная в виде списка симптомов, но не отвечающая на вопросы «почему?», «как?» и «для чего?», которые встают в рамках конкретной психологической практики. Например, почему одни проявления сексуальности считаются нормальными, а другие — нет? Какие сексуальные практики можно считать «естественными» и что стоит за этим словом? Чем определяется направление сексуального влечения? Может ли оно меняться в течение жизни? Какую роль сексуальность играет в нашем самоопределении?

Если консультирующий практик опирается только на эссенциалистский и биологически-редукционистский подходы к сексуальности — подробней речь о них пойдет ниже, — он может столкнуться с затруднениями в работе с темами, связанными с сексуальностью. В рамках этих дискурсов сексуальность морализируется, медиализируется и патологизируется, что серьезно ограничивает возможность исследовать вместе с клиентом символические и культурные аспекты процесса переживания и проживания влечения, табу и фантазий... Знакомство с конструктивистскими подходами позволяет занять позицию критического дистанцирования по отношению к патологизирующему дискурсу и открывает возможности для исследования целого пласта социально-детерминированных установок и паттернов взаимодействия с собой и другими в отношении сексуальности. Кроме этого, специалист получает возможность выстроить с клиентом доверительное пространство, защищенное от вторжения со стороны морали, не вступая при этом в конфликт с собственным отношением к предмету. Конструктивистский подход «выводит» сексуальность из поля влияния морали в пространство ценностей, снижая напряжение в отношении тем, связанных с нею.

Цель данной статьи — проанализировать контекст появления и развития сексологии как науки на рубеже XIX–XX вв. и проследить общественные трансформации отношения к сексуальности на примере ключевых работ, представляющих предмет как продукт культуры. Перед автором стоит задача проанализировать,

насколько разные подходы к рассмотрению сексуальности применимы к нашей реальности в контексте практики. Обсуждение вопроса происходит на пересечении плоскостей «знание», «общество», «индивид». Автор предлагает читателю критически взглянуть на категории «нормы» и «патологии» в сексуальности и попытаться увидеть за ними культурно-исторический контекст, определяющий то или иное понимание этого вопроса. Текст выстроен с опорой на работы философа Мишеля Фуко, историка Джеффри Уикса и антрополога Гейл Рубин. Последовательно излагаются выводы авторов, изучающих сексуальность, с акцентом на социально-исторические условия и контекст отношений власти и контроля в этой области.

Сексуальность как предмет научного изучения

Тело, а вслед за ним и сексуальность как проявление телесного можно рассматривать в качестве естественной, природной основы нашего опыта. По телу пролегает граница между личным и общественным, поскольку все наше поведение имеет социально-культурную основу и сексуальность, каким бы личным делом она ни казалась, проявляется в заданных обществом рамках. Долгое время в истории человечества вопросами сексуальности занималась религия, но к концу XIX в. сложились все предпосылки для кардинальной трансформации корпуса знаний, связанных с влечением, сексуальными практиками и нормами поведения (Weeks, 1999).

В конце XIX в. сексуальностью начинает заниматься медицина, и

она становится предметом научного изучения. Подразделение медицины, получившее название «сексология», претендует на выработку норм и правил в той области, которая прежде регулировалась церковью. Родоначальниками новой отрасли медицины становятся Рихард фон Крафт-Эбинг и Генри Хэвлук Эллис. В 1886 г. выходит книга Крафт-Эбинга (1996) под названием «Половая психопатия», в которой он описывает широкий репертуар сексуальных практик, некоторым из них он вынужден давать названия, поскольку они впервые фиксируются в специальной литературе. В 1897 г. выходит первый том семитомной энциклопедии «Исследования психологии пола» Эллиса (Ellis, 1915). Обе работы вызывают шквал протестов викторианской публики, появляются обвинения авторов в стремлении шокировать общественность путем обнародования непристойности под видом науки. Однако работы активно переиздаются, что позволяет сделать вывод о том, что в конце XIX в. общество входит в новый виток своего развития: табу викторианской эпохи снято, а сексуальность переходит из поля влияния морали, установленной церковью, на территорию науки.

Хотя оба ученых — врачи, их подход к вопросам, связанным с сексуальностью, сильно различается. Материалом для исследований Крафт-Эбинга становятся пациенты клиник для умалишенных и заключенные, обвиняемые в непристойных действиях, а Эллис описывает свои частные наблюдения, касающиеся эпизодов из жизни «обычных» людей. Крафт-Эбинг подходит к теме сексуальных практик с клинической

точки зрения, исследуя границы между нормой и патологией, а Эллис выступает в роли публициста — описывает и анализирует многообразие и вариативность сексуальных проявлений в контексте культуры, стадий развития общества, влияния социума на личность и др. Авторам объединяет видение сексуальности как природного феномена, роднящего человека с животным миром и являющегося частью врожденного механизма, связанного с размножением.

Отдельно стоит сказать об отношении «отцов сексологии» к гомосексуальности и проявлению либидо в незрелом возрасте, чтобы обозначить стартовую точку, в которой (гомо)сексуальность входит в поле зрения науки. Для Крафт-Эбинга она является признаком «церебральной аномалии» — «извращенного полового чувства», связанного с тем, что взрослый мужчина испытывает к другому мужчине «чисто женское влечение», а женщина испытывает к другой женщине «мужское» влечение. Эллис рассматривает гомосексуальность как инверсию влечения и предпринимает попытку этнографического анализа этого феномена как одного из элементов традиционной культуры, описывая обычаи «отсталых» народов — от Индии до Новой Гвинеи.

Возвращаясь к сексологии, очертим задачи, которые стояли перед этой молодой отраслью медицины.

С одной стороны, она описывала и предписывала адекватное сексуальное поведение для женщины и мужчины, связывая его с «биологической»¹ базой, а с другой стороны — определяла рамки нормы и описывала все, что выходило за них, в качестве патологии. Через понятие «сексуальные перверсии» вводятся границы между «естественным» и «неестественным», и это становится актуальным именно в текущий момент конца XIX в. Идея об общественном контроле за сексуальностью с целью создания благополучного «общественного тела» (совокупности тел граждан) будет позже развита французским философом Мишелем Фуко, но уже сейчас в работе Крафт-Эбинга она сформулирована довольно четко. В этом контексте важно подробнее остановиться на том, как представление о «природных» основах сексуальности становится основанием для построения контроля над «общественным телом».

Постулаты о норме и патологии в сексологии конца XIX в. сформировали основания общественной политики в области сексуальности. Привязка к «естественности» и «природному инстинкту» в логике организации и построения знания о человеке здесь кажется очень важной, поскольку она позволяет выстроить цепочку от определения того, что является натуральным и природным, к закреплению социальных иерархий и неравенства.

---

¹ Мы берем слово «биологической» в кавычки, поскольку выбрать из всего многообразия и богатства проявлений что-то одно и называть это нормой — для женщины и мужчины в единственном числе — представляется искусственным конструированием понятия «биологическая норма».

По мнению бразильского антрополога Серджио Каррара (Carra, 2015), в развернутом виде эта цепочка выглядит так: выбор из многообразия проявлений одной конкретной формы какого-то свойства — закрепление его как принадлежащего телу — якорение этого явления как натурального, естественного, связанного с природой — определение его как неизменяющегося, устойчивого, не поддающегося влиянию — придание ему негативного значения — выстраивание на основе этого значения иерархии и неравенства. Сама идея о существовании полового диморфизма рассматривалась как природная основа для формулировки норм поведения и предписаний для каждого из полов: от сравнения объемов черепа и ширины таза — к полемике о том, нужен ли женщине доступ к образованию. Сейчас уже трудно поверить, но в определенный момент в истории медицины телесные особенности мужчин и женщин связывались с траекторией их социализации и той ролью в обществе, которую им было предписано исполнять в соответствии с «природой» каждого из полов (Rohden, 2001). Сексуальность была одним из контекстов, обосновывающим именно такие нормы поведения и распределение ролей в обществе.

Мишель Фуко: концепция сексуальности как исторического диспозитива

На современное представление о сексуальности в науках о человеке заметное влияние оказали работы французского философа и историка Мишеля Фуко. Он рассматривает

сексуальность как один из социальных конструкторов, исторических «устройств», изобретенных в западном обществе XIX в. Эти конструкторы — «диспозитивы» в терминах Фуко — появляются на определенном этапе общественной истории как совокупность знаний, практик, норм и социальных институтов, так или иначе организующих отношения между людьми и их представления о мире. В первом томе работы «История сексуальности» (Foucault, 1988) Фуко выступает в роли историка, описывая нововведение середины XIX в. — представление о влечении как о телесной энергии природного происхождения. Эта концепция является составной частью совокупности знаний, дискурсов и суждений о теле и удовольствии вообще, которое противопоставляется предыдущему регулирующему, объясняющему и организующему интимные отношения принципу, который Фуко называет «брачным устройством». Задачей брачного устройства является регуляция матримониальных отношений, правил наследования фамилии и собственности, производство благ и передачи статуса посредством социальных норм, обычаев и церковных законов. Переход от одного конструктора к другому — от «брачного устройства» к «сексуальности» — связан с расцветом естественно-научного подхода и с изучением и «обнаружением» телесной природы человека, а также места удовольствия в реальности наших тел. В новом подходе, оперирующем наблюдениями, а не правилами морали, сексуальные практики «выходят» за пределы брачной территории; они оказываются замечены, описаны и наталкивают

общество на закономерные вопросы. Сексуальность для Фуко — это то, что тесно связано с властью, с процессами организации общества, с управлением знанием. Он описывает четыре стратегических маршрута, которые разворачиваются властью в отношении сексуальности в течение XVIII–XIX вв.: определение и научное обоснование подчиненного места женщины, крестовый поход против детской мастурбации в школах и семьях, патологизация и криминализация половых перверсий, разработка общественного контроля над рождаемостью через нормы морали и стыд: «В озабоченности сексом, которая возрастает на протяжении всего XIX века, вырисовываются четыре фигуры — четыре привилегированных объекта знания, четыре мишени и точки закрепления для разного рода демаршей знания: истеричная женщина, мастурбирующий ребенок, мальтузианская пара, извращенный взрослый, — фигуры, каждая из которых соответствует одной из перечисленных стратегий, которые — каждая по-своему — пронизали и использовали секс детей, женщин и мужчин» (Фуко, 1996, с. 206).

Согласно Фуко, основным мотивом «общественного заказа» на изучение сексуального поведения человека становится контроль за его поведением, здоровьем и посредством этого — контроль за популяцией в целом. В этом смысле секс перестает быть чем-то личным и переходит в сферу общественных интересов, став предметом научного изучения, контроля и влияния. Сексуальное влечение понимается как нечто природное и естественное,

влияющее на формирование личности, но сексуальные практики как способы реализации влечения описываются и оцениваются как «естественные» или «неестественные» внутри научного сексологического дискурса. В результате этой каталогизации среди прочих появляются такие стигматизированные персонажи, как «фетишист» и «гомосексуал». Фокус внимания смещается с эротических практик, где он находился в рамках религиозного дискурса (оперирующего категориями греха и покаяния), на самого индивида: в поле влияния медицины эротические предпочтения человека становятся маркером патологической личности, а разнообразные практики, воспринимавшиеся до этого как поведенческие акты, категоризируются как отклонения и дефекты, имеющие отношение не к поведению, а к структуре личности, особенностям индивида. Они становятся предметом наблюдения и контроля со стороны таких социальных институтов, как медицина и юриспруденция. Другими словами, то, что было элементом обыденной частной жизни, «захватывается» и медиализируется, патологизируется и криминализируется. Личное становится политическим, хотя и продолжает называться «естественным», «природным», «натуральным».

Джеффри Уикс: историческое значение сексуальности

Английский историк Джеффри Уикс рассматривает появление концепции сексуального влечения как природного инстинкта, требующего удовлетворения, как действие

постдарвиновского стремления объяснить все феномены человеческого поведения в биологических терминах, присущего концу XIX в. Он пишет: «Хотя сейчас мы склонны объяснять те же самые феномены действием гормонов и генов, представление о биологических “корнях” не сдает позиции, и именно в сфере сексуальности проявляет свою устойчивость» (Weeks, 1999, p. 39). Анализируя определение сексуального инстинкта, данное Крафт-Эбингом, Уикс подчеркивает два качества, приписываемых влечению в работе последнего, — вулканическую взрывоопасность и телесную природу. В тексте Эллиса сексуальность описывается как сила, формирующая человека, пронизывающая насквозь всю его личностную конституцию вплоть до того, что «мужчина таков, каков его секс». В опоре на этот текст Уикс приходит к обнаружению третьей особенности, связанной с концепцией сексуальности, — она существует лишь в мире мужчин, описывается «мужским» языком и связана с маскулинностью — активным, проникающим, завоевывающим подходом. Другими словами, Джеффри Уикс в концепции сексуальности конца XIX в. находит отражение культурных явлений и конструкций, присущих этой эпохе: постдарвинизма, редукционизма и патриархата. В этом свете ясно видно, что знание само по себе конструируется в рамках того культурного контекста, которому оно принадлежит.

Уикс выделяет следующие характерные особенности концепции «сексуальности», показывающие, как глубоко она встроена в культуру в качестве одной из ее составляющих:

- она призвана прояснить и закрепить широкий круг представлений, связанных с различиями между мужчинами и женщинами в том, что касается их интеллектуальных, физических (в том числе репродуктивных) возможностей и социального статуса;

- она содержит в себе ожидания в отношении того, что считается «правильным» или «неправильным», желательным и нежелательным в поведении человека;

- она выстраивает связь между индивидуальными особенностями людей (их идентичностью, чувственностью и интимными переживаниями) и пространством социального, культурного и политического, например, в том, что касается организации семьи и признания отцовства, разделения профессий на «мужские» и «женские», морального кодекса и законов.

Исследуя термины «гомосексуальность» и «гетеросексуальность», Уикс обнаруживает их сравнительно недавнее происхождение — они впервые появляются в 1869 г. в работе австро-венгерского автора Карла Кертбени. По мнению Уикса, введение этих терминов знаменует собой важный этап в разработке концепции сексуальности, поскольку фиксирует социальную норму, относящуюся к интимной стороне жизни человека. В тексте Кертбени термин «гомосексуал» играет вспомогательную роль в содержательном определении термина «гетеросексуал»: для того чтобы обозначить границы понятия «гетеросексуал», вводится представление о гомосексуальном человеке, испытывающем эмоциональную привязанность и влечение к представителям

своего пола. Контекст, в котором появляются эти термины, определяет их социальную значимость и «необходимость»: речь идет о судебной реформе в Германии, в ходе которой, в частности, планируется отменить ответственность за содомию. Как считает Уикс, формулировка этих терминов является маркером перехода от рассмотрения гомосексуальности как одной из сексуальных практик к квалификации ее как устойчивой характеристики индивида.

Продолжая логику социально-исторического конструирования сексуальности, бразильский антрополог британского происхождения Питер Фрай (Fry, 1982) исследует изменения представлений о гомосексуальности в культуре Бразилии. Он сравнивает два десятилетия, разделенные движением за права женщин, и два социальных класса (средний класс в столице и рабочий класс на периферии). Исследование показывает, как сильно меняются понятийные схемы в зависимости от социального контекста. Маркером для построения идентичности до развития движения за права женщин является гендерная роль (фемининный мужчина и маскулинный мужчина в гомосексуальной паре). Буквально через десять лет базой для сексуальной идентификации уже является не гендерная роль, а сексуальная ориентация (снимается табу на отношения между двумя одинаково маскулинными мужчинами и прежняя схема контакта между «активным» маскулинным мужчиной и «пассивным» феминизированным мужчиной трансформируется в схему контакта двух гомосексуальных мужчин). То, что считается правильным, естествен-

ным сейчас, спустя краткий промежуток времени может трансформироваться во что-то другое. Перемещающая фокус внимания с деталей конкретной эпохи на изменения концепции сексуальности в истории, мы можем заметить, что содержание этой концепции довольно точно отражает особенности культуры, которая ею оперирует. Представления о сексуальном — это один из культурных маркеров, высвечивающих отношения власти, доминирования, общего и частного.

Гейл Рубин: концепция сексуальной стратификации

Американский антрополог Гейл Рубин рассматривает современный ей подход к сексуальности (1980-е гг.) как проявление эссенциализма — попытки привязать сексуальность к биологическим характеристикам человеческого тела, не беря в расчет культурные, исторические и социальные аспекты. Рубин пишет: «Человеческая сексуальность не может рассматриваться исключительно в биологических терминах. Человеческие организмы с человеческими умами требуют человеческих культур, поскольку ни одно из исследований тела или его частей не может дать объяснение природе и разнообразию человеческих социальных систем. Сексуальность — это продукт культуры, так же как диеты, транспортные средства, нормы этикета и многое другое...» (Rubin, 1998, p. 106.)

С опорой на внушительную библиографическую и документальную базу к своей работе «Thinking sex» (1984, 1998, доп. изд.) Гейл Рубин

пытается определить и описать идеологические концепции, которые повлияли на восприятие сексуального в современном западном мире. Она приходит к следующим заключениям:

- секс воспринимается как нечто исключительно опасное и разрушительное;

- проявления сексуальности должны быть приведены в соответствие с некой общей нормой;

- любое отклонение от этого образца видится как отрицательное проявление, хотя на практике небольшие вариации не угрожают общественному порядку;

- сексуальные акты имеют разную ценность и могут быть выстроены в иерархическом порядке.

Описанные автором закономерности являются логическим продолжением работ Крафт-Эбинга и Эллиса, как если бы за век своего существования сексология набрала внушительный фактический материал, но социальная «изнанка» и принципы использования этой науки в целях власти остались бы теми же, что и в конце XIX в.

Согласно Рубин, идея о том, что секс греховен и может практиковаться только в браке и только с целью зачатия детей без акцента на наслаждении, давно «открепилась» от христианской традиции и существует в обществе сама по себе. Любое эротическое поведение, исполняемое сознательно, квалифицируется как неприемлемое. Исключениями, реабилитирующими секс, являются брак, намерение зачать ребенка и любовь. Другие варианты — например, интерес, исследование, потребность в удовольствии — не могут считаться

моральными «основаниями» для сексуальной практики. Иерархизация сексуальных актов производится посредством установления в социуме разделительной линии между «плохим» и «хорошим» сексом. Эта воображаемая линия защищается с такой силой, как будто ее однократное нарушение неминуемо приведет к ужасным последствиям.

Рубин формулирует концепцию сексуальной стратификации — процесса закрепления определенной ценности за каждым из вариантов сексуального акта. Эта стратификация прямо участвует в процессе формирования социального неравенства: определяет и фиксирует более высокое место в иерархической структуре общества для тех, чья сексуальная практика квалифицируется как «правильная», и менее высокое — для тех, чья сексуальная практика признается «плохой». Сексуальные практики становятся одним из маркеров неравенства наравне с расой, этносом, полом, классом. Нормы в сфере сексуального превращаются в средство подавления и контроля.

По результатам обзора изменений, которые претерпевало понятие сексуальности в философии, социологии, культурологии, медицине и антропологии в течение последних полутора веков, можно сделать несколько выводов:

- за сексуальностью, которая устойчиво представляется в натурализующем дискурсе как нечто природное, естественное, связанное с размножением, довольно трудно найти телесную основу, поскольку она является культурным продуктом и «инсталлируется» в процессе социализации;

- на каждом этапе своего развития общество выстраивает специфическое отношение к сексуальности в зависимости от текущих задач политики, сложившейся общественной иерархии и отношений власти;

- в разные временные периоды одни и те же сексуальные практики могут переходить из категорий «нормальных» и «одобряемых» в категории «противоестественных» и «порочающих»;

- система общественного оценивания, подразделяющая сексуальные практики на «плохие» и «хорошие», особенно остро проявляет себя в те исторические периоды, когда обостряется напряжение между консервативным и либеральным течениями в обществе;

- отношение к сексуальности может быть чутким «флюгером» изменений в обществе, что ставит перед консультирующим практиком задачу на постоянное отслеживание своей позиции в отношении вопроса во избежание попадания под влия-

ние текущей установки власти в отношении «общественного тела»;

- и практикующий психолог, и обратившийся к нему человек являются членами общества и могут транслировать общественные установки к сексуальности, но для консультирующего практика важно уметь осуществлять критическое дистанцирование от этих установок для того, чтобы исследовать и подвергать сомнению те убеждения, которые лежат в основе отношения человека к его сексуальности.

На операциональном уровне это может выглядеть как исследование того, как человек обходится со своей сексуальностью, проживает и переживает ее. Проясняющие вопросы, помогающие обнаружить, в какой мере сексуальность принадлежит ему, а в какой — обществу, могут быть ценной рабочей тактикой. Для этого необходимо, чтобы сам психолог был готов подвергать сомнению текущие версии «нормы» и «патологии» в корпусе знаний, относящихся к сексуальности.

Литература

- Крафт-Эбинг, Р. (1996). *Половая психопатия*. М.: Республика.
- Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь.
- Carrara, S. (2010). *Curso de especialização em Gênero e Sexualidade*. Rio de Janeiro/Brasília, DF: SEPESC/Especial de Políticas para as Mulheres.
- Ellis, H. (1915). *Studies in the psychology of sex* (3rd ed.). Philadelphia, PA: F.A. Davis Company Publishers. Retrieved from https://archive.org/stream/cu31924013996958/cu31924013996958_djvu.txt
- Foucault, M. (1988) *História da sexualidade I. A vontade de saber*. Rio de Janeiro: Edições Graal.
- Fry, P. (1982). *Para Inglês ver: Identidade e política na cultura Brasileira*. Rio de Janeiro: Zahar.
- Rohden, F. (2001). *A ciência da diferença: Sexo e gênero na medicina da mulher*. Rio de Janeiro: Fiocruz.
- Rubin, G. (1998). Thinking sex: notes for a radical theory of the politics of sexuality. In P. M. Nardi & B. E. Schneider (Eds.), *Social perspectives in lesbian and gay studies: A reader* (pp. 100 –133). New York: Routledge.

Weeks, J. (1999). O corpo e a sexualidade. In L. G. Louro (org.), *O corpo educado: pedagogias da sexualidade* (pp. 35–82). Belo Horizonte: Autêntica.

Адмиральская Инга Сергеевна — независимый исследователь; студент курса специализации в области гендера и сексуальности, Университет штата Рио-де-Жанейро, Бразилия (EGeS/IMS/UERJ), Ph.D.

Сфера научных интересов: изучение гендерной неконформности, сексуальной и гендерной идентичности.

Контакты: admiralskaya@gmail.com

The Invention of (Homo)sexuality. Historical, Social and Cultural Aspects

Inga S. Admiralskaya^a

^aState University of Rio de Janeiro (EGeS/CLAM/UERJ), R. São Francisco Xavier, 524, Maracana, Rio de Janeiro – RJ, Cep 20550-900, Brazil

Abstract

The present text is an attempt to introduce the practitioner psychologist to historical, cultural and social approaches to sexuality from the emergence of sexology as a distinct school of medicine in the end of the XIX century till the 80ies of the XX century. The message of this article is induced by the limited applicability in psychological practice of the dominant discourses of sexuality in virtue of their parochialism and poverty, and the necessity of a more broad understanding of the subject that will allow to step out reductionism and essentialism, which are inherent in those discourses. The article cites the main ideas of the key works, dedicated to critical studies of the sexuality phenomenon: History of Sexuality by the philosopher Michel Foucault, Body and Sexuality by the historian Jeffrey Weeks and Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality by the anthropologist Gayle Rubin are used for polemics; at the intersection of their views appears the understanding of sexuality as a historical, social and cultural construct. Aside is analyzed the shift in the framework of sexology of the focus of attention from sexual practices to personality of the practicing person, and the necessity of the appearance of the figures of “homosexual” and “heterosexual” due to this shift. In accordance with the review of the changes of the notion of sexuality in sociology, culturology and anthropology during the last one and a half centuries, the author comes to the conclusion that on each stage of its development the society builds a specific attitude towards sexuality, depending on current tasks of politics, established societal hierarchy and relations of authority. On the level of practice it implies the necessity for a counseling psychologist to be ready to critically distance him/ herself from social notions of sexuality and to analyze influence of these notions on the processes of formation and development of a particular personality, including his/her own, in order not to replicate them in the process of his/her work.

Keywords: sexuality, practical psychology, counselling, discourse, reductionism, essentialism, constructionism.

References

- Carrara, S. (2010). *Curso de especialização em Gênero e Sexualidade*. Rio de Janeiro/Brasília, DF: SEPESC/Especial de Políticas para as Mulheres.
- Ellis, H. (1915). *Studies in the psychology of sex* (3rd ed.). Philadelphia, PA: F.A. Davis Company Publishers. Retrieved from https://archive.org/stream/cu31924013996958/cu31924013996958_djvu.txt
- Foucault, M. (1988) *História da sexualidade I. A vontade de saber*. Rio de Janeiro: Edições Graal.
- Foucault, M. (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: Raboty raznykh let* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality: Works from different years]. Moscow: Kastal'.

- Fry, P. (1982). *Para Inglês ver: Identidade e política na cultura Brasileira*. Rio de Janeiro: Zahar.
- Krafft-Ebing, R. (1996). *Polovaya psikhopatiya* [Psychopathia sexualis]. Moscow: Respublika. (Transl. of: von Krafft-Ebing, R. (1907). *Psychopathia sexualis* (13. vermehrte Ausgabe). Stuttgart: Ferdinand Enke. (in German).)
- Rohden, F. (2001). *A ciência da diferença: Sexo e gênero na medicina da mulher*. Rio de Janeiro: Fiocruz.
- Rubin, G. (1998). Thinking sex: notes for a radical theory of the politics of sexuality. In P. M. Nardi & B. E. Schneider (Eds.), *Social perspectives in lesbian and gay studies: A reader* (pp. 100 –133). New York: Routledge.
- Weeks, J. (1999). O corpo e a sexualidade. In L. G. Louro (org.), *O corpo educado: pedagogias da sexualidade* (pp. 35–82). Belo Horizonte: Autêntica.

Inga S. Admiralskaya – independent researcher, student of postgraduate specialization course «Specialization in gender e sexuality», State University of Rio de Janeiro (EGeS/CLAM/UERJ), Ph.D.
E-mail: admiralskaya@gmail.com

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛГБ ПОДРОСТКОВОГО И ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА КАК ВЫЗОВ РОССИЙСКИМ ПСИХОЛОГАМ

Т.Н. ЛАПШИНА^а, А.С. КОЧЕТКОВА^б

^а ГБОУ ВО МО «Академия социального управления», 129344, Россия, Москва, ул. Енисейская, д. 3, к. 5

^б Независимый исследователь

Резюме

Статья представляет собой обзор зарубежных и отечественных публикаций, посвященных психологическим проблемам, с которыми сталкиваются гомо- и бисексуальные подростки и юноши с девушками, а также особенностям психологической помощи ЛГБ¹-подросткам и молодым людям. Авторы поднимают важную проблему уязвимости ЛГБ-подростков и молодых людей в России начала XXI в. Авторы рассматривают особенности социокультурной ситуации, в которой взрослеют ЛГБ-подростки, анализируют факторы риска, которым подвергается ЛГБ-юношество, сопоставляя данные зарубежных и отечественных исследователей, а также защитные факторы, на развитие которых могут быть направлены меры по психологической помощи ЛГБ. К факторам, повышающим риски развития аффективных расстройств, рискованного и суицидального поведения, авторы относят: насилие в семье и отвержение близкими, насилие и отвержение со стороны сверстников, политическую и институциональную гомофобию, травлю, принудительное раскрытие, физическое насилие на почве раскрытия гомосексуальности, стресс меньшинства, интернализованную гомофобию, социальную, эмоциональную и информационную изоляцию. К защитным факторам относятся: доступная объективная и нестигматизирующая информация о гомосексуальности; поддержка других людей, в том числе близких, сверстников, учителей, ЛГБТ-организаций; позитивная эго-идентичность, в том числе гендерная и сексуальная идентичность; доступ к качественной медицинской и психологической помощи. Авторы подчеркивают, что большинство психологических проблем, с которым сталкиваются ЛГБ-подростки, непосредственно не связаны с сексуальностью и сексуальной ориентацией, однако изоляция, в которую попадают ЛГБ-подростки, может существенно обострить свойственные подростковому и юношескому возрасту сложности. В статье выделены общие направления и ключевые особенности психологической работы с ЛГБ-подростками и юношами.

Ключевые слова: психологическая помощь, гомосексуальность, бисексуальность, подростковый возраст, ранний юношеский возраст, гомофобия, стресс меньшинства, психическое здоровье ЛГБТИК.

---

¹ В работе аббревиатура ЛГБ применяется для обозначения людей с гомосексуальным и бисексуальным влечением: геев, лесбиянок и бисексуалов. Мы сократили более привычное обозначение ЛГБТ, включающее трансгендерных людей, так как предмет нашего исследования составило положение в России именно ЛГБ-молодых людей и особенностей их взросления. Приводя ссылки на исследования и рекомендации коллег, мы следовали особенностям описанных выборок, которые могли включать ЛГ, ЛГБ, ЛГБТ и ЛГБТКИА людей, т.е. также людей с интерсексуальной, асексуальной или квир-идентичностью.

Введение

Существует широкий массив данных о выраженности среди гомо- и бисексуалов аффективных расстройств, форм рискованного поведения и суицидального поведения (Hatzenbuehler et al., 2010; Kann et al., 2011; Ryana et al., 2015). При этом большинство авторов связывают возникающие психологические сложности ЛГБ-людей не с гомосексуальностью как таковой, а с последствиями социального давления (Кон, 1998; Строкова, 2013; Нагорная, 2009; Ryana et al., 2015). Одной из самых уязвимых групп ЛГБ оказываются люди подросткового и юношеского возраста — 12–20 лет (Kann et al., 2011; Russel, Joyner, 2001; Rothman et al., 2012). Внимание авторов данной статьи сосредоточено именно на этой возрастной группе.

Негативные установки по отношению к гомо- и бисексуалам затрудняют для ЛГБ-подростков формирование позитивной эго-идентичности, могут приводить к стигматизации и маргинализации молодых людей. Признавая важность обозначенного возрастного периода в формировании здоровой личности, мы считаем необходимым учитывать возможные последствия сложившейся социокультурной обстановки в России 2010-х гг. Не менее важно предложить направления работы для смягчения воздействия среды на чувствительную психику ЛГБ-подростков и молодых людей.

Наша статья представляет собой обзор зарубежных и отечественных исследований психологических проблем, с которыми сталкиваются гомо- и бисексуальные подростки и

молодые люди. Мы приводим зарубежные и отечественные данные:

- об особенностях отношения к ЛГБ-людям в России и их последствиях для молодых ЛГБ и ЛГБ-подростков;
- о возможных причинах и дополнительных факторах риска суицида и развития психических заболеваний ЛГБ-подростков и молодых людей, а также о факторах и мерах, их предотвращающих;
- о направлениях и особенностях психологической помощи, оказываемой ЛГБ-подросткам и молодежи в России и за рубежом.

Сложности, с которыми сталкиваются ЛГБ-подростки и молодежь в российском обществе

Ведущая деятельность подростка — общение со сверстниками (Эльконин, 1971). Благодаря общению подростки формируют мировоззрение и самосознание, которые определяют дальнейшее развитие личности. Юношеский возраст — момент осмысления пройденного пути, установления собственных ценностей и принципов (Эриксон, 1996), а также это время для установления отношений и преодоления изоляции. Очень важно то, как строятся отношения подростков и молодежи со сверстниками, родственниками, учителями и преподавателями. Для понимания психологических проблем, возникающих у ЛГБ-подростков и молодых людей, важно знать, каково отношение к гомосексуальному влечению и поведению в их окружении.

В научной картине мира начала XXI в. гомо- и бисексуальность рассматривается как результат эволюции

и один из вариантов нормального развития сексуальности человека, а ЛГБ-идентичность — как один из возможных видов психосексуальной идентичности (Кон, 1998; Луковицкая, 2003). На сегодняшний день в России отношение к людям, переживающим и реализующим гомосексуальное влечение, скорее отрицательное. По утверждению В.Е. Кагана, однополая любовь и реализующие ее люди оказываются в «ксенофобических и экстремистских проскрипционных списках как то, чего не должно быть, что не имеет права на существование, равно как и те, кто эту любовь исповедуют» (Каган, 1998).

По данным 2013 г., относительное большинство россиян, опрошенных Левада-центром, считают, что «гомосексуализм — это болезнь, которую надо лечить (34%), 16% предполагают, что это данная от рождения сексуальная ориентация, 17% — результат соращения и 23% — плохое воспитание» (Плотко, 2013). Ссылаясь на результаты, мы используем авторскую формулировку вопроса социологов Левада-центра. Слово «гомосексуализм» содержит установку, приравнивающую гомосексуальность к болезни или девиантному поведению. С точки зрения И.С. Кона, у бытовой гомофобии россиян нет оснований в опыте, но она во многом является результатом социально-политической обстановки и подпитывается ориентацией политиков и общественных деятелей на «традиционные ценности» (Кон, 2006). Изменения российского законодательства 2013 г. согласуются с предположениями И.С. Кона о грядущем усилении политической гомофобии. Ряд авторов рассматривают

традиционалистские установки как одну из причин гомофобии и трудностей в принятии гомосексуального влечения у человека его близкими (Климова, 2014; Петрова, 2015).

Существуют данные о том, сколь разрушительное влияние на психику ЛГБ-взрослых оказывает существование в условиях дискриминационных законов. М.Л. Хаценбюлер с соавт. сравнили данные о психическом здоровье ЛГБ-пациентов, проживающих в штатах, разрешивших и запретивших однополые браки. Они показали, что в штатах, где существует такой запрет, у ЛГБ чаще проявляются расстройства настроения, генерализованное тревожное расстройство, злоупотребление алкоголем и сопутствующие психиатрические заболевания. В штатах, где такой запрет снят, уровень заболеваемости фиксируется на уровне, не отличающемся от уровня заболеваемости гетеросексуалов (Hatzenbuehler et al., 2010). Авторы считают, что эти данные показывают, что существование в социальной среде с институциональной дискриминацией может ухудшить психическое состояние ЛГБ. По данным исследования И.В. Соболевой и Я.А. Бахметьева, взрослые ЛГБТ, принявшие участие в опросе, не склонны менять свое поведение после введения закона о запрете «пропаганды гомосексуализма». При этом запрет «пропаганды гомосексуализма» заставил ЛГБТ «переопределить свою жизненную стратегию в терминах политической борьбы, а не субкультурной идентичности» (Соболева, Бахметьев, 2014, с. 217).

В России не ведется официально учета преступлений ненависти в

отношении ЛГБ. Последний отчет о результатах опроса «Российской ЛГБТ-сети» показывает, что негативные установки к людям, испытывающим гомосексуальное влечение, реализуются в поведении. В 2015 г. по сравнению с предыдущими годами возросло число ЛГБТИК, подвергшихся физическому (17%), психологическому (60%) и сексуальному насилию (5%). Эти показатели впервые повысились за период с 2000 г. Организаторы опроса связывают этот феномен с тем, что в опросе приняло участие больше подростков и молодых взрослых (Ежегодный опрос Российской ЛГБТ-сети..., 2015).

Т. Купер в октябре–ноябре 2013 г. опросила 78 ЛГБТ разного возраста из 15 российских городов, в том числе и несовершеннолетних, пострадавших от насилия или преследования. По ее данным, такие люди «при попытках добиться защиты и правосудия сталкиваются с почти непреодолимыми барьерами, и в итоге гомофобные преступления фактически остаются безнаказанными» (Купер, 2014, с. 67). Лишь немногие потерпевшие представители ЛГБТ-сообщества обращаются в полицию, в то время как полицейские отказываются принимать заявления, перекладывают вину на потерпевших, ведут расследования неохотно и неэффективно, уменьшают наказание нападавшим либо

вовсе их отпускают без предъявления обвинений. До суда такие дела практически не доходят. Более того, «сотрудники правоохранительных органов умышленно игнорируют основной мотив нападения, а именно ненависть к ЛГБТ. Даже самые вопиющие случаи гомофобного насилия, [например гей-хантинг² — Т.Л, А.К.], российские правоохранительные органы не квалифицируют как преступления, совершенные на почве ненависти» (Там же), хотя такая квалификация могла бы вызвать более серьезную ответственность для агрессоров.

Р. Джонсон с соавт. анализируют широкий круг источников о психическом здоровье ЛГБТ-студентов колледжей в США и странах Европы (Johnson et al., 2013). Они утверждают, что ЛГБТ-подростки значительно чаще, чем их гетеросексуальные сверстники, сталкиваются с отвержением родителей и друзей, а также с физическим и вербальным насилием. Они часто становятся жертвами буллинга и преследования из-за раскрытия своей сексуальной ориентации, добровольного (каминг-аута) либо насильственного (аутинга). Это приводит к тому, что даже те молодые люди, которые не подвергались насилию, переезжая в кампус, опасаются за собственную безопасность, если вдруг об их идентичности станет известно окружающим. По данным, приводимым И.С. Коном,

---

² Организованное выслеживание мужчин и юношей, подозреваемых в гомосексуальности, с целью шантажа, издевательств, пыток или убийства. Зачастую такие преступления снимаются на видео и полученные ролики выкладываются в социальные сети. В России гей-хантерской деятельностью известны радикальные националистские объединения «Оккупай педофилий» и «Оккупай геронтофилий».

20–35% юношей-геев совершают попытку самоубийства (Кон, 1998). Л. Канн с соавт. в 2011 г. проанализировала данные статистики о здоровье школьников IX–XII классов в США. Выяснилось, что суицидальные риски у учеников выше, если они имели опыт сексуального влечения к людям своего пола или относят себя к ЛГБ. Они более склонны к рискованному поведению, чем их гетеросексуальные сверстники, а также позже обращаются за помощью в ситуации насилия или заражения болезнями, передающимися половым путем (Kann et al., 2011). В отношении российских гомо- и бисексуальных подростков и молодых людей нет развернутых данных.

В 2013 г. Е.А. Климова, основательница проекта «Дети-404», опросила 292 ЛГБТИК-подростков. Из них не задумывались о суициде на почве гомофобии 47.3%, задумывались о суициде на почве гомофобии 35.6%, совершали попытку суицида 17.1%, из них один раз — 11.6%, несколько раз — 5.5%. В качестве причины суицидальных мыслей молодые люди указывали внутреннюю гомофобию, принудительное раскрытие сексуальной ориентации, физическое и психологическое насилие со стороны родственников и знакомых (Климова, 2014). В декабре 2014 г. в рамках проекта «Дети-404» стартовал мониторинг самоубийств российских ЛГБТИК-подростков: руководительница направления психологической помощи А.С. Кочеткова начала сбор свидетельств друзей и знакомых погибших. За год было выявлено 26 суицидов молодых людей в возрасте от 14 до 20 лет, подавляющее большинство которых

произошли в 2012–2015 гг. Эти данные сложно сопоставить с данными зарубежных исследований, использующих медицинскую статистику о попытках суицида.

По данным проекта «Дети-404», 83.5% ЛГБТИК-подростков регулярно сталкиваются с дискриминацией на основании сексуальной ориентации. Их сверстники часто прибегают к вербальному и физическому насилию. А родители «игнорируют подростка, не верят ему, запрещают заговаривать о его сексуальной ориентации/гендерной идентичности, не позволяют видеться с любимым человеком, лишают средств связи, считают и называют ребенка больным, извращенцем, педофилом, унижают и оскорбляют, ставят перед невыполнимым выбором: “Или я, или твоя так называемая любовь”, пытаются “лечить” в домашних условиях лекарствами и гормонами, водят по бабушкам и по бабкам, угрожают своим детям психбольницей и даже убийством» (Там же, с. 109). Особенно опасны гомофобное поведение и высказывания учителей, которые, с одной стороны, попустительствуют или даже поощряют травлю в своих классах, а с другой стороны, почти не имеют безопасных возможностей поддержать ЛГБТИК-подростков и оказать необходимую им помощь.

Для молодых ЛГБ высок риск стать жертвой сексуального насилия. Существует замалчиваемая и табуированная проблема — корректирующие изнасилования лесбиянок (КИЛ), где главной группой риска являются молодые девушки и подростки. Название «корректирующие» происходит от основного намерения насильников либо людей, состоящих

с насильниками в стоворе, — «вылечить от болезни/греха», «исправить с помощью нормального мужика», «наказать за лесбийские глупости». А.С. Кочеткова («Дети-404») интервьюирует пострадавших от КИЛ и их знакомых с февраля 2014 г., на данный момент установлены и описаны 22 случая, большинство из них имело место в период с 2010 по 2015 г.

У КИЛ есть общие черты с преступлениями против половой неприкосновенности женщин вообще. Так, чаще всего насильником оказывается знакомый мужчина, питающий к молодой лесбиянке сексуальный интерес, а также характерен предшествующий изнасилованию период сталкинга³, который зачастую одобряется родственниками и друзьями девушки вне зависимости от того, знают ли окружающие о ее ориентации. В ряде описанных свидетельств КИЛ совершают сами родственники молодой лесбиянки либо же члены семьи кооперируются и действуют совместно с будущим насильником, что может являться формой сводничества девушки с «хорошим мальчиком» (в том числе и вести к принудительному браку) или быть разовым проявлением родительской воли без матримониальных намерений.

В интервью описаны КИЛ, которые можно трактовать как преступ-

ления ненависти, когда насильниками являются лесбофобные группы школьников, студентов или сотрудники полиции. Реакцией родственников жертв на произошедшее в основном является обвинение жертвы. В том числе получены три свидетельства о некавалифицированном сопровождении психологов и учителей, а также об отвержении со стороны священнослужителей, к которым жертвы КИЛ обратились за помощью. После этого неудачного опыта у всех троих девушек усилилась отчужденность и появились суицидальные мысли. Ни одна из жертв КИЛ не обращалась в полицию после случившегося, находясь в угнетенном состоянии, опасаясь давления семьи, угроз насильника и новых унижений во время следствия.

Можно заключить, что молодые российские ЛГБ оказываются в условиях, с одной стороны, нарастающей гомофобии, с другой стороны, поляризации позиций сочувствующих и борющихся с ЛГБ.

Психологическая уязвимость

Д. Дейвис утверждает, что большинство подростков, обнаруживая в себе гомосексуальное влечение и реализую гомосексуальное поведение, переживают стресс. От подобного

---

³ Преследование, навязчивое и нежелательное внимание. Традиционная культура романтического ухаживания нормализует сталкинг, исходя из гендерных стереотипов, предписывая трактовать женский отказ как признак порядочности («нет» = церемониальный ответ, чтобы девушку нельзя было осудить за «легкодоступность»), рассудительности («нет» = «я подумаю и сравню с другими кандидатурами») или игры-флирта («нет» = «да»). В свою очередь традиционное культурное требование к мужчине в ответ на отказ — воспринимать его как вызов и повод к соревнованию с потенциальными конкурентами, что требует настойчивой и оригинальной экспансии.

стресса страдают не только гомо- и бисексуальные подростки, так как 20–30% гетеросексуальных юношей и 5–10% девушек имеют гомосексуальный опыт. У многих людей сексуальность не является чем-то окончательно определенным и может меняться в течение жизни (Дейвис, 2001). Процесс сексуальной идентификации может быть сильно затруднен в условиях социального давления, которое препятствует формированию здоровой сексуальной идентичности, как у гомо-, би-, так и у гетеросексуальной молодежи.

Д. Дейвис связывает большинство проблем молодых ЛГБ с изоляцией и выделяет в ней три аспекта. Остановимся на каждом из них.

1. *Социальная изоляция* возникает в результате опыта отвержения сверстниками и близкими. Не получая принятия и подвергаясь травле, ЛГБ-подростки не решаются на сближение с людьми. Как пишет И.С. Кон, «юность — вообще довольно одинокий возраст, но никто не бывает так одинок, как гомосексуальные подростки» (Кон, 1998, с. 402). Не во всех городах существуют ЛГБТ-организации и комьюнити-центры, открытые для общения с подростками и молодыми людьми, так как возможность их интеграции затрудняется существующим российским законодательством. В таких условиях альтернативой офлайн-сообществ становятся Интернет-проекты и социальные сети. Однако эта стратегия также имеет свои минусы: например, в условиях виртуальной анонимности у подростка гораздо выше риск столкнуться с гей-хантерами, выдающими себя за ЛГБТ, чтобы склонить интересующего их

человека к подставному свиданию, где и происходит гомофобное нападение.

ЛГБ-подростки часто обнаруживают отличие от сверстников в детстве, еще до периода полового созревания, в результате чего им сложно интегрироваться в социум. При попытках интеграции в общество преобладающих гетеросексуалов у людей с отличной от них сексуальной ориентацией часто развиваются две психологические особенности: интернализированная гомофобия и стресс меньшинства.

Интернализированная гомофобия является результатом усвоения социальных гомофобных установок. По данным опросов проекта «Дети-404», ЛГБТИК-подростки часто долго не принимают свою сексуальную ориентацию, отрицают или борются со своей гендерной ненормативностью. Многие из них в начале становления идентичности «ненавидели себя, считали себя больными, ненормальными, неполноценными, уродами. Некоторые пытались самостоятельно переделаться, вылечиться — но безуспешно» (Климова, 2014, с. 29). Среди причин такого состояния опрошенные указывали: давление друзей, семьи, окружения, общества в целом (которое продолжает относиться к гомосексуальности как к болезни и аномалии, хотя современная наука это не подтверждает); одиночество («таких как я больше нет»); недостаток или отсутствие адекватной информации о том, что с ними происходит; религиозные причины.

Понятие «*стресс меньшинства*» введено Вирджинией Брукс. Основной причиной этого состояния «является наделение статусом отсталой

и малоценной определенной группы населения на основе расы, этнического происхождения, болезни, ограниченных физических возможностей, сексуальных предпочтений и т.д., что влечет за собой негативные последствия для жизни и здоровья человека. В случае гомосексуальных людей проблема состоит в сексизме, гетеросексизме и гомофобии, глубоко укоренившихся в культуре общества» (Нагорная, 2009, с. 24). Стресс меньшинства является следствием социальной изоляции и одновременно поддерживает ее, не позволяя полноценно включиться ни в большой социум носителей гомофобных и гетеросексистских установок, ни в сообщества ЛГБТ. Особенно тягостным он может стать для подростка, для которого одним из важных вызовов является построение позитивной социальной идентичности. Диссертационное исследование Е.В. Зиновьевой показало, что позитивная Я-концепция молодых российских лесбиянок устанавливается на противопоставлении гендерному стандарту (Зиновьева, 2007). Это согласуется с утверждением Д. Дейвиса о том, что молодым ЛГБ бывает сложно найти позитивный социальный эталон, в результате чего они могут развивать вычурное либо социофобное, а иногда даже антисоциальное поведение (Дейвис, 2001).

2. *Эмоциональная изоляция* связана с необходимостью скрывать свои сексуальные предпочтения и влечения от родственников и близких (Там же). Переживающие эмоциональную изоляцию молодые ЛГБТ вынуждены либо подавлять свою сексуальность, либо существовать в

двойном мире: для родителей они изображают гетеросексуальных юношей или девушек, но при этом переживают первые гомосексуальные влюбленности. В обоих случаях им сложно найти человека, с которым можно поделиться важными переживаниями.

По мнению К.Р. Кричер с соавт., сокрытие сексуальной ориентации требует постоянных психических усилий, что в конечном итоге приводит к трудностям в установлении доверительных отношений, снижению когнитивных функций, ухудшению психического и физического здоровья (Critcher, Ferguson, 2014). По данным Е.Ф. Ротман с соавт., у гомо- и бисексуальных женщин отсутствие открытости перед родителями коррелирует с более высоким уровнем рискованного поведения (Rothman et al., 2012). Опрос Е.В. Зиновьевой показал, что лишь 34% гомосексуальных женщин решаются открыться перед родителями (Зиновьева, 2007). По мнению Д.А. Андропова, не решаясь на самораскрытие, российские геи лишаются семейной поддержки и принятия как одного из важнейших копинг-ресурсов человека (Андронов, 2009).

Альтернативой эмоциональной изоляции является камин-аут. Но раскрытие сексуальной ориентации перед семьей для подростка и юноши представляет собой риск. С одной стороны, из-за ситуации эмоциональной и материальной зависимости совершающий камин-аут подросток может оказаться без важных опор в жизни, крыши над головой, подвергнуться физическому, в том числе сексуальному, или вербальному насилию (Климова, 2014).

Современные данные показывают, что негативная реакция близких на раскрытие сексуальной ориентации коррелирует с депрессией, заниженной самооценкой и общим снижением качества жизни ЛГБ (Ruana et al., 2015). С другой стороны, существует целый ряд исследований, демонстрирующих преимущества открытой жизни.

Отчасти выходом является камин-аут в сети Интернет. Социальные сети можно рассматривать как виртуальную социальную среду, которая одновременно является полем для формирования, проявления и предъявления своей социальной идентичности, в том числе гендерной и сексуальной (Асмолов, Асмолов, 2010; Изотова, 2012; Остапенко, 2004). В этом контексте особое значение имеет проект «Дети-404», который создает безопасное онлайн-пространство для прямого высказывания подростков и молодых ЛГБТИК.

3. Условия взросления российских ЛГБ осложняются *когнитивной изоляцией*, так как молодые люди часто лишены возможности получить достоверную информацию о гомосексуальности и однополых отношениях. Согласно статье 6.21 КоАП РФ, «распространение информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, *искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений*, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к

таким отношениям» является незаконным. Таким образом, подросток оказывается огражден от информации о гомосексуальности, направленной на формирование позитивного самоотношения ЛГБ.

В странах с более либеральным законодательством часто возникают проблемы с недостаточным вниманием к особенностям ЛГБ-отношений в школьных курсах сексуального образования. Так, Э. Пингел с соавт. утверждают, что необходима существенная трансформация существующих курсов и создание специализированных программ сексуального образования для ЛГБТ-подростков (Pingel et al., 2013). Участвовавшие в ее опросе взрослые утверждали, что в юности у них не было возможности получить необходимую информацию, они часто рисковали своим здоровьем, опираясь на советы знакомых и непроверенную информацию. Недоступность объективной и нестигматизирующей информации о гомосексуальности Д. Дейвис рассматривает как одну из возможных причин осложнений формирования сексуальной и гендерной идентичности молодых ЛГБ (Дейвис, 2001). Не имея информации из достоверных источников, подростки пытаются компенсировать ее сведениями, получаемыми от сверстников, и поисками в Интернете. Преимущественное доверие сверстникам и публикациям Интернета свойственно не только ЛГБТ-подросткам, однако, по данным Дж.К. Маджи с соавт., молодые ЛГБТ часто стесняются обратиться за информацией о сексуальном здоровье и поведении к специалистам и доверяются Интернету (Magee et al., 2012).

Изоляция ЛГБ-молодежи приводит к чувству брошенности. Подростки воспринимают себя как бремя для близких людей, а также болезненно переживают отвержение семьей. Таким образом, изоляция погружает подростка в эмоциональное состояние, которое, по мнению Т.С. Павловой и Г.С. Банникова, может стать одним из факторов суицидального поведения (Павлова, Банников, 2013).

Защитные факторы

Существуют ли факторы, которые могут снять последствия стресса меньшинства и интернализованной гомофобии, снизить вероятность суицида, развития эмоциональных расстройств и рискованного поведения у ЛГБ-подростков и молодых людей?

ЛГБТ-подростки, принявшие участие в опросе проекта «Дети-404», чаще всего так отвечали на вопрос, что им помогло принять себя:

- 1) доступная информация;
  - 2) осознание своего неодинокства;
  - 3) помощь другого человека
- (Климова, 2014).

Можно предположить, что ключевое значение для них имеет преодоление изоляции.

Важную роль в нейтрализации стресса меньшинства играют личные характеристики человека и социальная поддержка (Нагорная, 2009). Источником этой поддержки могут быть родители, друзья, партнеры, ЛГБТКИА-сообщества и другие люди. Отвержение, упреки и попытки переделать оказывают противоположный эффект. Е.В. Петрова утверждает, что степень принятия, кото-

рую родители готовы дать своим ЛГБ-детям, зависит, в частности, от социально-политической ситуации в стране и собственных установок родителей: «Cramer and Roach (1988) получили данные о том, что родители с жесткой, традиционной системой ценностей по отношению к сексуальному поведению могут изменить свои взгляды, если речь идет об их сыне. С другой стороны, родители, имеющие либеральные установки, далеко не всегда готовы сразу воспринять положительно новость о гомо-/бисексуальности своего ребенка» (Петрова, 2015, с. 4).

Боясь признаться родителям или друзьям, подростки и молодые люди часто ищут социальную поддержку в Интернете. В 2010–2011 гг. М.Л. Ибарра с соавт. провели анкетирование 5542 американских девушек и юношей об их поведении в Интернете и реальной жизни. Основной задачей авторов было сравнить поведение в сети и в реальной жизни гетеросексуального и ЛГБТ-юношества. Исследование показало большую склонность молодых ЛГБТ получать социальную поддержку через Интернет. По данным М.Л. Ибарра, получая онлайн-поддержку, молодые ЛГБТ решаются более открыто действовать в ближайшем окружении, используя Интернет как своего рода репетицию самораскрытия. Это поведение сопряжено с рядом рисков, в том числе ЛГБТ-молодые люди чаще подвергаются онлайн-травле и сексуальным домогательствам, что может свести на нет положительный эффект от полученной поддержки (Ybarra et al., 2015). Очевидно, что ЛГБ-подростки и молодые люди нуждаются в построении

более безопасного виртуального пространства, которое могло бы решить часть их сложностей в реальной жизни. Социальная поддержка может быть воспринята только в том случае, когда молодой человек открыт тем, кто его поддерживает. Современные данные показывают, что совершенный камин-аут играет важную роль в дальнейшей жизни ЛГБ-молодых людей. Дж.Г. Косчив с соавт. проанализировали данные успеваемости и благополучия более 7000 ЛГБТ студентов второго года обучения. Их результаты показали, что открытость положительно коррелирует с высокой самооценкой и отрицательно — с уровнем депрессии. Она связана также с большей степенью виктимизации, которая напрямую сказывается на успеваемости и уровне благополучия студентов. Виктимизация в разной степени проявлялась в зависимости от дружелюбности окружения к ЛГБТ. Таким образом, у обследованных студентов положительные последствия самораскрытия практически полностью нивелировались результатами виктимизации, однако в другой социокультурной ситуации результат может отличаться (Kosciw et al., 2015). Для преодоления виктимизации и интернализованной гомофобии важную роль играет способность к самопрощению и самопринятию, которая в том числе формируется из опыта прощения и принятия близкими людьми. Особенно это важно в случае с ЛГБТИК, разделяющими взгляды больших религий. По данным Дж. Льюиса, готовность простить себя отрицательно коррелирует с чувством изоляции, одиночеством и чувством вины (Lewis et al., 2011).

М.Л. Хатценбюлер с соавт. указывают на огромное значение доброжелательного школьного климата для успеваемости и психического здоровья ЛГБ-подростков (Hatzzenbuehler et al., 2014). Создание подобного климата предполагает направленные действия со стороны администрации школы и учителей, которым рекомендуется пройти дополнительную подготовку для работы с ЛГБ. Р.Б. Джонсон с соавт., подготовившие руководство по предотвращению суицидов среди ЛГБТ-студентов, проанализировали большое количество источников, посвященных защитным факторам для ЛГБТ-учеников в американской системе образования. Они подчеркивают значение:

- 1) связи с семьей,
- 2) поддерживающего отношения взрослых,
- 3) безопасности в школе (в том числе отсутствии случаев буллинга, доверительности и конфиденциальности отношений учитель – ученик),
- 4) наличию в регионе ЛГБТ-организаций, реализующих образовательные программы,
- 5) позитивной сексуальной или гендерной идентичности,
- 6) доступу к качественным услугам системы охраны психического здоровья (Johnson et al., 2013).

Как помочь?

Часть возникающих у ЛГБ-подростков и молодежи психологических проблем является следствием того, что они живут в преимущественно гетеросексуальном обществе, определяющем их инаковость, а также позволяющем различные формы дискриминации в отношении

ЛГБТИК. Описаны специфические характерные для ЛГБТИК-людей сложности, с которыми они обращаются к психологам:

1) принятие себя и своей идентичности, интернализованная гомофобия, преодоление стресса меньшинства;

2) различные аспекты совершения камин-аута;

3) партнерские отношения (Сабунаева, 2009).

Часть этих проблем характерна для подросткового и младшего юношеского возраста в целом: формирование идентичности, сложности в первых отношениях, отчуждение. Молодые люди могут оказаться в социальной, эмоциональной и информационной изоляции по причинам, не связанным с сексуальной ориентацией. Однако у молодых ЛГБ очень мало возможностей ее избежать. Иными словами, «потребность гомосексуалов в психологической помощи определяется не фактом сексуальной ориентации, а фактом их положения в обществе» (Там же, с. 30). Д. Дейвис подчеркивает, что работа с ЛГБ-молодежью — это поддержка взрослеющей самостоятельной личности и сопровождение в преодолении изоляции (Дейвис, 2001). Особенно важными тут являются уважение к чувствам, опыту и праву выбора молодого человека (Лапшина, 2015).

Условия консультирования ЛГБ-подростков и молодежи требуют корректировки с учетом социальной ситуации, в которой они живут или могут оказаться. Организационные условия — времени, оплаты и труда консультанта — незначительно отличаются от обычных условий, диктуе-

мых профессиональной этикой. Однако, как отмечает М.Л. Сабунаева, важно, чтобы место консультации было доступно и безопасно, чтобы его можно было посетить, не раскрыв себя. Часто ЛГБ-подростки и юноши могут оказаться без средств к существованию и нуждаться в бесплатной психологической помощи. Необходима организация специальных служб, готовых оказывать бесплатную психологическую помощь ЛГБ-молодежи. Примером такой службы может быть «виртуальный кризисный центр» проекта «Дети-404», который предоставляет бесплатные психологические консультации, информационную помощь, а также осуществляет посредничество между потерпевшими и ЛГБТ-организациями. Бесплатная психологическая помощь в России доступна:

1) через единую общероссийскую линию телефонов доверия для детей, подростков и их родителей (профессиональная анонимная и бесплатная помощь, в части регионов — круглосуточная);

2) по горячей линии российской ЛГБТ-сети для лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и их родных (юридическая и психологическая помощь, круглосуточно);

3) в центрах социально-психологической помощи для детей и подростков (оказывают бесплатную помощь детям и семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации) (Климова, 2014).

В современных условиях каждый из этих трех путей получения психологической помощи ЛГБТ-подростком сопряжен с риском неудовлетворительного обслуживания и/или

отказа. При работе с ЛГБ-подростками и молодежью особенно важна конфиденциальность, поскольку в гомофобной среде аутинг может поставить под угрозу жизнь и социальное благополучие молодого человека.

Особое значение при консультировании ЛГБ-подростков и юношей имеют психологические условия, определяющие готовность консультанта и клиента к работе (Дейвис, 2001; Сабунаева, 2009). Согласно этическому кодексу, «психолог с равным уважением относится к людям вне зависимости от их возраста, пола, сексуальной ориентации, национальности, принадлежности к определенной культуре, этносу и расе, вероисповедания, языка, социально-экономического статуса, физических возможностей и других оснований», однако усвоенные гомофобные установки могут мешать психологу оказывать эффективную помощь ЛГБ-клиенту. Особое значение имеет добровольность взаимодействия при консультации, поскольку в случае с ЛГБ-подростками к психологу могут обращаться родители с запросом «сделать нормальным их ребенка» (Этический кодекс психолога, 2012).

Важными являются меры по развитию защитных факторов для ЛГБ и гетеросексуальных подростков. Они могут включать:

- разработку ясной системы сексуального образования для подро-

стков, раскрывающей эволюционную природу и иные аспекты различных форм сексуальности⁴;

- развитие и поддержание безопасной обстановки в школах и вузах, в том числе меры по профилактике травли и развитию толерантности как важного качества современной личности;

- развитие доступной для подростков и юношей системы психологической (в том числе бесплатной) помощи;

- создание безопасной и доступной системы распространения достоверной информации о сексуальности и сексуальном здоровье для целевой аудитории;

- подготовку специалистов для работы с ЛГБ-подростками и юношами, а также переподготовку учителей и работников образования;

- дальнейшее изучение вопросов включенности—изолированности, психологических факторов, определяющих психическое благополучие ЛГБ-подростков в России.

Заключение

Согласно данным опросов активистских организаций, российские ЛГБ-подростки и молодые люди живут в условиях распространенности гомофобных установок, угрозы физического и вербального насилия, различных форм дискриминации, которые, согласно зарубежным данным, могут привести к ухудшению

---

⁴ Основные принципы и возможные формы включения информации об однополых отношениях в учебные программы описаны в работе, доступной в электронном приложении к выпуску Scientific Educational Intervention: «Same-Sex Mating & Nature», Ali Jahromi, Senior Laboratory Coordinator. New York University, 2016. January 31.

психического и физического здоровья. Однако для построения более объективной картины необходим сбор статистических данных, в том числе медицинской статистики и статистики правоохранительных органов.

ЛГБ-подростки и молодые люди в большей степени, чем их гетеросексуальные сверстники, склонны к суицидальному и рискованному поведению, развитию аффективных нарушений.

Частыми психологическими сложностями ЛГБ-подростков и молодых людей являются: стресс меньшинства; интернализованная гомофобия; социальная, эмоциональная и когнитивная изоляция; последствия насилия и дискриминации.

Реализация психологической помощи ЛГБ-молодежи имеет специфику и требует дополнительной подготовки психологов и помогающих практиков.

Ситуация, сложившаяся в России в 2010-е гг., бросает вызов психологам, помогающим практикам и ставит нас перед сложным этическим выбором. Нам кажется необходимым продолжать развитие психологических исследований и работы с ЛГБ-подростками и юношами. Недостаток психологических научных данных приводит к распространению опасных мифов, поддерживающих гомофобные установки, такие, как «контагиозность» или «пропаганда» гомосексуальности, а также препятствует проведению экспертизы в соответствии с запросами суда о «пропаганде нетрадиционных отношений». Для построения системы квалифицированной помощи ЛГБ необходимы эмпирические исследования, которые позволят выявить специфику проблем и ресурсов российской ЛГБ-молодежи, а также программа подготовки специалистов, готовых оказывать помощь ЛГБ.

Литература

- Андронов, Д. А. (2009). Особенности совладающего (копинг) поведения в трудных жизненных ситуациях у мужчин с гомосексуальной идентичностью. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 3, 89–95.
- Асмолов, А. Г., Асмолов, Г. А. (2010). От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 3–21.
- Дейвис, Д. (2001). Психотерапевтическая работа с молодыми людьми. В кн. Д. Дейвис и Ч. Нил (Ред.), *Розовая психотерапия. Руководство по работе с сексуальными меньшинствами* (с. 222–249). СПб.: Питер.
- Ежегодный опрос Российской ЛГБТ-сети показал особенную уязвимость группы ЛГБТ-подростков и молодежи (2015). Режим доступа: <https://www.lgbtnet.ru/ru/content/ezhegodnyy-opros-rossiyskoy-lgbt-seti-pokazal-osobennuyu-uyazvimost-gruppy-lgbt-podrostkov-i>
- Зиновьева, Е. В. (2007). *Особенности Я-концепции женщин нетрадиционной сексуальной ориентации* (Автореферат кандидатской диссертации, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

- Изотова, Е. И. (2012). Особенности самопреждевательства подростков с разной степенью сформированности идентичности. *Психологические исследования*, 5(26), 9. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/764-izotova26.html>
- Каган, В. Е. (1998). Возможность выйти на солнечный свет. *Психологическая газета*, 9(36), 31–32.
- Климова, Е. А. (2014). *Дети-404. ЛГБТ-подростки: В стенах молчания*. Нижний Тагил.
- Кон, И. С. (1998). *Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви*. М.: Олимп; АСТ.
- Кон, И. С. (2006). Секс и меньшинства: Как гомофобия становится ксенофобией. *Новое время*, 15, 32–35.
- Купер, Т. (2014). *Лицензия на травлю. Гомофобное насилие и преследование ЛГБТ-сообщества в России*. Режим доступа: <https://www.hrw.org/ru/report/2014/12/15/267949>
- Лапшина, Т. Н. (2015, 10 февраля). Психологическая работа с подростком с отличающейся от традиционной сексуальной ориентацией. *Психологическая газета*. Режим доступа: <http://www.psy.su/feed/4481/>
- Луковицкая, Е. Г. (2003). Восприятие гомосексуальности. В кн. И. Н. Клецина (Ред.), *Практикум по гендерной психологии* (с. 415–426). Санкт-Петербург: Питер.
- Нагорная, Н. П. (2009). «Стресс меньшинства». В кн. Л. Гейдар (сост.), М. Андрущенко (Ред.), *Социальная работа с людьми, практикующими однополые сексуальные отношения: Теория. Методики. Лучшие практики* (с. 24–26). Киев: Международный Альянс по ВИЧ/СПИД в Украине.
- Остапенко, И. А. (2004). *Гендерная идентичность и самопрезентация в Интернет-коммуникации: Социально-философский анализ* (Кандидатская диссертация, Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону).
- Павлова, Т. С., Банников, Г. С. (2013). Современные теории суицидального поведения подростков и молодежи. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 4. Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65717.shtml
- Петрова, Е. В. (2015). Теоретическое исследование факторов отношения родителей к взрослым детям с гомо-/бисексуальной идентичностью. *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*, 1(33). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-issledovanie-faktorov-otnosheniya-roditeley-k-vzroslym-detyam-s-gomo-biseksualnoy-identichnostyu>
- Плотко, М. (2013, 12 марта). Страх другого. Проблема гомофобии в России. *Демоскоп Weekly*. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0549/opros07.php>
- Сабунаева, М. Л. (2009). Основы оказания психологической помощи гомосексуалам. В кн. Л. Гейдар (сост.), М. Андрущенко (ред.), *Социальная работа с людьми, практикующими однополые сексуальные отношения: Теория. Методики. Лучшие практики* (с. 30–36). Киев: Международный Альянс по ВИЧ/СПИД в Украине.
- Соболева, И. В., Бахметьев, Я. А. (2014). «Меня как будто вытолкали за ворота»: реакция ЛГБТ на запрет «пропаганды гомосексуализма». *Журнал исследований социальной политики*, 12(2), 217–232.
- Строкова, С. С. (2013). Изменение модели гомосексуальности в психодинамическом подходе (обзор зарубежных исследований). *Современная зарубежная психология*, 2(3), 81–92. Режим доступа: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n3/63508.shtml>
- Эльконин, Д. Б. (1971). К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. *Вопросы психологии*, 4, 6–20.
- Эриксон, Э. (1996). *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс.

- Этический кодекс психолога (2012). Режим доступа: <http://рпо.рф/рпо/documentation/ethics.php>
- Critcher, C. R., & Ferguson, M. J. (2014). The cost of keeping it hidden: Decomposing concealment reveals what makes it depleting. *Journal of Experimental Psychology: General*, *143*(2), 721–735.
- Hatzenbuehler, M. L., Mark, L., Birkett, M., Van Wagenen, A., & Meyer, I. H. (2014). Protective school climates and reduced risk for suicide ideation in sexual minority youths. *American Journal of Public Health*, *104*(2), 279–286.
- Hatzenbuehler, M. L., McLaughlin, K. A., Keyes, M., Katie, A., Katherine, M., & Hasin, D.S. (2010). The impact of institutional discrimination on psychiatric disorders in lesbian, gay, and bisexual populations: a prospective study. *American Journal of Public Health*, *100*(3), 452–459.
- Johnson, R. B., Oxendine, S., Taub, D. J., & Robertson, J. (2013). Suicide prevention for LGBT students. *New Directions for Student Services. Special Issue: Preventing College Student Suicide*, *141*, 55–69.
- Kann, L., O'Malley Olsen, E., McManus, T., Kinchen, S., Chyen, D., Harris, W. A., & Wechsler, H. (2011). Sexual identity, sex of sexual contacts, and health-risk behaviors among students in grades 9–12 – Youth Risk Behavior Surveillance, Selected Sites, United States, 2001–2009. *Surveillance Summaries*, *60*(SS07), 1–133.
- Kosciw, J. G., Palmer, N. A., & Kull, R. M. (2015). Reflecting resiliency: openness about sexual orientation and/or gender identity and its relationship to well-being and educational outcomes for LGBT students. *American Journal of Community Psychology*, *55*(1–2), 167–178.
- Lewis, J., Chwee-Lye, C., Logan, M. A., & Vosvick, M. (2011). *Predictors of forgiveness of Self in LGBT adults: Coming out, guilt, and loneliness*. Paper presented at the APHA 139th Annual Meeting and Exposition, Washington, DC. Retrieved from <https://apha.confex.com/apha/139am/webprogram/Paper243890.html>
- Magee, J. C., Bigelow, L., Dehaan, S., & Mustanski, B. S. (2012). Sexual health information seeking online: a mixed-methods study among lesbian, gay, bisexual, and transgender young people. *Health Education and Behavior*, *39*(3), 276–289.
- Pingel, E. S., Thomas, L., Harmell, Ch., & Bauermeister, J. (2013). Creating comprehensive, youth centered, culturally appropriate sex education: What do young gay, bisexual and questioning men want? *Sex Res Social Policy*, *10*(4). Retrieved from <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3862289/>
- Rothman, E. F., Sullivan, M., Keyes, S., & Boehmer, U. (2012). Parents' supportive reactions to sexual orientation disclosure associated with better health: Results from a population-based survey of LGB adults in Massachusetts. *Journal of Homosexuality*, *59*(2), 186–200.
- Russell, S. T., & Joyner, K. (2001). Adolescent sexual orientation and suicide risk: Evidence from a national study. *American Journal of Public Health*, *91*(8), 1276–1281.
- Ryana, W. S., Legateb, N., & Weinstein, N. (2015). Coming out as lesbian, gay, or bisexual: The lasting impact of initial disclosure experiences. *Self and Identity*, *14*(5), 549–569.
- Ybarra, M. L., Mitchell, K. J., Palmer, N. A., & Reisner, S. L. (2015). Online social support as a buffer against online and offline peer and sexual victimization among U.S. LGBT and non-LGBT youth. *Child Abuse and Neglect*, *39*, 123–136.

Лапшина Татьяна Николаевна — доцент кафедры общей психологии и психологии развития, ГБОУ ВО МО «Академия социального управления», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: аффективная психофизиология, психология эмоций, эмоциональный интеллект, психология образования, психология в школе, психологическое консультирование, экзистенциальная психотерапия, гештальттерапия, телесноориентированная психотерапия

Контакты: tatyana.lapshina@gmail.com

Кочеткова Анна Сергеевна — волонтер, руководитель направления психологической помощи проекта «Дети-404».

Сфера интересов: психология способностей и одаренности, дифференциальная психофизиология, гендерная психология, психология травмы, психология памяти.

Контакты: hana.kochetkovavaneyan@gmail

Mental Health of LGB Adolescence and Youth as a Challenge to Russian Psychology

Tatyana N. Lapshina^a, Anna S. Kochetkova^b

^a *Social Management Academy of Moscow Region, 3/5 Yeniseiskaya str., Moscow, 129344, Russian Federation.*

^b *Independent researcher.*

Abstract

The article presents a review of foreign and domestic publications on psychological problems of homo- and bisexual adolescents and youth, as well as on characteristics of psychological counseling of LGB-adolescents and youth. The authors bring up an important concern of vulnerability of LGB-adolescents and young people in Russia in the XXI century. The authors discuss characteristics of the sociocultural situation, in which LGB-adolescents come to age, analyze risk factors to which LGB-youth is exposed, comparing data of foreign and domestic research, as well as protective factors, the development of which may be secured by psychological counseling of LGB. According to the authors, the factors that heighten risks of development of affective disorders, risky and suicidal behaviors are violence in family and reprobation of family members, violence and reprobation of peers, political and institutional homophobia, bullying, forced coming out, physical violence related to coming out, minority stress, internalized homophobia, social, emotional and informational isolation. Protective factors are open objective and non-stigmatizing information about homosexuality, support of other people, including family members, peers, teachers, LGBT-organizations, positive self-identity, including gender and sexual identity, access

to quality medical and psychological help. The authors emphasize that majority of psychological problems, encountered by LGB-adolescents, do not related directly to sexuality and sexual orientation, but isolation, which accompanies LGB-adolescents, may significantly escalate problems, which are typical for adolescent and young age. The article describes general trends and key characteristics of psychological counseling of LGB-adolescents and youth.

Keywords: psychological counseling, homosexuality, bisexuality, adolescence, youth, homophobia, minority stress, psychic health in LGBTIK.

References

- Andronov, D. A. (2009). Distinctive features of difficult life situations experienced by homosexual men. *Science of the Person: Humanitarian Researches*, 3, 89–95.
- Asmolv, A. G., & Asmolv, G. A. (2010). From We-media to I-media: Identity transformations in the virtual world. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 3–21.
- Critcher, C. R., & Ferguson, M. J. (2014). The cost of keeping it hidden: Decomposing concealment reveals what makes it depleting. *Journal of Experimental Psychology: General*, 143(2), 721–735.
- Davies, D. (2001). Psikhoterapevticheskaya rabota s molodymi lyud'mi [Psychotherapeutic work with young people]. In D. Davies and C. Neal (Eds.), *Rozovaya psikhoterapiya. Rukovodstvo po rabote s seksual'nymi men'shinstvami* [Pink psychotherapy: A guide for work with sexual minorities] (pp. 222–249). Saint Petersburg: Piter. (Transl. of: Davies, D., & Neal, C. (Eds.). (1996). *Pink therapy: A guide for counsellors and therapists working with lesbian, gay and bisexual clients*. Buckingham, UK/Philadelphia, PA: Open University Press).
- Elkonin, D. B. (1971). K probleme periodizatsii psikhicheskogo razvitiya v detskom vozraste [On the problem of periodization of psychic development in childhood]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 6–20.
- Erikson, E. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress. (Transl. of: Erikson, E. H. (1968). *Identity, youth and crisis*. New York: W. W. Norton Company).
- Eticheskii kodeks psikhologa [Ethical code of psychologist]. (2012). Retrieved from <http://pno.pf/rpo/documentation/ethics.php>
- Ezhegodnyi opros Rossiiskoi LGBT-seti pokazal osobennuyu uyazvimost' gruppy LGBT-podrostkov i molodezhi [Annual survey of the Russian LGBT-network showed marked vulnerability of the group of LGBT-adolescents and youth]. (2015). Retrieved from <https://www.lgbtnet.ru/ru/content/ezhegodnyy-opros-rossiyskoy-lgbt-seti-pokazal-osobennuyu-uyazvimost'-gruppy-lgbt-podrostkov-i>
- Hatzenbuehler, M. L., Mark, L., Birkett, M., Van Wagenen, A., & Meyer, I. H. (2014). Protective school climates and reduced risk for suicide ideation in sexual minority youths. *American Journal of Public Health*, 104(2), 279–286.
- Hatzenbuehler, M. L., McLaughlin, K. A., Keyes, M., Katie, A., Katherine, M., & Hasin, D.S. (2010). The impact of institutional discrimination on psychiatric disorders in lesbian, gay, and bisexual populations: a prospective study. *American Journal of Public Health*, 100(3), 452–459.
- Izotova, E. I. (2012). Features of self-representation in teenagers with different levels of identity development. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 5(26), 9. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/eng/2012v5n26e/752-izotova26e.html>
- Johnson, R. B., Oxendine, S., Taub, D. J., & Robertson, J. (2013). Suicide prevention for LGBT students. *New Directions for Student Services. Special Issue: Preventing College Student Suicide*, 141, 55–69.

- Kagan, V. E. (1998). Vozmozhnost' vyiti na solnechnyi svet [The possibility to come out to the sun-light]. *Psikhologicheskaya Gazeta*, 9(36), 31–32.
- Kann, L., O'Malley Olsen, E., McManus, T., Kinchen, S., Chyen, D., Harris, W. A., & Wechsler, H. (2011). Sexual identity, sex of sexual contacts, and health-risk behaviors among students in grades 9–12 – Youth Risk Behavior Surveillance, Selected Sites, United States, 2001–2009. *Surveillance Summaries*, 60(SS07), 1–133.
- Klimova, E. A. (2014). Deti-404. *LGBT-podrostki: v stenakh molchaniya* [Children 404. LGBT-adolescents: in the walls of silence]. Nizhny Tagil.
- Kon, I. S. (1998). *Lunnyi svet na zare. Liki i maski odnopoloi lyubvi* [Moonlight at dawn. Faces and masks of same-sex love]. Moscow: Olimp/AST.
- Kon, I. S. (2006). Seks i men'shinstva: Kak gomofobiya stanovitsya ksenofobiei [Sex and minorities: How homophobia becomes xenophobia]. *Novoe Vremya*, 15, 32–35.
- Kosciw, J. G., Palmer, N. A., & Kull, R. M. (2015). Reflecting resiliency: openness about sexual orientation and/or gender identity and its relationship to well-being and educational outcomes for LGBT students. *American Journal of Community Psychology*, 55(1–2), 167–178.
- Kuper, T. (2014). Litsenziya na travlyu. *Gomofobnoe nasilie i presledovanie LGBT-soobshchestva v Rossii* [License to bully. Homophobic violence and perpetration of LGBT-community in Russia]. Retrieved from <https://www.hrw.org/ru/report/2014/12/15/267949>
- Lapshina, T. N. (2015, February 10). Psikhologicheskaya rabota s podrostkom s otlichayushcheisya ot traditsionnoi seksual'noi orientatsiei [Psychological counseling of adolescent with unorthodox sexual orientation]. *Psikhologicheskaya gazeta*. Retrieved from <http://www.psy.su/feed/4481/>
- Lewis, J., Chwee-Lye, C., Logan, M. A., & Vosvick, M. (2011). *Predictors of forgiveness of Self in LGBT adults: Coming out, guilt, and loneliness*. Paper presented at the APHA 139th Annual Meeting and Exposition, Washington, DC. Retrieved from <https://apha.confex.com/apha/139am/webprogram/Paper243890.html>
- Lukovitskaya, E. G. (2003). Vospriyatie gomoseksual'nosti [Perception of homosexuality]. In I. N. Kletsina (Ed.), *Praktikum po gendernoi psikhologii* [Practical course in gender psychology] (pp. 415–426). Saint Petersburg: Piter.
- Magee, J. C., Bigelow, L., Dehaan, S., & Mustanski, B. S. (2012). Sexual health information seeking online: a mixed-methods study among lesbian, gay, bisexual, and transgender young people. *Health Education and Behavior*, 39(3), 276–289.
- Nagornaya, N. P. (2009). "Stress men'shinstva" [Minority stress]. In L. Geidar & M. Andrushchenko (Eds.), *Sotsial'naya rabota s lyud'mi, praktikuyushchimi odnopoloye seksual'nye otnosheniya: Teoriya. Metodiki. Luchshie praktiki* [Social work with people practicing same-sex relationships: Theory. Techniques. Best practices] (pp. 24–26). Kiev: International HIV/AIDS Alliance in Ukraine.
- Ostapenko, I. A. (2004). *Gendernaya identichnost' i samoprezentatsiya v Internet-kommunikatsii: Sotsial'no-filosofskii analiz* [Gender identity and self-presentation in Internet-communication: Social and philosophical analysis] (PhD dissertation, Rostov State University, Rostov-on-Don, Russian Federation).
- Pavlova, T. S., & Bannikov, G. S. (2013). Modern theories of suicidal behavior in adolescents and young people. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie psyedu.ru*, 4. Retrieved from http://psyjournals.ru/en/psyedu_ej/2013/n4/65877.shtml
- Petrova, E. V. (2015). Theoretical study of the causes of parent's attitudes to adult LGB children. *Uchyonye Zapiski: Electronic Scientific Journal of the Kursk State University*, 1(33). Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-issledovanie-faktorov-otnosheniya-roditeley-k-vzroslym-detyam-s-gomo-biseksualnoy-identichnostyu>

- Pingel, E. S., Thomas, L., Harmell, Ch., & Bauermeister, J. (2013). Creating comprehensive, youth centered, culturally appropriate sex education: What do young gay, bisexual and questioning men want? *Sex Res Social Policy*, 10(4). Retrieved from <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3862289/>
- Plotko, M. (2013, March 12). Strakh drugogo. Problema gomofobii v Rossii [A fear of Other. Problem of homophobia in Russia]. *Demoskop Weekly*. Retrieved from <http://demoscope.ru/weekly/2013/0549/opros07.php>
- Rothman, E. F., Sullivan, M., Keyes, S., & Boehmer, U. (2012). Parents' supportive reactions to sexual orientation disclosure associated with better health: Results from a population-based survey of LGB adults in Massachusetts. *Journal of Homosexuality*, 59(2), 186–200.
- Russell, S. T., & Joyner, K. (2001). Adolescent sexual orientation and suicide risk: Evidence from a national study. *American Journal of Public Health*, 91(8), 1276–1281.
- Ryana, W. S., Legateb, N., & Weinstein, N. (2015). Coming out as lesbian, gay, or bisexual: The lasting impact of initial disclosure experiences. *Self and Identity*, 14(5), 549–569.
- Sabunaeva, M. L. (2009). Osnovy okazaniya psikhologicheskoi pomoshchi gomoseksualam [Principles of rendering of psychological help to homosexuals]. In L. Geidar & M. Andrushchenko (Eds.), *Sotsial'naya rabota s lyud'mi, praktikuyushchimi odnopolye seksual'nye otnosheniya: Teoriya. Metodiki. Luchshie praktiki* [Social work with people who practice same-sex relationships: Theory. Techniques. Best practices] (pp. 30–36). Kiev: International HIV/AIDS Alliance in Ukraine.
- Soboleva I., & Bakhmetjev Y. (2014). "I was basically kicked off": Reaction of LGBT on the "Prohibition of homosexuality propaganda". *The Journal of Social Policy Studies*, 12(2), 217–232.
- Strokova, S. S. (2013). Change of the model of homosexuality in psychodynamic approach (review of foreign literature references). *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya*, 2(3), 81–92. Retrieved from <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n3/63508.shtml>
- Ybarra, M. L., Mitchell, K. J., Palmer, N. A., & Reisner, S. L. (2015). Online social support as a buffer against online and offline peer and sexual victimization among U.S. LGBT and non-LGBT youth. *Child Abuse and Neglect*, 39, 123–136.
- Zinovieva, E. V. (2007). *Osobennosti Ya-kontseptsii zhenshchin netraditsionnoi seksual'noi orientatsii* [Characteristics of self-concept of women with unorthodox sexual orientation] (Extended abstract of PhD dissertation, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation).

Tatiana N. Lapshina — associate professor in general and developmental psychology, Social Management Academy of Moscow Region, Ph.D.

Research area: affective psychophysiology, psychology of emotions, emotional intelligence, psychology of education, psychology in school, psychological counseling, existential psychotherapy, gestalt-therapy, psychology of corporeality.

E-mail: tatyana.lapshina@gmail.com

Anna S. Kochetkova — volunteer, head of psychological help area in group "Deti-404".

Research area: psychology of abilities and giftedness, differential psychophysiology, gender psychology, psychology of trauma, memory psychology.

E-mail: hana.kochetkovavaneyan@gmail.com

МОТИВЫ, ПРЕПЯТСТВИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ КАМИН-АУТА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВЗРОСЛЫХ ГОМО-/БИСЕСУАЛОВ СО СВОИМИ РОДИТЕЛЯМИ

Е.В. ПЕТРОВА^а

^а *Благотворительный фонд социально-правовой помощи «Сфера», 191040, Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 87, лит. А, пом. 15Н*

Резюме

В статье рассматривается проблема взаимоотношений людей, имеющих гомосексуальную и гетеросексуальную идентичность, с родительской семьей. Приведен обзор существующих на сегодняшний день исследований о родительской реакции на столкновение с негетеросексуальностью детей, предполагаемых причинах этой реакции, связи психологического здоровья взрослых негетеросексуалов с наличием или отсутствием родительской поддержки. В эмпирической части статьи описываются методология и результаты проведенного исследования. На первом этапе исследования по результатам 11 глубинных интервью были сформулированы мотивы и препятствия, которые играют роль в принятии решения об открытости в общении с родителями в своей сексуальной идентичности. Кроме того, были сформулированы варианты родительской реакции на обнаружение негетеросексуальности ребенка. На втором этапе исследования был проведен онлайн-опрос среди 102 взрослых гомосексуалов и бисексуалов, среди которых 69 имели опыт открытости перед родителями, им было предложено выбрать из списка те мотивы, препятствия и родительские реакции, которые были актуальны в их личной ситуации. По результатам исследования были выделены наиболее типичные мотивы и препятствия для камин-аута, а также родительские проявления после разговора о сексуальной идентичности ребенка. Одним из способов интерпретации динамики родительских переживаний после камин-аута ребенка признается модель горевания, предложенная Э. Кюблер-Росс. В существующих российских работах данная тема представлена в самом обобщенном виде, в то время как интерес к ЛГБТ-исследованиям на Западе в последние годы существенно возрос. С учетом имеющихся данных о том, что взаимоотношения с родительской семьей связаны с психологическим здоровьем взрослых гомосексуалов и бисексуалов, а сами по себе семейные отношения важны для всех участников как источник поддержки и принятия, необходимы не только дальнейшие исследования в этой области, но и рекомендации по практическому приложению полученных знаний.

Ключевые слова: ЛГБТ, камин-аут, детско-родительские отношения, отношения в семье.

Введение

В течение последних десятилетий интерес российских и зарубежных

исследователей к темам, связанным с сексуальной и гендерной идентичностью, возрос. Во многом это реакция на то, что в центре общественного

внимания оказываются проблемы, которые прежде замалчивались. Говоря о российском обществе, невозможно игнорировать тот факт, что уровень гомофобии весьма высок (Левада-центр, 2013), что, в свою очередь, бросает вызов каждому представителю ЛГБТ-сообщества (сообщества лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров), решившемуся заявить о своей сексуальной/гендерной идентичности вслух. Довольно большую часть информации о сексуальной ориентации и гендерной идентичности, транслируемой СМИ, составляют спекуляции на существующих в общественном сознании стереотипах о гомосексуальности (например, что гомосексуальность (например, что гомосексуальность связана с педофилией).

Поскольку родители гомосексуалов и бисексуалов являются продуктами своей культуры и истории, то в ситуации камин-аута (добровольного раскрытия своей сексуальной идентичности) ребенка и в условиях недостатка научной информации и рефлексии специфических вопросов они подвергаются влиянию социальных стереотипов и могут действовать в соответствии с ними, нанося вред своим отношениям с детьми.

Как будет показано ниже, во многих случаях реакция родителей на камин-аут ребенка бывает в разной степени негативной. Тем не менее существуют и другие реакции — принятие, поддержка. В данной статье мы анализируем, что помогает, а что мешает гомосексуалам и бисексуалам принять решение об открытости в общении с близкими. Кроме того, рассмотрим, какие родительские реакции упоминаются гомо-/бисек-

суалами чаще всего при описании своего опыта камин-аута.

Исследование факторов родительской реакции

В статье «Теоретическое исследование факторов отношения родителей к взрослым детям с гомо-/бисексуальной идентичностью» (Петрова, 2015) приводятся существующие модели, способные объяснить реакции родителей на камин-аут: модель горевания, реакция исходя из личностных особенностей родителей, теории предвзятой личности, социально-демографические характеристики семьи. Приведенные модели не противоречат друг другу, хотя и достаточно разнородны, так как исследования данной темы носят единичный характер и мало связаны между собой.

Поскольку исследования крайне малочисленны, ни одну из приводимых интерпретаций родительских реакций на камин-аут на сегодняшний день нельзя считать доказанной. Наиболее распространенной и изученной применительно к ситуации камин-аута ЛГБ является модель горевания (см.: Denes, Afifi, 2014).

В модели горевания в качестве объекта утраты выступают предполагаемая ранее родителем гетеросексуальность ребенка и представления о его/ее желаемом будущем, включающие разнополюный брак и рождение детей. Через какое-то время родитель может осознать, что семейные отношения и воспитание детей возможны и в однополых отношениях. Б. Робинсон и его коллеги (Robinson et al., 1989) обнаружили,

что большинство родителей в их выборке дошли до стадии принятия, пройдя через шок, отрицание, вину и гнев. По достижении родителем принятия негетеросексуальной идентичности ребенка в семье устанавливаются более честные, открытые и понимающие отношения (Savin-Williams, 2001, p. 46).

Косвенным подтверждением того, что модель горевания подходит для объяснения родительских переживаний, являются результаты исследования, проведенного в 2008 г. Энтони Д'Аугелли с коллегами, которые изучали реакцию членов родительской семьи на камин-аут молодых ЛГБ (D'Augelli et al., 2008). У тех участников, чьи родители позитивно реагировали на их идентичность, возраст первого камин-аута перед семьей был ниже и самоидентификация в качестве ЛГБ более устойчивая по сравнению с остальными. Примечательно, что эти участники в прошлом испытали много вербальной агрессии, связанной с их сексуальной идентичностью, от своих семей. На момент исследования они меньше волновались по поводу отвержения по сравнению с теми, кто открылся родителям в более позднем возрасте.

В международной организации «Родители, семьи и друзья лесбиянок и геев» (PFLAG) модель горевания используется при работе с родителями ЛГБТ.

Однако, как указывает Р. Савин-Уильямс, исследователям еще предстоит выяснить, посредством какого процесса родители двигаются в направлении принятия, а также рассмотреть возможные факторы, кото-

рые могут влиять на прохождение через стадии (Savin-Williams, 2001).

Мишель и Роберт Ли в 2006 г. провели исследование на 14 родителях геев — участниках организации PFLAG. Интервью были проанализированы посредством этнографического контент-анализа. Было показано, что принимающие родители имеют общие черты: они готовы эмоционально вкладываться в близких людей, открыты к новым реалиям и способны находить и использовать ресурсы (Lee, Lee, 2006). Применительно к модели горевания это может означать, что принимающие родители проходят через его стадии более эффективно.

Значение камин-аута перед родителями для ЛГБ-людей

Можно с уверенностью говорить о том, что для большинства ЛГБ-людей раскрытие перед родителями своей сексуальной идентичности является важным этапом в отношениях с семьей. Это показано в ряде исследований (Фадеев, Сабунаева, 2010; Ryan et al., 2010; Rothman et al., 2012; Denes, Afifi, 2014) а также в книгах, посвященных ЛГБТ-детям (LaSala, 2010; Климова, 2014).

Согласно данным Д.Д. Исаева и Д.Г. Пирогова (2001), в возрасте 13–15 лет у гомосексуальных подростков происходит кризис идентичности — появляется влечение к представителям своего пола, но гомосексуальность еще не воспринимается как часть структуры своей личности, наступает период сомнений и колебаний. Это также соотносится с результатами исследований

С.С. Фадеева и М.Л. Сабунаевой (2010) — первое осознание присутствия гомосексуального влечения приходится на период 10–14 лет.

Средний возраст самораскрытия, по разным данным, варьируется в диапазоне 21–25 лет, что зависит от возраста выборки. При обследовании 151 гея-подростка в исследовании А. Койла (Coyle, 1994; см.: Дейвис, Нил, 2001, с. 225) средний возраст вступления в сексуальные отношения составлял 14 лет, в то время как средний возраст определения ими себя в качестве геев составлял 19.8 года (а «обнаруживают» себя еще позднее — в 21.6 года). В исследовании Е. Ротман с соавт. (Rothman et al., 2012) в среднем респонденты совершили камин-аут в возрасте 25 лет.

Соответственно, между моментом зарождения сомнения в своей гетеросексуальности и камин-аутом перед родителями проходит довольно большой срок — около 10 лет. В это время юноши/девушки проходят через несколько этапов формирования гомосексуальной идентичности. В большинстве случаев это происходит без ведома и участия родителей, так как молодые ЛГБТ опасаются сильной негативной реакции родителей, вплоть до применения насилия и лишения крова. Кроме того, 13–19 лет — период, в который протекают возрастные кризисы, возникают сложные вопросы, связанные с выбором профессии, с установлением отношений со сверстниками, происходят первые влюбленности. Все это осложняет и без того непростые переживания по поводу своей гомо-/бисексуальности (Лапшина, Кочеткова, 2016).

Родительская поддержка и здоровье молодых ЛГБ

Согласно результатам российских и зарубежных исследований последних десятилетий, среди людей с негетеросексуальной идентичностью выше тенденция к попаданию в группы риска по параметрам употребления психоактивных веществ, суицидального поведения, депрессии (Denes, Afifi, 2014; Rothman et al., 2012; Ryan et al., 2010; Фадеев, Сабунаева, 2010). В части этих исследований приводятся данные о том, что у тех гомо-/бисексуалов, кто открыт перед близкими в своей сексуальной идентичности, значительно меньше проявлены рискованное поведение и депрессивные состояния (Rothman et al., 2012; Ryan et al., 2010). Кроме того, у тех гомо-/бисексуалов, кто был принят в семье, шанс попасть в группы риска меньше, чем у тех, кто был отвергнут, подвергся насилию или давлению.

В исследовании Е. Ротман (Rothman et al., 2012) было выявлено, что среди гомо-/бисексуальных женщин отсутствие открытости перед родителями связано с более высоким уровнем рискованного поведения — употреблением наркотиков, более низкой самооценкой уровня здоровья, более высокими показателями депрессии по сравнению с женщинами, родители которых знают об их сексуальной ориентации. В данном исследовании при помощи множественного регрессионного анализа были оценены взаимосвязи между: а) сексуальной идентичностью и показателями здоровья (рискованное поведение, депрессия); б) открытостью в отношениях с родителями и

рискованным поведением и состоянием здоровья; в) родительской поддержкой после камин-аута и рискованным поведением и состоянием здоровья. Данные проанализированы с учетом параметров возраста, образования, расы, наличия медицинской страховки.

Преимущества и недостатки решения о камин-ауте

Решение о камин-ауте не является простым для молодых ЛГБ. Как правило, возникает внутренний конфликт между потребностью в близости, понимании и принятии, с одной стороны, и страхом негативной реакции и отчуждения — с другой. Страх родительской реакции не является, к сожалению, иррациональным. Очень многие родители первоначально отрицают негетеросексуальную ориентацию своих детей, считая такие проявления «фазой в развитии», «бунтом», «увлечением» и др. Многие негетеросексуалы сталкиваются с отвержением, физическим и психологическим насилием, бывают вынуждены покинуть родительский дом.

Л. Тренчард с соавт. (Trenchard et al., 1984; см.: Дейвис, Нил, 2001, с. 244) пишут, что 21% молодых британских геев и лесбиянок заявили о том, что подвергались избиениям со стороны родственников за свое гомосексуальное поведение; из них 11% родители выгнали из дома.

Как было упомянуто выше, в российском исследовании молодых ЛГБ, имеющих опыт камин-аута (Фадеев, Сабунаева, 2010), большинство респондентов описывали последующую за камин-аутом ситуацию в

отношениях с родителями как критическую.

Семейный конфликт по поводу сексуальной ориентации и гендерной идентичности ребенка является одной из причин бездомности молодых ЛГБТ (Ray, 2006). В исследовании М. Финеман (Fineman, 2014) выяснилось, что 26% подростков-гомосексуалов были выгнаны из дома своими родителями после камин-аута. Многие из тех, кто остались дома, страдают от оскорбительных действий — конверсивной или репаративной терапии (направленной на изменение сексуальной ориентации), физического и эмоционального насилия, пренебрежения (Там же). Конечно, по достижении совершеннолетия молодые ЛГБ имеют больше ресурсов — возможность работать, снимать жилье, получать поддержку друзей. Тем не менее ощущение исключенности из семьи как важной социальной группы снижает сопротивляемость стрессу, поскольку принадлежность к значимой группе и принятие ею являются важными копинг-ресурсами человека как общественного существа (Андронов, 2007).

В исследовании С.С. Фадеева и М.Л. Сабунаевой (2010) было показано, что респонденты, негативно переживающие обнаружение своей сексуальной ориентации, выбирают неадаптивные копинг-стратегии, склонны испытывать депрессивные состояния, часто ощущать подавленность, имеют высокий уровень самокритичности.

Несмотря на высокую вероятность негативных реакций со стороны родителей на камин-аут, большинство ЛГБ указывают на положительные

последствия самораскрытия перед родителями. Таким образом, молодые ЛГБ, находящиеся в ситуации выбора — говорить или не говорить родителям о своей сексуальной идентичности, — сталкиваются со сложными и противоречивыми импульсами и чувствами. С одной стороны, раскрытие сексуальной ориентации наверняка вызовет отвержение, возможно, агрессию, требование уйти из дома, психологическое давление. С другой стороны, желание быть открытым со своими близкими, построить искренние отношения, необходимость лгать о своей личной жизни, страх, что родители узнают об этом сами из других, менее дружелюбных источников.

Каким бы образом ни происходил камин-аут, гомо-/бисексуалы всегда указывают на положительные изменения после его совершения:

- позитивное выстраивание отношений и снятие напряжения в межличностных контактах;
- ощущение внутренних сил и возможностей, осознание своей полноценности;
- повышающаяся взаимная степень доверия, освобождение от стигмы «неправильности» своего бытия, комфортность в общении, принятие своей идентичности (по: Там же, с. 139).

Кроме того, адекватное, положительное восприятие своей гомосексуальности, раскрытие своей «инаковости» перед значимыми людьми, а также положительная реакция и принятие индивида со стороны значимых других позволяют использовать адаптивные стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями, влияют на самооценку, придают уверенность в своих силах.

Было выявлено, что респонденты, которых принимает семья, более открыты, откровенны и в то же время конкурентоспособны и активны, что согласуется с применением адаптивных копинг-стратегий (Фадеев, Сабунаева, 2010).

Как мы видим, реакция родителей на камин-аут ребенка может быть разной — и поддерживающей, и отвергающей. Среди специалистов по психическому здоровью не существует единого мнения насчет того, является ли камин-аут однозначно «полезным» действием для здоровья молодых ЛГБ, особенно в подростковом возрасте. С одной стороны, самораскрытие является важной вехой в развитии и в отношениях с близкими (LaSala, 2010), с другой — многие родители реагируют негативно, даже жестоко, что не может хорошо сказаться на здоровье ребенка.

Тем не менее в отсутствие прямой опасности один из способов для ЛГБТ помочь своим родителям в процессе принятия — это постоянно возвращаться в разговоре к теме сексуальной идентичности, преодолевая отрицание и сопротивление.

Методология исследования

Цель исследования: изучить реакции родителей на камин-аут детей в российской выборке.

Задача исследования: изучить, что является побуждающими факторами, а что — препятствиями для камин-аута среди российских взрослых ЛГБ.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 102 взрослых гомо-/бисексуалов от 20 до 47 лет (средний возраст — 29 лет). Среди

них 76 женщин, 25 мужчин, 1 человек выбрал/а позицию «другое». Большая часть респондентов (69 человек) имели опыт раскрытия своей сексуальной идентичности, по крайней мере, перед одним членом родительской семьи. Соответственно, 33 человека не имели такого опыта.

Методики и процедура. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе, пилотажном, были проведены 11 глубинных интервью с представителями ЛГБ-сообщества в возрасте от 22 до 46 лет, 6 женщинами и 5 мужчинами, привлеченными среди посетителей комьюнити-центра для ЛГБТ в Санкт-Петербурге.

В результате обработки интервью при помощи методов контент-анализа были выделены темы, отражающие мотивы, препятствия, а также варианты родительской реакции на камин-аут. Были выделены следующие мотивы камин-аута: «Потребность быть открытым/ой с близкими, отсутствие лжи в отношениях», «Серьезные отношения с однополым партнером», «Процесс принятия своей гомо-/бисексуальности», «Желание причинить боль, отомстить»; кроме того, предлагалось отметить, был ли камин-аут спонтанным: «Камин-аут произошел спонтанно, не было осознанного желания, так сложились обстоятельства» (в данном случае остальные перечисленные мотивы могут иметь место, а могут и отсутствовать), а также имел ли место аутинг: «Добровольного камин-аута не было, был аутинг (раскрытие сексуальной ориентации третьим лицом без вашего согласия)».

Препятствия для камин-аута были сформулированы следующим образом: «Страх неопределенности

будущих отношений», «Страх реакции», «Отчужденность в отношениях», «Нежелание расстраивать близких», «Неуверенность в своей идентичности» (данное препятствие не звучало явным образом, тем не менее в рассуждениях некоторых бисексуальных респондентов, не имеющих на текущий момент значимых взаимоотношений с однополым партнером, высказывалось сомнение в целесообразности камин-аута в связи с неопределенностью пола возможного партнера).

Среди вариантов родительской реакции были перечислены следующие: «Полная поддержка и принятие», «Шок», «Агрессия», «Физическое насилие по отношению к вам», «Психологическое давление», «Холодность, отчуждение», «Равнодушные», «Спокойствие», «Отрицание», «Обвинение, поиск виноватого», «Шантаж». Как уже говорилось выше, негативные родительские реакции на камин-аут в российской действительности встречаются гораздо чаще нейтральных и положительных, кроме того, их вариативность шире.

На втором этапе исследования был составлен Интернет-опросник на сайте <https://webanketa.com>, где предлагалось выбрать любое количество вариантов из списков мотивов, препятствий и родительских реакций, которые были актуальны для респондента. В каждом из перечисленных вопросов также предполагался вариант ответа «Другое» с заполнением пояснительной текстовой графы. Вопросы «Что побудило/побуждает вас сделать камин-аут» и «Что препятствовало/препятствует камин-ауту» были доступны

для всех респондентов независимо от опыта камин-аута. Вопрос о родительской реакции технически был доступен только ЛГБ, имеющим опыт открытости. Перед заполнением анкеты респонденты прочитывали информированное согласие на участие в исследовании, содержащее информацию о возрасте целевой группы — от 20 лет, добровольности участия, конфиденциальности, процедуре исследования. Также были предложены контактные данные исследователя (электронная почта, номер мобильного телефона) для обращения в случае затруднений при заполнении либо возникновения неудобств в процессе работы над опросником.

Результаты исследования

Мотивы и препятствия для камин-аута. После обработки данных анкеты было обнаружено, что все выделенные варианты, за исключением мотива «Желание причинить боль, отомстить», актуальны для респондентов широкой выборки. В таблицах 1 и 2 можно видеть распределение ответов о мотивах и препятствиях для камин-аута.

Мотивы. Как уже было сказано выше, актуальность мотива «Причинить боль, отомстить» не подтвердилась на широкой выборке. Спонтанность камин-аута и аутинг не являются мотивами, тем не менее эти варианты упоминались участниками глубинных интервью и были включены в список. Наиболее часто, в половине случаев, выбирается «Потребность быть открытым/ой с близкими, отсутствие лжи в отношениях». Примеры проявления этого и последующих мотивов приведены в приложении.

Треть респондентов в выборке отметили «Серьезные отношения с однополым партнером» в качестве побуждающего мотива для камин-аута. В большинстве интервью этот мотив не проговаривается напрямую, наличие значимого партнера раскрывается между делом.

Четверть респондентов указывают на «Процесс принятия своей гомо-/бисексуальности» как на мотив камин-аута.

Треть респондентов отметили, что камин-аут был спонтанным, что не исключает наличия перечисленных мотивов, но в некоторых случаях может быть единственным выбран-

Таблица 1

Мотивы камин-аута

Мотивы	%
Потребность в открытости	49.7
Серьезные однополые отношения	31.7
Процесс принятия себя	25.6
Желание причинить боль	0.8
Спонтанный камин-аут	29.9
Аутинг	4.2

Таблица 2

Препятствия для камин-аута

Препятствия	%
Страх реакции	60.9
Страх неопределенности будущих отношений	38.7
Нежелание расстраивать близких	28.5
Отчужденность в отношениях	22.4
Неуверенность в идентичности	3.9

ным вариантом. Об аутинге заявили около 4% респондентов, что не очень много в данном масштабе сравнения. Аутинг может происходить как со стороны третьего лица, так и со стороны самих родителей.

Препятствия. Среди препятствующих камин-ауту моментов наиболее распространен «Страх реакции» со стороны близких. Как было описано выше, нередко родительская реакция бывает негативной — от холодности до применения насилия. В приложении приведен пример описания данного препятствия от человека, не имеющего опыта открытости с родителями.

«Страх неопределенности будущих отношений» проявляется также у большого числа респондентов. В отличие от страха реакции, который направлен на сам процесс разговора, в данном случае проявляются опасения по поводу того, как камин-аут повлияет на развитие дальнейших отношений в перспективе.

«Нежелание расстраивать родителей» было выбрано большим количеством респондентов в качестве препятствия для камин-аута.

Более чем пятая часть респондентов отмечают «Отчужденность в отношениях» как препятствие для разговора о своей сексуальной идентичности.

Относительно небольшое — 3.9% — количество респондентов назвали «Неуверенность в идентичности» в качестве того, что мешает совершить камин-аут перед родителями.

Родительская реакция. Распределение ответов на вопрос о родительской реакции представлено в таблице 3.

В качестве дополнительной характеристики родительской реакции многими испытуемыми предлагается такой фактор, как «печаль, подавленность». Данные результаты не противоречат предлагаемой многими исследователями модели горевания Э. Кюблер-Росс как модели родительской реакции на камин-аут (Denes, Afifi, 2014). В Приложении можно увидеть примеры проявления некоторых реакций.

Обсуждение результатов

Мотивы. Среди мотивов самораскрытия в исследовании А. Денес и Т. Афифи упоминаются желание быть открытым со своими родными, иметь возможность близкого и откровенного общения, которая отсутствует, если человек вынужден скрывать от родителей и других членов семьи очень большую часть своей жизни — отношения, любовь, семью, жизненные планы.

Таблица 3

Реакции родителей на камин-аут взрослых ЛГБ-детей

Реакция	%
Отрицание	55.4
Шок	52.1
Психологическое давление	44.7
Обвинение	35.6
Холодность, отчуждение	18.9
Поддержка, принятие	34
Спокойствие	39.7
Агрессия	27.6
Шантаж	8.9
Равнодушие	7.7
Физическое насилие	3.9

В нашем исследовании наиболее часто выбираемым мотивом разговора о сексуальной идентичности также является потребность в открытости, отсутствие лжи в отношениях. Это свидетельствует в пользу значимости данного мотива уже на российской выборке.

Мы упоминали, что процесс принятия индивидом своей негетеросексуальной идентичности имеет свои стадии, и на определенном этапе камин-аут является важным для принятия собственной сексуальности. После периода сомнений и сравнений себя с окружающими наступает момент, когда человек признает, в первую очередь перед самим/самой собой, что негетеросексуален/на, и принятие решения о камин-ауте перед близкими свидетельствует о том, что период сомнений в большей степени позади. В нашей выборке около четверти респондентов находились в этой стадии перед камин-аутом либо

находились в ней на момент заполнения анкеты (если камин-аут еще не произошел).

Наличие серьезных отношений с партнером — это новый статус для ребенка внутри родительской семьи в том случае, если родители имеют открытый доступ к информации о значимых событиях в жизни ребенка. Для ребенка семейная система меняется в момент осознания себя внутри значимых отношений, сопоставимых с брачными, и мы видим, что необходимость скрывать от родителей любимого человека является веской причиной для того, чтобы открыться им в своей сексуальной идентичности.

Препятствия. Перечисленные нами в результате обработки пилотажного исследования препятствия для камин-аута, не считая «неуверенности в идентичности», имеют общую смысловую основу — страх родительской реакции в ее кратковременном и долгосрочном аспектах. «Нежелание

расстраивать близких» в данном случае, вероятно, помимо заботы непосредственно о близких, свидетельствует об опасении негативных изменений во взаимоотношениях. «Отчужденность в отношениях» предполагает, что проблемы внутри семьи начались ранее, и на данный момент камин-аут как акт, призванный сократить эмоциональную дистанцию, поднимет и другие проблемы, которые члены семьи стараются игнорировать. Распространенность страха родительской реакции подтверждается и исследованием Э. Д'Аугелли с соавт. (D'Augelli et al., 2002), где показано, что основная тема, которая беспокоит подростков и обсуждается на встречах групп поддержки для молодых ЛГБТ, — это реакция родителей.

Родительская реакция. Из результатов исследования становится понятно, что широкая распространенность таких реакций, как отрицание, шок, разные способы проявления гнева, обвинение, а также отмеченные многими респондентами печаль и подавленность родителей после камин-аута, свидетельствует о том, что в российских условиях столкновение с тем, что ребенок оказывается негетеросексуальным, является стрессовым для родителя. Родительская реакция может быть описана как проживание горя.

Безусловно, наше исследование родительских реакций на камин-аут ограничено теми впечатлениями, которыми делятся сами гомо-/бисексуалы. Прямое изучение российских родителей, столкнувшихся с негетеросексуальностью своих детей, могло бы дополнить эту информацию. Возможно также, что семейные

отношения до камин-аута могут повлиять на решение об открытости с родителями и на то, каким образом протекают взаимоотношения после него. В исследовании Майкла Ла-Сала (LaSala, 2010), в котором были проинтервьюированы и родители, столкнувшиеся с камин-аутом своих детей, и сами дети (от 14 до 25 лет), выяснилось, что не всегда воспоминания и впечатления детей и родителей о том, как действовали родители после камин-аута, совпадают. В частности, многие ЛГБ-дети указывали на охлаждение и дистанцирование в отношениях, хотя родители этого не замечали. С другой стороны, часто ЛГБ-дети не замечали родительской подавленности и сложных переживаний, связанных с камин-аутом. Тем не менее описываемые обеими сторонами реакции укладываются в общую картину переживания горя, если учесть, что дети больше замечают реакции, направленные непосредственно на них самих: шок, отрицание, дистанцирование в отношениях, агрессию. Другие реакции: подавленность, депрессивные состояния, самообвинение — выпадают из поля внимания детей, часто занятых в это время собственными переживаниями по поводу происходящего. В некоторых случаях, как отмечает М. ЛаСала, после камин-аута отношения становятся более близкими, чаще это касается взаимоотношений с отцами, которые в прошлом испытывали сложности в установлении взаимодействия с ребенком. Как видно, камин-аут действительно представляет собой в большинстве случаев кризисную ситуацию не только для детей, но и для родителей. Последствия этого шага часто

непредсказуемы: М. ЛаСала сравнивает камин-аут со взрывом, меняющим ландшафт семейных отношений. При этом нужно время для того, чтобы «осела пыль» первых реакций и проявилась новая семейная атмосфера.

Уже упомянутое нами исследование Мишель и Роберта Ли (Lee, Lee, 2006) показало, что принимающие родители готовы к тому, чтобы эмоционально вкладываться в отношения с детьми. Вполне возможно, что личностные качества родителей играют роль в том, каким образом у них происходит переживание процесса горевания и переход к стадии принятия.

Выводы

1. Модель переживания горя как способ интерпретации динамики родительских переживаний после камин-аута ребенка согласуется с результатами, полученными на российской выборке.

2. Среди мотивов самораскрытия, помимо широко признанной потребности в открытости с близкими людьми и рассматриваемой в рамках стадий формирования негетеросексуальной идентичности потребности в принятии себя, важное место занимает наличие значимых отношений с партнером своего пола, поскольку для гомо-/бисексуала это означает смену состава семьи.

3. Соотношение распространенности страха родительской реакции как препятствия для камин-аута и выраженности негативных и агрессивных родительских реакций приводит к выводу о том, что российские гомо-/бисексуалы реалистично оце-

нивают возможные последствия камин-аута. Тем не менее высокий процент тех, кто имеет опыт открытости с родителями (в нашей выборке) свидетельствует о том, что потребность пройти этот шаг выше по сравнению с препятствиями.

Заключение

Потребность в принятии и поддержке со стороны родителей, желание иметь возможность близкого и открытого общения, перестать скрывать важную часть своей жизни, восстановить близость, утраченную за годы формирования идентичности, — все это приводит взрослых ЛГБ к желанию поговорить с родителями о своей сексуальной идентичности. При этом понимание того, что реакция, вероятнее всего, будет негативной, создает внутренний конфликт, который может длиться годами, не находя своего разрешения.

Описанные участвовавшими в исследовании ЛГБ родительские реакции отражают растерянность, тревогу, негодование, подавленность, редко — принятие. В целом возможно описать эту реакцию как соответствующую модели горевания, предложенной Э. Кюблер-Росс.

Понимание того, как родители переживают процесс раскрытия ребенка в семье, — в частности, как они понимают и переосмысливают значение того, что означает быть родителем, — имеет решающее значение для будущих исследований и помощи семьям в том, чтобы быть поддерживающими по отношению к своим ЛГБ-детям.

Поскольку родительские реакции на камин-аут ЛГБ-детей являются

фактором, значимым для физического и психического здоровья детей в краткосрочной и в долгосрочной перспективах, имеет смысл разработать рекомендации для родителей — снабдить

их информацией о том, как поддерживать своего ребенка. С практической точки зрения также важно распространение знаний по данной проблеме среди специалистов, работающих с людьми.

Литература

- Андронов, Д. А. (2007). Особенности социальной изолированности-включенности как копинг-ресурса у мужчин с гомосексуальной идентичностью. В кн. Г. Д. Шатова (Отв. ред.), *Сборник научных трудов аспирантов, соискателей и молодых ученых* (с. 6). Тара: Полиграфический центр КАН.
- Дейвис, Д., Нил, Ч. (Ред.). (2001). *Розовая психотерапия: Руководство по работе с сексуальными меньшинствами*. Санкт-Петербург: Питер.
- Исаев Д.Д., Пирогов Д.Г. (2001). *Копинг-поведение гомосексуальных подростков: пособие для врачей*. СПб.: Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт им. В.М. Бехтерева.
- Климова, Е. А. (2014). *Дети-404. ЛГБТ-подростки: в стенах молчания*. Нижний Тагил.
- Лапшина, Т. Н., Кочеткова, А. С. (2016). Психическое здоровье ЛГБ подросткового и младшего юношеского возраста как вызов российским психологам. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(1), 40–59.
- Левада-центр. (2013, 27 мая). *Страх другого. Проблема гомофобии в России*. Режим доступа: <http://www.levada.ru/old/12-03-2013/strakh-drugogo-problema-gomofobii-v-rossii>
- Петрова, Е. В. (2015). Теоретическое исследование факторов отношения родителей к взрослым детям с гомо-/бисексуальной идентичностью. *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*, 1(33). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-issledovanie-faktorov-otnosheniya-roditeley-k-vzroslym-detyam-s-gomo-biseksualnoy-identichnostyu>
- Фадеев, С., Сабунаева, М. Л. (2010). Самораскрытие как ключевой фактор становления гомосексуальной идентичности. В кн. В. В. Созаев (сост. и ред.), *Возможен ли «кейр» по-русски? ЛГБТК-исследования. Междисциплинарный сборник* (с. 137–142). СПб.: Интан.
- D'Augelli, A. R., Grossman, A. H., & Starks, M. T. (2008). Families of gay, lesbian, and bisexual youth: What do parents and siblings know and how do they react? *Journal of GLBT Family Studies*, 4(1), 95–115.
- D'Augelli, A. R., Grossman, A. H., Starks, M. T., & Sinclair, K. O. (2002). Factors associated with parents' knowledge of gay, lesbian, and bisexual youths' sexual orientation. *Journal of GLBT Family Studies*, 6(2), 178–198.
- Denes, A., & Afifi, T. D. (2014). Coming out again: Exploring GLBQ individuals' communication with their parents after the first coming out. *Journal of GLBT Family Studies*, 10(3), 298–325.
- Fineman, M. A. (2014, April). *Vulnerability, resilience, and LGBT youth* (Research Paper No. 14-292). Retrieved from <http://ssrn.com/abstract=2434246>
- LaSala, M. C. (2010). *Coming out, coming home: Helping families adjust to a gay or lesbian child*. New York/Chichester, West Sussex: Columbia University Press.
- Lee, M. M., & Lee, R. E. (2006). The voices of accepting and supportive parents of gay sons. Towards an Ecosystemic Strengths Model. *Journal of GLBT Family Studies*, 2(2), 1–27.

- Ray, N. (2006). *Lesbian, gay, bisexual, and transgender youth: An epidemic of homelessness*. Retrieved from <http://www.thetaskforce.org/downloads/HomelessYouth.pdf>
- Robinson, B. E., Walters, L. H., & Skeen, P. (1989). Response of parents to learning that their child is homosexual and concern over AIDS: A national survey. In F. W. Bozett (Ed.), *Homosexuality and the family* (pp. 59–80). Binghamton, NY: The Haworth Press.
- Rothman, E. F., Sullivan, M., Keyes, S., & Boehmer, U. (2012). Parents' supportive reactions to sexual orientation disclosure associated with better health: Results from a population-based survey of LGB adults in Massachusetts. *Journal of Homosexuality*, 59(2), 186–200.
- Ryan, C., Russell, S. T., Huebner, D., Diaz, R., & Sanchez, J. (2010). Family acceptance in adolescence and the health of LGBT young adults. *Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing*, 23(4), 205–213.
- Savin-Williams, R. C. (2001). *Mom, dad, I'm gay: How families negotiate coming out*. Washington, DC: American Psychological Association.

Приложение

Примеры высказываний из интервью

Примеры проявления мотивов камин-аута

Потребность быть открытым/ой с близкими, отсутствие лжи в отношениях

«Для меня “за” состояло в том, что мне больше не нужно было носить маску. И я могла с близким мне человеком, с мамой, говорить о том, что для меня действительно важно, не прикидываться по поводу каких-нибудь там мужчин и выслушивать от нее “Почему ты не встречаешься с кем-нибудь?”. Или если “С кем ты встречаешься?”, то что-то выдумывать. А если не выдумывать, то “А чего ты не встречаешься? А что, тебе не нравится там кто-то? А вот этот, а он же ничего”, и приходилось говорить: “Ну, да, ничего, ну вот я еще не встретила своего...”. Ну это ложь, короче. И эта ложь, она меня тяготила, потому что мама — самый близкий человек. В нашей семье, только из нее и меня состоящей».

«Я много размышлял о том, что вот есть мама, друзья, близкие люди, а почему я им не говорю про эту часть жизни? Ну, они же отвернутся. А какие это тогда близкие люди? То есть меня какие-то такие противоречия раздирали, я устал двойную жизнь вести, потому что приходилось очень много врать. Про каких-то там мифических девушек, которые старше меня, поэтому я не могу познакомить».

«Не хотелось прятаться, не хотелось лгать, то есть, если это значимый вопрос для нее, то, может быть, она не захочет со мной общаться после этого. То есть я, условно говоря, не хотел, чтобы она общалась с человеком, который для нее, скажем, грязный или еще что-нибудь в таком духе. Вот. А с другой стороны, если окажется, что для нее это имеет не настолько большое значение, чтобы наши отношения были более искренними и доверительными».

Серьезные отношения с однополым партнером

«Вообще вот именно что побудило, я бы сказала — побудило то, что я стала встречаться, да... И эти отношения достаточно для меня... в общем, я их расценивала, как

очень серьезные, и мне хотелось, чтобы человек, с которым я стала встречаться, он был вхож, в общем, в семью, и не на просто правах “а я тут пришла подружка, посижу я тут с вами”, ну а чтобы это было, ну я хотела ввести в семью, короче, вот этого человека. А... Как бы я ввела в семью, если б я не рассказала об этом?»

Процесс принятия своей гомо-/бисексуальности

«Я решил принять себя, потому что я понимал, что, грубо говоря, я вел двойную жизнь, даже сам для себя. Я себя обманывал и так далее. И это нехорошо для полноценной личности, если я хотел как-то развиваться, воплощать свои мечты. И сначала я признался себе, сделал камин-аут самому себе... потом принял это. Потом я решил, что этого мне недостаточно, и если я хочу нормально общаться со своими друзьями, со своими близкими, мне тоже нужно им рассказать. Потому что, когда общаешься с людьми, они могут вот эти вот разные вопросы [задавать] “ты еще никого не нашел?”, “у тебя есть девушка?” и так далее и тому подобное. Глобальная цель была – принятие себя как гея. Но это было невозможно, если бы, допустим, со мной кто-нибудь общался как с гетеросексуалом. Потому что мне бы пришлось делать вид, что я гетеросексуал, ну, опять же играть роль какую-то».

Пример аутинга

«Ну, были такие случаи, когда у меня родители, точнее, мама, залезала в мою электронную почту на моем компьютере. Ну да, и она там нашла всего интересного много. И помимо того, что она делала и находила эту информацию, она поднимала ее со мной. Поэтому был разговор. Она поднимала информацию: вот я у тебя нашла... И что это такое, и вообще...»

Примеры проявления препятствий для камин-аута

Страх реакции

«Мешает нежелание какой-то конфликтной ситуации потому, что это все равно так или иначе будет конфликт, будет ли он тихий, будет ли он громкий» (описание человека, не имеющего опыта открытости с родителями).

Страх неопределенности будущих отношений

«Потому что все-таки какие бы ни были, это все равно мои родители и я их все равно люблю и не хочу прекращать с ними общаться, но я с 15 лет веду самостоятельный образ жизни, поэтому страха какого-то отчуждения, что меня выгонят из дома и они меня бросят на произвол судьбы, у меня этого не было, потому что я был уже самостоятельной личностью. Был только страх потери. Потери людей из жизни».

«А к тому, чтобы против камин-аута – ну только риск потерять отношения. Но это же, как я уже говорил, было и в пользу, собственно, говоря. Что если это окажется значимым, то лучше бы тогда дистанцироваться сразу. И все».

Нежелание расстраивать родителей

«Боялась, даже, наверное, не того, что от меня откажутся. Мне казалось, что я могу как-то ранить родителей. Глупо, учитывая, что они уже знали. Может быть, это еще

связано с тем, что у нас в принципе вопрос каких-то отношений, сексуальности, был очень табуирован в семье, то есть никогда об этом не говорили».

Отчужденность в отношениях

«Я не делала камин-аут ни перед мамой, ни перед папой. Я состою в длительных отношениях с девушкой, с недавнего времени мы живем вместе. Мама, разумеется, знает об этом. Так что моя ориентация и наши отношения — это такой секрет Полишинеля. Я не скрываю эти отношения, но и не афиширую их как-то специально. Основная причина того, что я не совершила камин-аут, — это то, что в моей семье не сложилось особо доверительных отношений, и даже состоя в отношениях с мужчинами, я не приходила к маме и не говорила: “Познакомься, мама, это мой молодой человек Вася”. Хотя, разумеется, мама обо всех отношениях знала. Соответственно, и сейчас я не приходила и не говорила: “Я люблю Лену, и мы будем вместе жить”».

Примеры проявления родительских реакций

Отрицание

«Маме было достаточно сложно делать вид, что она не понимает, что происходит, но она тем не менее его делала. Потому что в общем-то можно объяснить там многими причинами, почему я выглядела так как выглядела, но я помимо того, что занималась спортом и носила спортивную одежду часто, я практически все время была побрита налысо. То есть не совсем обычное поведение для девочки в представлениях мамы. В 26 лет».

«Это продолжается и по сей день. То есть, когда возникает, начинается разговор: “Пора взрослеть. Когда ты уже женишься, заведешь детей?” Я говорю: “В смысле — взрослеть? Я достаточно взрослый человек, я зарабатываю себе на жизнь, у меня есть абсолютно все, что мне необходимо”. Я не чувствую какую-то зависимость от родителей. Вот, и когда я такое говорю, [она отвечает:] “Я думала, ты наиграешься, и все. Пора заканчивать это”. Ну вот, постоянно, каждый разговор заканчивается примерно одним и тем же» (респондент, который открылся родителям 11 лет назад).

Шок

«Для нее это какое-то разрушение чего-то очень привычного, она все-таки человек в возрасте, какие-то там представления мутные очень. Ей страшно было».

Психологическое давление

«С ее стороны давление продолжалось очень долго, мама развернула целую кампанию против меня. Она подстраивала телефонные звонки, якобы от каких-то других людей. То с угрозами, то с угрозами. Она подговорила свою сестру и некоторых своих коллег, и те писали мне письма, не электронные письма, а письма на бумаге, которые закидывали в ящик. То от женщин, которые страшно переживают за ее здоровье, то от якобы молодых людей, которые в меня влюблены...»

«Ну, были смешные, для меня смешные моменты, когда несколько раз ко мне приезжала девушка одна моя бывшая, и мама пыталась нас расселить вечером в разные комнаты. Такое вот было. При том, что она никак это не обосновывала, она начинала

как-то истерить, что “нет, ты будешь спать не здесь” и все. И никак не пыталась даже рассказать почему, но было понятно почему. Но опять же, из-за того, что она постоянно замалчивала дело, говорила, что она не знает, никогда не говорила из-за чего».

Физическое насилие

«Ну, то есть в тот вечер буквально он замахивался на меня табуреткой, потом после этого, когда у нас происходили какие-то ссоры, однажды он вообще кинул мне в спину кирпич со словами “Пидор”. После этого я ушел из дома».

«Потому что мы с этой девушкой мы виделись часто, она часто заезжала за мной, и в какой-то момент это стало просто небезопасно. И для меня, и для нее. Вот. Ну и таким апогеем был момент, когда мы сняли квартиру, и я забирала сына жить к нам, был страшный скандал, который вообще закончился разорванными вещами моими, выбитыми стеклами в дверях и страшными проклятиями в мой адрес».

Поддержка, принятие

«Я написал, я не помню конкретные формулировки, но написал о том, что я гей. Она ответила “Ну, хорошо, я все равно тебя люблю, независимо от того, кого любишь ты”.

Агрессия

«В целом, моя мама знала о моей ориентации. Она знала, что к тому времени я уже жила с девушкой. Но она устраивала мне какие-то непонятные истерики, могла приехать ко мне домой, когда меня нет, выкинуть какие-то открытки. Она как-то очень по-дурацки себя вела. Ну и я подумала, что нужно уже поговорить, расставить все точки над “и” и... То есть это было не то чтобы открыться ей, я знала, что она знает, это было скорее объяснить».

Шантаж

«После у меня была какая-то злость, от того, что я понимала, что она пытается мной манипулировать, говоря, что “ты меня в могилу загонишь”, “у меня все болит, спина болит, жить не могу”».

Петрова Екатерина Валерьевна — координатор проекта, психолог, благотворительный фонд социально-правовой помощи «Сфера», магистр психологии.

Сфера научных интересов: гендерная психология, ЛГБТК-исследования.

Контакты: Ekaterina.petr@bk.ru

Motives, Impediments and Consequences of Coming-out in Relations between Adult Homo- and Bisexuals with Their Parents

Ekaterina V. Petrova^a

^a Charitable fund for social and legal assistance "Sphere", 87 Ligovskiy pr., St. Petersburg, 191040, Russian Federation

Abstract

The article examines the problem of relationships between people with homosexual and heterosexual identity and their parental family. The contemporary studies on parental reactions on encounter with non-heterosexuality of their children, probable reasons of these reactions, links between psychological health of adult non-heterosexuals and presence or absence of parental support are reviewed. In the empirical part of the article the methodology and the results of the conducted research are described. At the first stage of the study, based on the results of 11 depth interviews, the motives and obstacles were formulated that play role in decision-making on openness with parents about one's sexual identity. Besides, variants of parental reactions on discovery of non-heterosexuality of the child were formulated. At the second stage of the study online-survey was conducted on 102 adult homosexuals and bisexuals, among them 69 had experience of openness with their parents about their sexual identity – they were offered to choose from the list those motives, obstacles and parental reactions, which were relevant for their situation. According to the results of the research, most typical motives and obstacles for coming-out, as well as parental reactions after the talk about sexual identity of the child were specified. The model of grief, offered by E. Kübler-Ross, was acknowledged as one of the ways to interpret the dynamics of the parental experiences after coming-out of their child. In the existing Russian works this topic is presented in the most generalized form, while the interest in LGBT-research in the Western countries over the last years became significantly higher. In light of the available data on relationships with parental family having impact on psychological health of adult homosexuals and bisexuals, and family relationships per se being important for all participants as the source of support and acceptance, it is necessary not only to conduct further research in this area, but also practically apply the received knowledge.

Keywords: LGBT, coming out, parent-child relationships, family relationships.

References

- Andronov, D. A. (2007). Osobennosti sotsial'noi izolirovannosti-vklyuchennosti kak koping-resursa u muzhchin s gomoseksual'noi identichnost'yu [Characteristics of social isolation-inclusion as a coping-resource in men with homosexual identity]. In G. D. Shatova (Ed.), *Sbornik nauchnykh trudov aspirantov, soiskatelei i molodykh uchenykh* [Collection of scientific works of postgraduate students and young scientists] (p. 6). Tara: Poligraficheskii Tsentr KAN.
- D'Augelli, A. R., Grossman, A. H., & Starks, M. T. (2008). Families of gay, lesbian, and bisexual youth: What do parents and siblings know and how do they react? *Journal of GLBT Family Studies*, 4(1), 95–115.
- D'Augelli, A. R., Grossman, A. H., Starks, M. T., & Sinclair, K. O. (2002). Factors associated with parents' knowledge of gay, lesbian, and bisexual youths' sexual orientation. *Journal of GLBT Family Studies*, 6(2), 178–198.

- Davies, D., & Neal, C. (Eds.). *Rozovaya psikhoterapiya. Rukovodstvo po rabote s seksual'nymi men'shinstvami* [Pink psychotherapy: Guidelines for work with sexual minorities]. Saint Petersburg: Piter. (Transl. of: Davies, D., & Neal, C. (Eds.). (1996). *Pink therapy: A guide for counsellors and therapists working with lesbian, gay and bisexual clients*. Buckingham, UK/Philadelphia, PA: Open University Press).
- Denes, A., & Affi, T. D. (2014). Coming out again: Exploring GLBQ individuals' communication with their parents after the first coming out. *Journal of GLBT Family Studies*, 10(3), 298–325.
- Fadeev, S., & Sabunaeva, M. L. (2010). Samoraskrytie kak klyuchevoi faktor stanovleniya gomoseksual'noi identichnosti [Self-disclosure as the key factor of development of homosexual identity]. In V. V. Sozaev (Ed.), *Vozmozhen li «kvir» po-russki? LGBTK-issledovaniya. Mezhdistsiplinarnyi sbornik* [Is Russian-style queer possible? LGBTK-research. Interdisciplinary collection of works] (pp. 137–142). Saint Petersburg: Intan.
- Fineman, M. A. (2014, April). *Vulnerability, resilience, and LGBT youth* (Research Paper No. 14-292). Retrieved from <http://ssrn.com/abstract=2434246>
- Klimova, E. A. (2014). *Deti-404. LGBT-podrostki: v stenakh molchaniya* [Kids-404. LGBT-teens: Within the walls of silence]. Nizhny Tagil.
- Lapshina, T. N., & Kochetkova, A. S. (2016). Mental health of LGB adolescence and youth as a challenge to Russian psychology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 13(1), 40–59.
- LaSala, M. C. (2010). *Coming out, coming home: Helping families adjust to a gay or lesbian child*. New York/Chichester, West Sussex: Columbia University Press.
- Lee, M. M., & Lee, R. E. (2006). The voices of accepting and supportive parents of gay sons. Towards an Ecosystemic Strengths Model. *Journal of GLBT Family Studies*, 2(2), 1–27.
- Levada-tsentr. (2013, May 27). *Issledovanie gomofobii v Rossii* [The research of homophobia in Russia]. Retrieved from <http://www.levada.ru/old/27-05-2013/strakh-drugogo-problema-gomofobii-v-rossii>
- Petrova, E. V. (2015). Theoretical study of the causes of parent's attitudes to adult LGB children. *Uchyonye Zapiski: Electronic Scientific Journal of the Kursk State University*, 1(33). Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-issledovanie-faktorov-otnosheniya-roditeley-k-vzroslym-detyam-s-gomo-biseksualnoy-identichnostyu>
- Ray, N. (2006). *Lesbian, gay, bisexual, and transgender youth: An epidemic of homelessness*. Retrieved from <http://www.thetaskforce.org/downloads/HomelessYouth.pdf>
- Robinson, B. E., Walters, L. H., & Skeen, P. (1989). Response of parents to learning that their child is homosexual and concern over AIDS: A national survey. In F. W. Bozett (Ed.), *Homosexuality and the family* (pp. 59–80). Binghamton, NY: The Haworth Press.
- Rothman, E. F., Sullivan, M., Keyes, S., & Boehmer, U. (2012). Parents' supportive reactions to sexual orientation disclosure associated with better health: Results from a population-based survey of LGB adults in Massachusetts. *Journal of Homosexuality*, 59(2), 186–200.
- Ryan, C., Russell, S. T., Huebner, D., Diaz, R., & Sanchez, J. (2010). Family acceptance in adolescence and the health of LGBT young adults. *Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing*, 23(4), 205–213.
- Savin-Williams, R. C. (2001). *Mom, dad, I'm gay: How families negotiate coming out*. Washington, DC: American Psychological Association.

Ekaterina V. Petrova – project coordinator, psychologist, charitable fund for social and legal assistance “Sphere”, Master of Psychology.
 Research area: gender studies, LGBTQ-studies.
 E-mail: Ekaterina.petr@bk.ru

ATTITUDES TO HOMOSEXUALS IN RUSSIA: CONTENT, STRUCTURE, AND PREDICTORS

O.A. GULEVICH^a, E.N. OSIN^a, N.A. ISAENKO^b, L.M. BRAINIS^c

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

^b Understanding Service "Dela Semeynye", 4/1 Stroiteley str., Moscow, 119311, Russian Federation

^c "Kamchatka" camp, Gapfield & Bangmire OÜ Reg. kood 12127191 Malle Tee 28, Mändjala 93871, Saaremaa, Kaarma Vald, Estonia

---

Abstract

Despite the growth of negative attitudes to homosexuals in Russia the research into this topic has been extremely scarce. Based on the analysis of social discourse, we have created a pool of items and undertaken three empirical studies aimed to develop and validate the Russian Attitudes to Homosexuals Inventory (RAHI) and investigate the associations of homophobic attitudes with a range of demographic and psychological variables. In Study 1 we used an online sample (N = 1,007) and explored the structure of the item pool, finding 8 factors, 5 of which referred to different dimensions of perceived threat of homosexuals (to individuals, morals, society, Russian culture, and heterosexual lifestyle) and 3 described social strategies directed at homosexuals (criminal punishment, medical treatment, and discrimination vs. protection). The scales were highly reliable ($\alpha = .82-.91$) and formed a single second-order dimension, labelled general index of homophobia. Negative attitudes to homosexuals were stronger in males, religious respondents, and those heterosexuals who denied having experienced any feelings of same-sex attraction in their life. In Study 2 (paper-based sample, N = 292) we cross-validated the second-order structure of the RAHI. Using hierarchical multiple regression we found that homophobia was positively predicted by authoritarianism and negatively predicted by experience of same-sex attraction and social contact with homosexuals as friends. We also found weaker positive associations of homophobia with religiosity, social identification with gender, masculinity, extraversion, and social desirability, as well as a negative association with openness. In Study 3 we used contrast groups of neutral and anti-homosexual online community members (N = 330 and N = 107) to check the criterion validity of the RAHI. The findings are in line with the existing body of research from other countries, but reveal the culturally-specific features of the content of Russian homophobia (e.g., homosexuality is viewed as a result of Western influence). The RAHI emerged as a valid and reliable tool, which can be used for future Russian-language studies.

Keywords: attitudes to homosexuality, homo-negativity, homosexual prejudice, perceived threat of homosexuals, authoritarian personality.

Social context

The problem of negative attitudes to individuals with homosexual orientation is a global one. During the past centuries, in many countries around

the world homosexuality was condemned and homosexuals were systematically discriminated against. This situation of institutionalized homo-negativity undermined the life and social integration perspectives for individuals with homosexual orientation and induced

distress leading to mental health problems. Many research studies have shown that individuals facing homophobia experience higher levels of anxiety and depression and are less satisfied with their lives (Bachmann & Simon, 2014; Feinstein, Goldfried, & Davila, 2012; Frost, Parsons, & Nanin, 2007; Meyer, 2003; Wight, LeBlanc, de Vries, & Detels, 2012). Besides its direct negative effects on homosexuals, homophobia has a wide range of less obvious negative social outcomes that affect heterosexuals as well, such as declining social capital (Andersson, 2011), hate crimes (Alden & Parker, 2005), teenage suicides (Poteat, Merish, DiGiovanni, & Koenig, 2011), and school shootings (Kimmel & Mahler, 2003), to name only a few.

During the past decades, the situation has been changing. In many developed countries of Europe and North America social movements advocating human rights have influenced the public opinion and legislation concerning homosexuals. As of 2015, 29 countries have legalized same-sex marriage or civil unions, 17 countries allow joint adoption by same-sex couples, and 62 countries have laws prohibiting employment discrimination based on sexual orientation in the professional sphere (Carroll & Itaborahy, 2015).

At the same time, Russia has been moving in the opposite direction. According to a Pew Research Center survey (2013) done in 39 countries, 74% of Russians believed that society should not accept homosexuality and only 16% reported a contrary opinion (down from 20% in 2007). This finding, showing that the attitude to homosexuality in Russia was the most negative among non-Islamic countries, is parti-

cularly surprising, given that Russia had a low religiosity index. The results of a Levada-Center study (Plotko, 2013) confirm the negative trend.

The deterioration of popular attitudes to homosexuals is happening in line with adoption of discriminatory legislation. Since 2013, the federal law prohibiting the distribution of information accessible to minors and aimed towards "promotion of non-traditional sexual attitudes" (Rossiyskaya Gazeta, 2013) effectively prevents any public messages presenting homosexuality in a non-negative way. A government order passed in 2014 forbade international adoption not only by individuals engaged in same-sex unions, but by any unmarried person coming from a country where such unions are legal (Rossiyskaya Gazeta, 2014).

The association of discriminatory laws with public position on homosexuality may go in two directions. On the one hand, discriminatory laws appear on the basis of existing negative attitudes to homosexuals in certain countries. On the other hand, they institutionalize homophobic attitudes and shape the environment which reinforces them. Research shows that when people face social norms reflecting a positive attitude to homosexuals, their own attitudes become more positive, whereas priming or perception of norms involving discrimination against homosexuals reinforces the negative attitudes towards them (Hall & LaFrance, 2012; Klein, Snyder, & Livingston, 2004; Pereira, Monteiro, & Camino, 2009; Worthen, 2014). Thus, apart from its specific purposes, the new Russian legislation regarding homosexuality serves as a source of explicit social norms directed against

homosexuals and reinforces the social attitudes.

However, even in countries where discrimination is a social and legal norm, there is always a range of individual opinions regarding homosexuality. In such countries individual attitudes toward homosexuals are strongly associated with individual psychological characteristics, such as personal values (Kuntz, Davidov, Schwartz, & Schmidt, 2015), in contrast to countries with positive norms regarding homosexuality. Thus, Russia provides an interesting research context for a study of individual differences associated with attitudes toward homosexuals.

Predictors of attitudes toward homosexuals

Contemporary social psychology presents two different perspectives on the factors explaining negative attitudes to social groups. One perspective suggests that certain personality types or characteristics are associated with a general proneness to exhibit prejudice (negative attitudes) based on race, ethnicity, gender, sexual orientation, religious affiliation, etc. A number of studies have found such individual characteristics serving as universal predictors of prejudice toward members of various groups (Akrami, Ekehammar, & Bergh, 2011; Altemeyer, 2003; Chambers, Schlenker, & Collisson, 2012; Ekehammar, Akrami, Gylje, & Zakrisson, 2004; Grey, Robinson, Coleman, & Bockting, 2013; Falomir-Pichastor & Mugny, 2009; James, Griffiths, & Pedersen, 2011; Tadmor, Hong, Chao, Wiruchnipawan, & Wang, 2012). Another perspective puts emphasis on specific characteristics that only predict nega-

tive attitudes toward members of certain groups. Studies of attitudes toward homosexuals often include both general predictors of prejudice and those specific for sexual prejudice. We focused on three clusters of the predictors of attitudes to homosexuals: demographic characteristics, psychological characteristics, and experience of contact.

The demographic characteristics most often studied in relation to attitudes to homosexuals include gender, age, and education. Studies from different countries across Europe, North America, and Latin America indicate that negative attitudes to homosexuals are more often found in males, rather than females (Cannon, 2005; Haider-Markel & Joslyn, 2008; Herek & McLemore, 2013; Hooghe & Meeusen, 2012; Negy & Eisenman, 2005; Poteat & Anderson, 2012; Sarac, 2012; Steffens & Wagner, 2004; West & Cowell, 2014), in respondents advanced in age, rather than younger ones (Baiocco, Nardelli, Pezzuti, & Lingiardi, 2013; Herek & Gonzales-Rivera, 2006; Steffens & Wagner, 2004), and in individuals with lower levels of education (Cannon, 2005; Haider-Markel & Joslyn, 2008; West & Cowell, 2015). Out of these three variables, gender emerges as the most universal predictor of negative attitudes to homosexuals across countries.

The psychological predictors of homophobic attitudes include general personality traits, political attitudes (right-wing authoritarianism and social dominance orientation), religiosity, and gender identity. The personality trait studies carried out during the past two decades were mainly based on the Five-Factor Model of personality traits, generally finding openness to experience

and agreeableness to be weak negative predictors of prejudice toward homosexuals (Cullen, Wright, & Alessandri, 2002; Shackelford & Besser, 2007; Ekehammar & Akrami, 2007). However, recent studies suggest that the association of personality traits with attitudes toward social groups is mediated by general political attitudes, right-wing authoritarianism and social dominance orientation (Ekehammar et al., 2004; Sibley & Duckitt, 2008).

Right-wing authoritarianism is a combination of attitudes towards authority and existing social norms. It includes three components, a high level of submission to established authorities, uncritical approval of traditional social conventions, and high levels of aggression in the name of authority (Altemeyer, 1988). A related construct is social dominance orientation, which is a general attitudinal orientation reflecting a preference for hierarchy in intergroup relations (Pratto, Sidanius, Stallworth, & Malle, 1994). A large body of research indicates that authoritarianism and social dominance orientation are associated and are both strong positive predictors of prejudice toward members of various groups, including homosexuals (Chambers et al., 2012; Grey et al., 2013; Herek, 2000; Herek & Gonzales-Rivera, 2006; James et al., 2011; Jonathan, 2008; Poteat & Anderson, 2012; Poteat & Mereish, 2012; Rowatt, LaBouff, Johnson, Froese, & Tsang, 2009; Sibley, Robertson, & Wilson, 2006; Whitley & Lee, 2000; Wilkinson, 2004).

Religiosity is another universal predictor of prejudice. Strongly negative attitudes to homosexuals are characteristic of individuals with high levels of religious involvement, religious funda-

mentalism, and religious orthodoxy (Altemeyer, 2003; Cannon, 2005; Grey et al., 2013; Haider-Markel & Joslyn, 2008; Herek, 2000, 2009; Herek & Gonzales-Rivera, 2006; Herek & McLemore, 2013; Horvath & Ryan, 2003; James et al., 2011; Jonathan, 2008; Kirby & Michaelson, 2015; Leak & Finken, 2011; Maney & Cain, 1997; Miller & Chamberlain, 2013; Negy & Eisenman, 2005; Papadaki, Plotnikof, & Papadaki, 2013; Poteat & Mereish, 2012; Rowatt et al., 2006; Rowatt et al., 2009; Sanabria, 2012; Sarac, 2012; Whitley, 2009; Wilkinson, 2004; Wood & Bartkowski, 2004). These associations are found across different confessions (different branches of Christianity, Islam, Buddhism).

Gender identity is a specific factor contributing to sexual prejudice. Higher levels of homosexual prejudice are typically found in males who strongly identify with their gender (Falomir-Pichastor & Mugny, 2009) and support a traditional view of masculinity, which includes beliefs that a male should be self-sufficient, tough and even aggressive, avoiding emotionality and femininity (O'Neil, 1981). Because homosexuals often do not conform to the rigid standards set by traditional gender roles, they provoke anxiety in males who strongly identify with heterosexual gender roles. Negative attitude to homosexuals may emerge as a result of coping with this conflict by enforcing traditional gender role standards, with authoritarianism and social dominance orientation contributing to this process (Goodnight, Cook, Parrott, & Peterson, 2014; Grey et al., 2013; Herek & Gonzalez-Rivera, 2006; Parrott, 2009; Parrott, Peterson, & Bakeman, 2011).

Finally, attitudes to homosexuals are predicted by the experience of contact with members of this group. People who spend more time communicating with homosexuals on a regular basis or report having homosexuals among their close friends or relatives show lower levels of prejudice toward homosexuals (Cannon, 2005; Collier, Bos, & Sandfort, 2012; Haider-Markel & Joslyn, 2008; Herek & Gonzales-Rivera, 2006; Heinze & Horn, 2009; Herek, 2000, 2009; Hooghe & Meeusen, 2012; Horvath & Ryan, 2003; Papadaki et al., 2013; Smith, Axelton, & Saucier, 2009; Turner, Hewstone, Voci, Paolini, & Christ, 2007; Wood & Bartkowski, 2004). The negative effects of religious fundamentalism, authoritarianism, and heterosexual identity on attitudes to homosexuals tend to be weaker in individuals who have had positive experiences of contact with members of sexual minorities in the past (Cunningham & Melton, 2013; Hodson, Harry, & Mitchell, 2009). In short, heterosexuals who communicate with homosexuals tend to hold more positive views of them, regardless of their own attitudes and personality characteristics.

Measurement of attitudes to homosexuals

There are over 30 questionnaire measures (see Grey et al., 2013, for review) operationalizing various aspects of attitudes toward homosexuals. Most of these measures tap into negative attitudes under different labels (homophobia, homo-negativity, homosexual prejudice) and were developed by researchers from the USA and Canada, based on the discourse existing

in these countries. Despite the vast evidence of validity and reliability of these measures, their certain drawback is a dependence on the content and forms of social discourse regarding homosexuality specific to particular societies. The Russian discourse on homosexuality has its unique features (e.g., homosexuality is viewed as a result of a Western influence) hardly captured by existing English-language measures.

The aim of the present research was to develop and validate the first Russian-language comprehensive measure of attitudes to homosexuals. Study 1 was aimed to develop the instrument and investigate its structure and associations with demographic predictors, controlling for sexuality, in a large online sample. Study 2 was aimed to cross-validate the structure of the new instrument in an independent sample and to analyze the associations of attitudes to homosexuals with personality traits, and gender identity variables. Finally, Study 3 was aimed to check the criterion validity of the new instrument by using a contrast-group approach.

Study 1

Sample and procedure. The participants ($N = 1007$) were Internet users, 33.7% males and 66.3% females, aged 18 to 73 ($M = 31.5$, $SD = 10.0$). Most respondents had completed one (57.7%) or more university degrees (24.3%), only a minority had some college (11.1%) or high school (6.9%) diplomas. The questionnaire was placed on a dedicated online research website and advertised through social networks using snowball approach. The procedure was completely anonymous and used informed consent forms.

Instruments. We included instruments measuring prejudice to homosexuals and demographic characteristics.

Attitudes to homosexuals. To develop a measure sensitive to the Russian cultural context, we analyzed the content of online forums concerning homosexuality and formulated a list of themes relevant to the evaluation of homosexuality and possible ways of action with respect to homosexuals. In a series of group discussions, we formulated 48 items operationalizing these themes, 34 reflecting negative attitudes and 14 reflecting tolerant or positive attitudes to homosexuals (in line with the ratio of these attitudes in online discussions and in Russian society in general). The respondents were asked to evaluate each statement on a 5-point Likert scale, from 1 “completely disagree” to 5 “completely agree”.

Demographics. The general variables included gender (1 – “male”, 2 – “female”), age, and education (1 – “incomplete secondary”, 2 – “secondary school”, 3 – “professional school”, 4 – “some university”, 5 – “university degree”, 6 – “two university degrees or a PhD”). The family variables included parental family type (1 – “two-parent family”, 2 – “one-parent family”, and 3 – “non-parental family”) and the presence of minors in one’s household (1 – “yes”, 2 – “no”). When listing their religious affiliation, respondents could choose a confession (8 options, including “other”, all coded 3) or two other answer options (2 – “I believe in a god, but do not consider myself a member of a confession” and 1 – “I do not believe in god (I am an atheist)”).

Sexuality. Two items tapped into respondents’ sexual experience: “Have

you ever experienced attraction (romantic feelings) to a person of your own sex?”, “Have you ever had a homosexual experience” (each with 4 answer options: 1 – “no, never”, 2 – “yes, once”, 3 – “yes, from time to time”, 4 – “prefer not to answer” treated as missing data). Finally, sexual identity was measured with the item “How would you characterize your sexual orientation?” (5 – “100% homosexual”, 4 – “mostly homosexual”, 3 – “bisexual”, 2 – “mostly heterosexual”, 1 – “100% heterosexual”; the two other options 6 – “not sure/other”, and 7 – “prefer not to answer” were treated as missing data).

Data analysis. To investigate the structure of the attitudes to the homosexuals questionnaire, we used a hierarchical clustering procedure (Ward’s method with a Squared Euclidean metric on standardized z-scores by variable) to find out parcels of items centered around a single idea. With complex and hierarchically structured datasets this approach reveals the structure more efficiently than the traditional exploratory factor analysis (Revelle, 1979). We proceeded by performing principal component analysis to ensure the unidimensionality of each parcel and retain 4–5 best indicator items based on their factor loadings. Finally, we performed a confirmatory factor analysis in Mplus 7.31 using robust maximum likelihood estimator with Satorra-Bentler chi-square estimator to establish the structure of the new measure. Because the chi-square test is overly sensitive in large samples, we relied on Hu and Bentler’s (1999) criteria of acceptable model fit (CFI close to .95 or greater, RMSEA close to .06 or below, SRMR close to .08 or below).

Results and Discussion

The structure of negative attitudes. Based on the cluster model and the results of item selection using principal component analysis, we arrived at a set of 34 items (25 negative and 9 positive) grouped into 8 parcels reflecting different themes relevant to attitudes to homosexuals (the complete list of item formulations is given in Appendix).

The first five parcels referred to the evaluation of homosexuality, reflecting its perceived threat.

1. "Threat to morality", a view of homosexuality as a deviation from the natural and social norm, a perversion, an immoral way of life.

2. "Threat to individuals", beliefs that homosexuals may endanger individuals by molesting children, "converting" heterosexuals, and spreading contagious diseases.

3. "Threat to society", beliefs that homosexuals and homosexuality threaten the future of the society as a whole by challenging the social morals and the traditional family, as well as by undermining the birth rate.

4. "Threat to culture", a view of homosexuality as a fashion spread by mass media and resulting from Western influence, which is alien to Russian culture.

5. "Threat to heterosexual lifestyle", a view of homosexuals as an aggressive group, trying to attract universal attention and "impose" their norms and way of life on everyone.

Three other parcels referred to different social strategies for dealing with homosexuals.

6. "Punishment strategy", a view that homosexuality should be a punis-

hable crime and homosexuals must be prosecuted and isolated from society.

7. "Treatment strategy", a view that homosexuals should be "cured" or assisted in overcoming their homosexuality by means of medical treatment.

8. "Protection strategy", a view that discrimination of homosexuals is a negative phenomenon, homosexuals should be provided with equal rights and protected from hate crimes. Because this scale was the only one fully comprised by items reflecting positive attitudes to homosexuality, for simplicity we treated it as reverse-scored and labelled it "Discrimination strategy."

We used confirmatory factor analysis to investigate the fit of the 8-factor to the data. The initial model with a simple structure showed nearly acceptable fit to the data ($\chi^2(499) = 1791.51$, $p < .001$; CFI = .934; RMSEA = .051, 90% CI: .048-.053; SRMR = .057). Based on analysis of modification indices, we added two error covariances, for a pair of items reflecting the idea that homosexuality is a crime, and for a pair of items reflecting the evaluation of homosexuality as a norm. The resulting modified measurement model showed a good fit ($\chi^2(497) = 1237.49$, $p < .001$; CFI = .962; RMSEA = .039, 90% CI: .036-.041; SRMR = .035). All the item factor loadings were significant and high (λ in the .61-.90 range).

To investigate whether a single factor reflecting negative attitude to homosexuals could explain the 8 scales, we proceeded by introducing a second-order factor. The practical fit indices for the resulting second-order model were still fairly good ($\chi^2(517) = 1544.06$, $p < .001$; CFI = .947; RMSEA = .044, 90% CI: .042-.047; SRMR = .045), and

the difference in their values from those obtained for the modified measurement model was small ($\Delta CFI = .015$, $\Delta RMSEA = .005$, $\Delta SRMR = .010$), suggesting that a one-dimensional model explains the structure of the Russian attitudes to homosexuality fairly well. The standardized loadings of the first-order factors on the general second-order factor ranged from .80 to .99. The resulting second-order model is shown on Figure 1; the first-order factor loadings are given in Appendix.

The scale scores were calculated as mean scores for each group of items. The descriptive statistics and internal consistency coefficients (Cronbach's α) for the scales are presented in Table 1. All the 8 subscales and the total score showed sufficient reliability ($\alpha > .80$). The respondents tended to agree most with statements reflecting the threat posed by the activity of homosexuals as a group to the heterosexuals' way of life, followed by threat to Russian culture and society. The respondents tended to endorse discrimination strategy more than punishment or treatment. However, the overall level of homophobic attitudes was not high ($M = 1.83$, well below the scale mean of 3).

Predictors of attitudes to homosexuals. We used Spearman correlations to investigate the first-order associations of different dimensions of attitudes to homosexuals with demographics. The results are shown in Table 1. Negative attitudes to homosexuals are stronger in males, believers, and individuals with underage children at their household. Predictably, attitudes to homosexuality were more positive in individuals who do not see themselves as 100% heterosexual or have experienced attraction or had some sexual experience with members of their own sex. We found only marginal associations with parental family characteristics, suggesting that individuals from single-parent families tend to hold more positive attitudes to homosexuality. No significant associations were found with age or education. These associations were mostly uniform across the 8 scales.

When we performed the same analysis in the subsample of individuals who identified as 100% heterosexual ($N = 563$), we found the same set of significant associations. We also performed One-way ANOVA to compare attitudes to homosexuals in individuals who identified as completely heterosexual

Second-order structure of the Russian Attitudes to Homosexuals Inventory

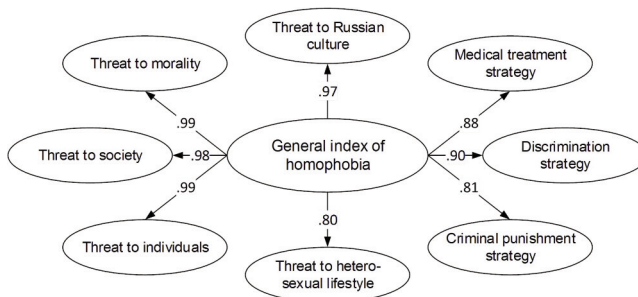

Figure 1

Table 1

**Descriptive statistics and Spearman correlations of Russian Attitudes to Homosexuals
Inventory with demographic variables (Study 1, N = 1007)**

	M	SD	α	Sex	Age	Education	Family type
General index of homophobia	1.83	0.88	.95	-.10**	-.01	-.03	-.08**
Threat to morality	1.91	1.08	.90	-.10**	.04	.02	-.11***
Threat to individuals	1.60	0.89	.82	-.09**	-.02	.01	-.05
Threat to society	1.82	1.13	.89	-.09**	-.03	.00	-.05
Threat to culture	1.97	1.14	.87	-.12***	.04	.00	-.09**
Threat to heterosexual lifestyle	2.77	1.34	.90	-.09**	.03	-.03	-.08**
Punishment strategy	1.22	0.64	.91	-.09**	-.00	.04	-.02
Treatment strategy	1.46	0.82	.91	-.12***	.04	.02	-.06
Discrimination strategy	1.89	0.97	.84	-.05	-.07*	-.04	-.08**
	Children	Religion	Sexual identity	Same-sex romantic attraction	Same-sex sexual experience		
General index of homophobia	-.12***	.20***	-.28***	-.28***	-.23***		
Threat to morality	-.13***	.21***	-.33***	-.33***	-.27***		
Threat to individuals	-.09**	.20***	-.24***	-.20***	-.17***		
Threat to society	-.08*	.19***	-.26***	-.24***	-.23***		
Threat to culture	-.12**	.15***	-.24***	-.22***	-.19***		
Threat to heterosexual lifestyle	-.09**	.16***	-.25***	-.28***	-.21***		
Punishment strategy	-.07*	.15***	-.17***	-.20***	-.18***		
Treatment strategy	-.10**	.20***	-.23***	-.21***	-.23***		
Discrimination strategy	-.08*	.12***	-.22***	-.21***	-.19***		

* $p < .05$, *** $p < .01$, **** $p < .001$.

and reported no past homosexual experience or attraction (42.7% of the sample), those who identified as completely or mostly heterosexual and reported some homosexual experience or attraction in the past (32.2%), and those who identified as bisexual (9.6%) or homosexual (7.1%). The effect of the sexuality factor was significant ($F(3,918) = 79.90$,

$p < .001$, $\eta^2 = .11$), but Tukey's HSD post-hoc test showed that only the first group differed significantly from the other three ($p < .001$, Cohen's d was 0.56, 0.70, and 0.77, respectively), which, in turn, did not reveal any significant differences among each other.

In order to clarify the contribution of different variables to the attitudes

toward homosexuals, we performed a hierarchical (sequential) regression analysis using the combined score of negative attitudes to homosexuals as the dependent variable. The results are shown in Table 2.

Gender, age, education, children, parental family type, and religious affiliation entered at the first step explained 7% of the variance. Males, members of religious confessions, individuals who grew up in two-parent families, and individuals with children at their households showed stronger negative attitudes to homosexuals, suggesting that the effects of these variables are independent. Controlling for these, the three variables relevant to one's sexuality explained a further 9% of the variance at Step 2. The unique effect of homosexual experience was non-significant, suggesting that it may be fully explained by sexual identity. However, the effect of homosexual attraction remained significant, indicating that

those individuals who had experienced and acknowledged an attraction toward members of their own sex at some point in their lifetime were more tolerant of homosexuals, regardless of their own sexual orientation. Only the effects of gender and religion remained significant at Step 2, when sexuality variables were controlled for.

These data correspond to the findings of international studies, showing gender to be a more important predictor than age or education. Taken together, these demographic variables only explain a minor proportion of the variance in attitudes to homosexuals, suggesting that psychological variables may play a role in the process.

Study 2

Methods

Sample and procedure. The respondents ($N = 292$), 38.3% males and

Table 2

Demographic predictors of homophobia (Study 1)

	Pearson r	Step 1 (β)	Step 2 (β)
Sex	-.11**	-.13***	-.12**
Age	.03	.02	.01
Education	-.02	-.01	-.04
Family	-.08**	-.08*	-.04
Children	-.12***	-.09**	-.06
Religion	.20***	.21***	.20***
Sexual orientation	-.28***		-.16***
Same-sex romantic attraction	-.29***		-.18***
Same-sex sexual experience	-.24***		.01
R^2 adjusted		.07***	.15***
ΔR^2 at step		.07***	.09***

* $p < .05$, *** $p < .01$, **** $p < .001$.

61.7% females aged 18 to 40 ($M = 22.2$, $SD = 5.70$), were university students and some adult volunteers. Most reported some tertiary study (61.8%) or university degree (28.7%), some (9.5%) had a high school diploma. Anonymous questionnaires using informed consent forms were administered on paper in a university setting. The students completed the questionnaires for course credit in paper-and-pencil format.

Instruments. We used the 34-item Russian Attitudes to Homosexuals Inventory (RAHI) developed in Study 1 supplemented by a set of measures tapping into criterion variables: personality traits, religiosity, authoritarianism, gender identity, and contact with homosexuals. We also used the same items for sex, age, education, and sexuality as in Study 1.

Personality traits. We used the Russian version of the BFQ-2 inventory (Caprara, Barbaranelli, Borgogni, & Vecchione, 2007; Osin et al., 2015), which measures Big Five personality traits: Extraversion ($\alpha = .82$), Agreeableness ($\alpha = .80$), Conscientiousness ($\alpha = .85$), Stability ($\alpha = .88$), Openness ($\alpha = .79$), and includes a lie scale ($\alpha = .76$). Each scale is comprised by two facets omitted here for the sake of brevity (detailed results are available upon request).

Religiosity. Two items tapped into religious identity: «Do you consider yourself a believer?», «Do you consider yourself a follower of a religion, confession?» (both with 4 answer options, ranging from 1 “no” to 4 “yes”). Two other items tapped into religious practice: “How often do you visit a temple (church, mosque, ...)?” (6 answer options from 1 “once a week or more” to 6 “never”), “Do you turn with a prayer

to God or a higher power?” (7 answer options, from 1 “several times a day” to 7 “never”). Using principal component analysis, we found that the 4 items form a single index ($\alpha = .82$; items were inverted so that higher scores reflect higher religiosity).

Right-wing authoritarianism. We used a Russian version of the Right-Wing Authoritarianism scale (Altemeyer, 1988) developed by O.V. Mitina and A.I. Gorbunova (based on McFarland, Ageev, & Abalakina-Paap, 1992), which includes 30 items rated on a 6-point Likert scale. We excluded four items which tapped into attitudes to homosexuality, in order to prevent the construct overlap. The remaining 26 items reflected the components of authoritarianism, such as obedience, aggression, and conventionalism, and formed a reliable scale ($\alpha = .86$).

Gender identity. We used two instruments tapping into the gender role and in-group identification aspects of gender identity. The Gender Identity Inventory developed by V. A. Labunskaya and M. V. Burakova (Burakova, 2000) based on Bem Sex Role Inventory (Bem, 1974), following the original procedure in the Russian context includes 30 characteristics rated on a 7-point scale, 10 of which are perceived as masculine ($\alpha = .80$) and 10 as feminine ($\alpha = .79$) by Russian respondents.

The identification with one's gender was measured by the Russian-language in-group identification inventory (Lovakov, Agadullina, & Osin, 2015; based on Leach et al., 2008). The instrument includes 14 items rated on a 7-point scale and grouped into two second-order dimensions, in-group self-investment ($\alpha = .84$), tapping into satisfaction and solidarity with in-group

and its subjective importance, as well as in-group self-definition ($\alpha = .82$), reflecting perceived in-group homogeneity and self-stereotyping as a member of in-group. The questionnaire had two different versions with in-group defined as “men” and “women” used for male and female respondents, respectively.

Contact with homosexuals. Two items tapped into personal contact with homosexuals: “Are there any homosexuals among your friends?” and “Are there any homosexuals among people you know personally, but don’t consider friends (acquaintances, colleagues, neighbours, etc.)?”, each with 4 answer options (1 “no”, 2 “maybe/not sure”, 3 “yes”, and 4 “prefer not to answer”, treated as missing data).

Results and Discussion

We used confirmatory factor analysis to test the structure of the Russian Attitudes to Homosexuals Inventory. The 8-factor measurement model fit the data well ($\chi^2 = 1140.09$, $df = 497$, $p < .001$; CFI = .939; RMSEA = .054, 90% CI: .050–.058; SRMR = .046), and the model with a single second-order factor still fit the data acceptably ($\chi^2 = 1309.84$, $df = 517$, $p < .001$; CFI = .924; RMSEA = .058, 90% CI: .055–.062; SRMR = .053). The change in practical fit indices after the introduction of the second-order factor ($\Delta CFI = .015$, $\Delta RMSEA = .004$, $\Delta SRMR = .007$) was similar to Study 1. Overall, these findings indicate that the structure was successfully cross-validated.

The distributions of RAHI scale scores and the general index were close to normal, with skewness and kurtosis values well below 1, except for the

punishment strategy scale (skewness 1.37, kurtosis 1.51). Descriptive statistics and reliability coefficients are presented in Table 3. The scales were sufficiently reliable. The paper-based sample respondents showed higher levels of negative attitudes toward homosexuals (the difference ranged from 0.77 to 1.15 standard deviations for different scales).

We proceeded by investigating the correlations of attitudes to homosexuality with psychological variables. The associations with personality traits are presented in Table 3. Negative attitudes to homosexuality were associated with extraversion and conscientiousness, and showed inverse associations with openness. All of these associations were quite weak. We did not find any significant associations with agreeableness, but negative attitudes were positively related to social desirability (lie), suggesting that a negative stance to homosexuals is perceived as a social standard.

The associations with other variables are presented in Table 4. Negative attitudes to homosexuality showed only marginal associations with gender roles in the combined sample. In male ($N = 110$) and female ($N = 182$) groups taken separately these associations were similar, but mostly failed to reach the level of significance. In males, masculinity was positively associated with approval of discrimination strategy ($r = .26$, $p < .01$) and perceived threat of homosexuality to individuals ($r = .22$, $p < .05$). In females, femininity showed weak positive associations with approval of treatment strategy and perceived threat of homosexuals to society (both $r = .17$, $p < .05$).

The associations of RAHI with social identification with one’s gender were

Table 3

Descriptive statistics and Pearson correlations of the Russian Attitudes to Homosexuals Inventory with personality traits (Study 2)

	M	SD	α	Extraversion	Agreeableness
General index of homophobia	2.85	1.10	.94	.15*	.07
Threat to morality	2.87	1.11	.87	.05	.03
Threat to individuals	2.48	1.04	.83	.20**	.11
Threat to society	3.04	1.12	.78	.14*	.09
Threat to culture	3.11	1.11	.82	.12*	.08
Threat to heterosexual lifestyle	3.82	0.96	.81	.15**	.01
Punishment strategy	1.77	0.93	.87	.07	.05
Treatment strategy	2.37	1.19	.90	.08	.10
Discrimination strategy	2.89	0.93	.78	.19**	-.04
	Conscientiousness	Stability	Openness	Lie	
General index of homophobia	.15*	.02	-.12*	.16**	
Threat to morality	.14*	.05	-.14*	.15*	
Threat to individuals	.17**	-.02	-.07	.19**	
Threat to society	.14*	-.06	-.06	.12*	
Threat to culture	.15*	-.05	-.10	.12*	
Threat to heterosexual lifestyle	.11	.08	-.02	.07	
Punishment strategy	.14*	.07	-.13*	.19**	
Treatment strategy	.09	.06	-.11	.15*	
Discrimination strategy	.08	.07	-.14*	.12*	

* $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$.

stronger and similar for both gender identification components. When gender groups were analyzed separately, the associations of general index of negative attitudes to homosexuals with gender self-definition and gender self-investment were stronger ($p < .05$) in the male group ($r = .40$ and $.44$, respectively, $p < .001$) than in the female group ($r = .19$ and $.21$, $p < .01$).

Predictably, authoritarianism emerged to be the strongest correlate of negative attitudes toward homosexuals; this association was somewhat stronger ($p < .05$) in males ($r = .74$, $p < .001$) than in females ($r = .60$, $p < .001$). The association of religiosity with negative attitudes to homosexuals did not differ significantly between males ($r = .43$, $p < .001$) and females ($r = .27$,

Table 4

Pearson correlations of attitudes to homosexuality with gender and social variables (Study 2)

	1	2	3	4	5	6	7	8
General index of homophobia	.14*	.04	.32***	.29***	.33***	.66***	-.30***	-.43***
Threat to morality	.08	.03	.23***	.28***	.33***	.58***	-.32***	-.44***
Threat to individuals	.13*	.06	.27***	.21***	.33***	.54***	-.26***	-.35***
Threat to society	.11	.10	.29***	.28***	.29***	.61***	-.30***	-.37***
Threat to culture	.08	.03	.26***	.27***	.26***	.59***	-.24***	-.36***
Threat to heterosexual lifestyle	.13*	-.03	.21***	.12*	.15***	.46***	-.15*	-.34***
Punishment strategy	.11	-.02	.26***	.30***	.32***	.54***	-.27***	-.34***
Treatment strategy	.14*	.10	.27***	.28***	.28***	.52***	-.21***	-.32***
Discrimination strategy	.18**	-.03	.28***	.18**	.23***	.52***	-.17**	-.34***

Note. 1 – Masculinity, 2 – Femininity, 3 – Gender group self-investment, 4 – Gender group self-definition, 5 – Religiosity, 6 – Authoritarianism, 7 – Contact: personal acquaintance, 8 – Contact: friends.

* $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$.

$p < .001$). The experience of contact with homosexuals was inversely associated with negative attitudes to homosexuals in males ($r = -.48$ and $-.42$ for friends and acquaintances, $p < .001$) and in females ($r = -.38$, $p < .001$ for friends and $r = -.20$, $p < .01$, for acquaintances; only the latter was significantly different across genders, $p < .05$).

In order to separate the individual contribution of different predictors, we performed a hierarchical (sequential) regression analysis. Gender, age, and education were entered at Step 1, followed by sexuality variables at Step 2, personality traits at Step 3, gender identity at Step 4, ideology at Step 5, and experience of contact with homosexuals at Step 6. We focused on the contributions of variables entered at steps 3 to 6, controlling for demograp-

tics and sexuality. Because the sample was relatively small, we did not model the interactions between the variables. The results of this analysis are presented in Table 5.

At Step 1, education accounted for a small proportion of the variance in homo-negativity, suggesting that higher levels of education are associated with lower levels of negative attitudes to homosexuals. At Step 2, additional 13% of the variance were explained by sexual orientation and homosexual attraction. Regardless of their sexual orientation, individuals who report having experienced romantic feelings towards a member of their own sex at some point in their life tend to be less homophobic. Interestingly, the effect of homosexual experience does not seem as important and is, most likely, completely

Table 5

Correlations and hierarchical regression model of psychological predictors of negative attitudes to homosexuals (Study 2)

	Pearson r	Step 1 (β)	Step 2 (β)	Step 3 (β)	Step 4 (β)	Step 5 (β)	Step 6 (β)
Sex	-.06	-.08	-.03	-.05	-.07	-.19**	-.18**
Age	-.08	-.01	.00	-.01	-.01	.07	.08
Education	-.16**	-.16*	-.14*	-.09	-.09	-.02	.00
Same-sex sexual experience	-.26***		-.06	-.05	-.02	.05	.10
Same-sex romantic attraction	-.32***		-.18*	-.19**	-.18**	-.16**	-.16**
Sexual orientation	-.33***		-.20**	-.17*	-.17*	-.11	-.07
Extraversion	.16**			.14*	.12	.11	.11
Agreeableness	.07			.12	.02	-.07	-.04
Conscientiousness	.12*			.09	.08	.00	-.02
Stability	.02			-.10	-.10	-.09	-.09
Openness	-.12*			-.19**	-.15*	.00	.00
Social Desirability	.16**			.09	.07	-.04	-.02
Masculinity	.14*				.00	-.02	-.01
Femininity	.06				.05	.09	.07
Gender self-investment	.32***				.17*	.06	.07
Gender self-definition	.27***				.09	.03	.02
Religiosity	.32***					.12*	.09
Authoritarianism	.65***					.58***	.52***
Homosexual friends	-.42***						-.21***
Homosexual acquaintances	-.29***						-.05
R^2 adjusted		.02	.14	.19	.23	.49	.53
ΔR^2 at step		.03*	.13***	.06**	.05**	.25***	.04***

* $p < .05$, *** $p < .01$, **** $p < .001$.

explained by sexual orientation. At Step 3, personality traits explained a further 6% of the variance, revealing a significant positive effect of extraversion and a negative effect of openness on homophobic attitudes. Controlling

for the variables at previous steps, gender identity variables explained a further 5% of the variance at Step 4, indicating that subjective importance of gender identity is associated with higher levels of negative attitudes to homosexuals. At

Step 5, religiosity and authoritarianism revealed significant and independent effects on homophobic attitudes, with a much stronger effect of authoritarianism. Finally, at Step 6 experience of personal contact with homosexuals explained a further 4% of the variance, indicating that individuals having homosexuals among their friends are less likely to hold homophobic attitudes, regardless of their own sexual orientation, religiosity, etc.

These findings suggest that the contribution of authoritarianism to negative attitudes toward homosexuals remains strong even after controlling for demographic variables, personality traits, and religiosity. Besides authoritarianism, experience of homosexual attraction and contact with homosexuals have emerged as relatively strong negative predictors of homophobia.

Study 3

Methods

Sample and procedure. The study used two contrast groups of respondents.

The control group was comprised by 330 social network users recruited in online communities that did not have any explicit reference to homosexuality. This group included 38.5% males and 61.5% females aged 18 to 59 ($M = 26.1$, $SD = 7.70$). A majority of respondents had a university degree (51.0%), some reported having incomplete university degree (24.8%) or high/professional school (24.2%).

The comparison group was comprised by 107 social network users recruited in online communities focused on fighting or overcoming homosexuality.

This group included 63.6% males and 36.4% females aged 18 to 62 ($M = 31.2$, $SD = 9.10$). Most of these respondents had university degrees (57.9%), some reported high/professional education (26.2%) or incomplete university degree (15.9%).

Instruments. Both groups completed the Russian Attitudes to Homosexuals Inventory with 34 items rated on a 5-point Likert scale and responded to the same set of items tapping into religiosity, sexuality, and experience of contact with homosexuals as that used in Study 2.

Results

Descriptive statistics for the two contrast groups are presented in Table 6. The groups demonstrate strong differences in negative attitudes. Predictably, visitors of anti-homosexual communities report stronger negative attitudes, with emphasis on views of homosexuality as a threat to society, culture, and heterosexual way of life. Visitors of anti-homosexual websites were also more religious and less likely to report having homosexuals among their friends and personal acquaintances (with a stronger effect size for friends). Predictably, they were also less likely to report any same-sex acts or romantic feelings.

Because the two groups differed in demographics, we performed a hierarchical multiple regression to control for sex, age, education, and sexual orientation, and investigate whether the differences in attitudes to homosexuality between the two groups could be explained by religiosity.

Controlling for self-identified sexual orientation, males and older respondents

Table 6

Descriptive statistics for the Study 3 samples

	Neutral community visitors		Anti-homosexual community visitors		t(435)	Cohen's d
	M	SD	M	SD		
General index of homophobia	2.15	1.28	4.05	1.14	13.76	1.53
Threat to morality	2.17	1.43	4.28	1.28	13.64	1.52
Threat to individuals	1.98	1.29	3.75	1.14	12.60	1.41
Threat to society	2.17	1.49	4.26	1.29	13.01	1.45
Threat to culture	2.28	1.41	4.29	1.22	13.19	1.47
Threat to heterosexual way of life	2.78	1.48	4.35	1.10	10.10	1.13
Punishment strategy	1.68	1.28	3.50	1.40	12.46	1.39
Treatment strategy	1.84	1.30	3.88	1.33	14.03	1.56
Discrimination strategy	2.29	1.38	4.13	1.17	12.43	1.39
Religiosity	8.69	4.51	14.28	5.39	10.45	1.18
Same-sex sexual experience	1.71	0.90	1.10	0.41	6.69	0.76
Same-sex romantic attraction	1.87	0.95	1.21	0.58	6.69	0.76
Homosexual friends	2.20	0.89	1.37	0.72	8.65	1.03
Homosexual acquaintances	2.51	0.73	2.10	0.87	4.79	0.51

Note. All the differences are significant at $p < .001$.

turned out to be more homophobic. However, when religiosity was introduced at Step 2, the effect of age became non-significant suggesting that the variance of these two variables overlaps. Both the effects of religiosity and visiting anti-homosexual community were significant, suggesting that despite their higher religiosity, individuals visiting anti-homosexual communities may hold negative attitudes to homosexuals for non-religious reasons. These effects remained at Step 3, when contact and sexuality variables were included into equation. Similar to Study 2, having homosexual friends and same-sex attraction in the past were associated with more positive attitudes toward homosexuals.

Discussion

Studies conducted around the world reveal the existence of prejudice toward homosexuals in many countries. However, the existence and extent of prejudice is dependent on the social context. More specifically, in countries with more liberal legislation, where the rights of homosexuals are protected, the negative attitudes tend to be less pronounced (Kuntz et al., 2015). Contemporary Russia can be viewed as a conservative country, where discrimination of sexual minorities is gaining increasing legal codification. We expected this specific cultural context to

Table 7

**Hierarchical regression model of psychological predictors of negative attitudes to homosexuals
(Study 3)**

	Pearson r	Step 1 (β)	Step 2 (β)	Step 3 (β)
Sex	-.24***	-.17***	-.11**	-.04
Age	.20***	.12**	-.02	-.01
Education	.10*	.03	.03	.02
Sexual orientation	-.60***	-.55***	-.41***	-.16**
Religiosity	.53***		.29***	.26***
Anti-homosexual community	.56***		.27***	.19***
Same-sex sexual experience	-.53***			.08
Same-sex romantic attraction	-.61***			-.16**
Homosexual friends	-.71***			-.38***
Homosexual acquaintances	.41***			-.08*
R^2 adjusted		.38	.56	.68
ΔR^2 at step		.39***	.18***	.12***

* $p < .05$, *** $p < .01$, **** $p < .001$.

influence the content, structure, and the set of predictors of negative attitudes toward homosexuals in Russia.

The present research has revealed the structure of Russian homosexual prejudice. We found that negative attitudes toward homosexuals include a perception of threat originating from homosexuals viewed as an active group. Individuals with high levels of prejudice see homosexuality as a deviation from a natural and moral norm that may threaten social morals, unless it is contained. Homosexuality is seen as a fashion, spreading due to Western influence, which is alien to Russian culture and threatens indigenous Russian values. In addition to that, homosexuals are perceived as a source of threat to individuals (as they are believed to be inclined to molest children and “convert” “normal” heterosexual adults

to homosexual ways) and to the Russian society as a whole (as they do not contribute to the national birth rate, bringing nearer the extinction of the nation). Finally, Russian people with high levels of prejudice believe that homosexuals have become too active, forcing heterosexuals to adopt a homosexual way of life as a universal norm. Despite the fact that all of these beliefs have very little ground in reality, they tend to form a coherent whole in the minds of homophobic Russian respondents. Predictably, these individuals with high levels of prejudice also tend to endorse social action strategies aimed to eliminate homosexuals and their influence by criminalizing homosexual acts between consenting adults, by referring to medicine to “help” homosexuals overcome their condition, and, finally, by preventing the society

from providing homosexuals with equal civil rights and legal protection on par with heterosexuals.

The discrimination approach received more approval than did medical treatment or punishment and isolation. The respondents tended to endorse more strongly the beliefs reflecting the perceived threat of homosexuals to the rights and way of life of heterosexuals, as well as to the society as a whole and Russian culture. This perception of the threat of homosexuals implies a view of them as a socially active and well-organized group, which is particularly surprising, given how little real influence the Russian LGBT community has (Kon, 2009). The threat of homosexuals to individuals was rated lower by respondents from all samples, including the anti-homosexual community visitors. Thus, homosexuals are viewed as a source of symbolic threat, rather than that of realistic threat.

Confirmatory factor analyses have revealed that all these beliefs about homosexuality and corresponding action strategies can be modelled as a single dimension, indicating that attitudes to homosexuality in Russian society are extremely polarized. Prejudiced individuals tend to paint homosexuals in black, ascribing to them simultaneously a whole range of negative properties in manner reminiscent of 1930s' German anti-semitism. One can expect that in future, with changing social context, the structure of Russian attitudes to homosexuals may become more differentiated. Another specific feature of Russian homophobia is its "anti-Western" character acknowledged earlier by Kon (2009). Homosexuals and LGBT agenda are seen as manifestations of "harm-

ful" Western influence, along with non-government organizations, the human rights movement as a whole, and Western democracy (as opposed to Russian "sovereign" democracy). This "besieged fortress" view of reality has many adherents among Russian politicians and is even promoted by some social scientists through supposedly peer-reviewed research outlets (Ustinin, Rudakova, & Eminov, 2016).

We found some demographic characteristics to be weak predictors of homosexual prejudice. Gender and religious affiliation emerged as relatively strong predictors, with males and religious respondents showing higher levels of homophobia. Age and education showed weaker associations, which one can expect to detect with sufficient statistical power only in large and representative samples. This pattern is in line with Western studies (Sarac, 2012; West & Cowell, 2015). Respondents with children and those who grew up in complete families reported somewhat higher homophobia, in line with the content of Russian homophobic social discourse, which emphasizes the threat of homosexuals to children and traditional family. Altogether, the contribution of these demographic variables was rather small.

A number of individual psychological characteristics emerged as predictors of attitudes to homosexuals. Negative attitudes are more likely to be found in individuals with low openness to experience, high subjective importance of gender identity, and high authoritarianism. Thus, we separated the contribution of the variables that serve as general predictors of prejudice toward various outgroups (personality

traits, authoritarianism, intergroup contact) and those peculiar to homosexuality (gender identity, one's past romantic attraction and sexual experiences). Identification with homosexuals (self-identified sexual orientation), authoritarianism, and personal communication with homosexuals emerged as the strongest predictors.

The studies of authoritarian personality typically find that authoritarian individuals tend to hold negative views of outgroups (Altemeyer, 1988). These individuals also tend to obey the powers in an uncritical manner, adhere to social conventions, and are intolerant of transgressors. Because Russian discriminatory legislation originates from the authorities and because homophobic discourse is promoted through Russian high-status state media, one can only expect homophobic views to have a particularly strong influence on authoritarian individuals. The effect of religiosity was weaker, but independent of authoritarianism.

Predictably, individuals who identify themselves with non-heterosexual orientation demonstrated lower levels of negative attitudes to homosexuality. This can be explained within social identity framework (Tajfel & Turner, 1986) showing that individuals who identify with a group tend to evaluate their in-group more positively than out-groups. Depending on one's sexual identity, homosexuals can be viewed either as an in-group or an out-group, explaining the differences in prejudice.

Interestingly, however, past homosexual romantic attraction did show a unique effect on homophobic attitudes, independently of sexual identity, in all three samples. In Study 1, the level of homophobia in individuals who identi-

fy as heterosexuals but reported having had same-sex romantic attraction in the past was nearly as low as in bisexuals and homosexuals. This is in line with the findings showing that higher homophobia is associated with incongruence between explicit and implicit sexual orientation (Weinstein et al., 2012). Negative attitudes to homosexuals may result from defensive processes triggered by one's own feelings of same-sex attraction which conflict with the heterosexual norm imposed by controlling social environments (Ibid.). This suggests that educational interventions promoting the idea that romantic feelings towards members of one's own sex are not only acceptable, but also do not necessarily indicate that one is a gay or a lesbian may help to tackle homophobia.

The findings concerning the communication with homosexuals are in line with the intergroup contact hypothesis (Pettigrew & Tropp, 2006). According to this hypothesis, personal communication with outgroup members on a regular basis tends to improve one's attitude toward the outgroup as a whole and specific individuals belonging to it. Our data support this hypothesis, showing that having homosexual friends is predictive of lower homophobia even after the other variables are controlled for. The effect of having homosexual close friends is stronger than the effect of being personally acquainted with homosexuals as colleagues, neighbours, etc. First, this suggests that those homosexuals who are open about their orientation to their close friends may encounter significantly lower levels of homophobic attitudes. Second, it suggests that interventions addressing homophobia

and based on intergroup contact might be effective in the Russian context.

This study was the first to investigate the relative contribution of demographic and psychological predictors to homophobia in Russian samples. Its limitations include the use of non-representative samples. However, future studies can draw from the pool of items tapping into different aspects of

homophobia, choosing a set of RAHI items / subscales depending on specific research purposes. The new instrument has strong face and criterion validity. We hope that the present attempt will facilitate future Russian-language research of homophobia, leading to development of interventions that could tackle this phenomenon at microsocial, as well as macrosocial level.

References

- Akrami, N., Ekehammar, B., & Bergh, R. (2011). Generalized prejudice: common and specific components. *Psychological Science, 22*, 57–59.
- Alden, H. L., & Parker, K. F. (2005). Gender role ideology, homophobia and hate crime: Linking attitudes to macro-level anti-gay and lesbian hate crimes. *Deviant Behavior, 26*(4), 321–343.
- Altemeyer, B. (1988). *Enemies of freedom: Understanding right-wing authoritarianism*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Altemeyer, B. (2003). Why do religious fundamentalists tend to be prejudiced? *The International Journal for the Psychology of Religion, 13*, 17–28.
- Andersson, D. E. (2011). Creative cities need less government. In D. E. Andersson, A. E. Andersson, & C. Mellander (Eds.), *Handbook of creative cities* (pp. 327–342). Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, Inc.
- Bachmann, A. S., & Simon, B. (2014). Society matters: The mediational role of social recognition in the relationship between victimization and life satisfaction among gay men. *European Journal of Social Psychology, 44*, 195–201.
- Baiocco, R., Nardelli, N., Pezzuti, L., & Lingiardi, V. (2013). Attitudes of Italian heterosexual older adults towards lesbian and gay parenting. *Sexuality Research and Social Policy, 10*, 285–292.
- Bem, S. L. (1974). The measurement of psychological androgyny. *Journal of Clinical and Consulting Psychology, 42*, 155–162.
- Burakova, M. V. (2000). *Interpretaciya maskulinnosti – femininnosti vneshnego oblika zhenshiny (na primere pricheski)* [Interpretation of masculinity – femininity of female appearance (hairstyle)] (Extended abstract of PhD dissertation, Rostov State University, Rostov-on-Don, Russian Federation).
- Cannon, K. D. (2005). “Ain’t no faggot gonna rob me!”: Anti-gay attitudes of criminal justice undergraduate majors. *Journal of Criminal Justice Education, 16*, 226–243.
- Caprara, G. V., Barbaranelli, C., Borgogni, L., & Vecchione, M. (2007). *BFQ-2: Big Five Questionnaire – 2: Manuale*. Firenze, Italy: Giunti O.S. (in Italian).
- Carroll, A. & Itaborahy, L. P. (2015). *State Sponsored Homophobia 2015: A world survey of laws: criminalisation, protection and recognition of same-sex love* (10th ed.). Geneva: ILGA. Retrieved from http://old.ilga.org/Statehomophobia/ILGA_State_Sponsored_Homophobia_2015.pdf
- Chambers, J. R., Schlenker, B. R., & Collisson, B. (2012). Ideology and prejudice: The role of value conflicts. *Psychological Science, 24*, 140–149.

- Collier, K. L., Bos, H. M. W., & Sandfort, T. G. M. (2012). Intergroup contact, attitudes toward homosexuality, and the role of acceptance of gender non-conformity in young adolescents. *Journal of Adolescence, 35*, 899–907.
- Cullen, J. M., Wright, L. W., & Alessandri, M. (2002). The personality variable openness as it relates to homophobia. *Journal of Homosexuality, 42*(4), 119–134.
- Cunningham, G. B., & Melton, E. N. (2013). The moderating effects of contact with lesbian and gay friends on the relationships among religious fundamentalism, sexism, and sexual prejudice. *Journal of Sex Research, 50*, 401–408.
- Ekehammar, B., & Akrami, N. (2007). Personality and prejudice: From Big Five personality factors to facets. *Journal of Personality, 75*(5), 899–926.
- Ekehammar, B., Akrami, N., Gylje, M., & Zakrisson, I. (2004). What matters most to prejudice: Big five personality, social dominance orientation, or right-wing authoritarianism? *European Journal of Personality, 18*, 463–482.
- Falomir-Pichastor, J. M., & Mugny, G. (2009). “I’m not gay... I’m a real man!”: Heterosexual men’s gender self-esteem and sexual prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin, 35*, 1233–1243.
- Feinstein, B. A., Goldfried, M. R., & Davila, J. (2012). The relationship between experiences of discrimination and mental health among lesbians and gay men: An examination of internalized homonegativity and rejection sensitivity as potential mechanisms. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 80*, 917–927.
- Frost, D. M., Parsons, J. T., & Nanin, J. E. (2007). Stigma, concealment and symptoms of depression as explanations for sexually transmitted infections among gay men. *Journal of Health Psychology, 12*, 636–640.
- Goodnight, B. L., Cook, S. L., Parrott, D. J., & Peterson, J. L. (2014). Effects of masculinity, authoritarianism, and prejudice on antigay aggression: A path analysis of gender-role enforcement. *Psychology of Men and Masculinity, 15*, 437–444.
- Grey, J. A., Robinson, B. E., Coleman, E., & Bockting, W. O. (2013). A systematic review of instruments that measure attitudes toward homosexual men. *Journal of Sex Research, 50*, 329–352.
- Haider-Markel, D. P., & Joslyn, M. R. (2008). Beliefs about the origins of homosexuality and support for gay rights: An empirical test of attribution theory. *Public Opinion Quarterly, 72*, 291–310.
- Hall, J., & LaFrance, B. (2012). “That’s gay”: Sexual prejudice, gender identity, norms, and homophobic communication. *Communication Quarterly, 60*, 35–58.
- Heinze, J. E., & Horn, S. S. (2009). Intergroup contact and beliefs about homosexuality in adolescence. *Journal of Youth Adolescence, 38*, 937–951.
- Herek, G. M. (2000). The psychology of sexual prejudice. *Current Directions in Psychological Science, 9*(1), 19–22.
- Herek, G. M. (2009). Sexual prejudice. In T. Nelson (Ed.), *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination* (pp. 441–468). New York: Taylor & Francis.
- Herek, G. M., & Gonzales-Rivera, M. (2006). Attitudes toward homosexuality among U.S. residents of Mexican descent. *The Journal of Sex Research, 43*, 122–135.
- Herek, G. M., & McLemore, K. A. (2013). Sexual prejudice. *Annual Review of Psychology, 64*, 309–333.
- Hodson, G., Harry, H., & Mitchell, A. (2009). Independent benefits of contact and friendship on attitudes toward homosexuals among authoritarians and highly identified heterosexuals. *European Journal of Social Psychology, 39*, 509–525.
- Hooghe, M., & Meeusen, C. (2012). Homophobia and the transition to adulthood: a three year panel study among Belgian late adolescents and young adults, 2008–2011. *Journal of Youth and Adolescence, 41*, 197–1207

- Horvath, M., & Ryan, A. M. (2003). Antecedent and potential moderators of the relationship between attitudes and hiring discrimination on the basis on sexual orientation. *Sex Roles, 48*, 115–130.
- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal, 6*(1), 1–55.
- James, W., Griffiths, B., & Pedersen, A. (2011). The “making and unmaking” of prejudice against Australian Muslims and gay men and lesbians: The role of religious development and fundamentalism. *The International Journal for the Psychology of Religion, 21*, 212–222.
- Jonathan, F. (2008). The influence of religious fundamentalism, right-wing authoritarianism, and Christian orthodoxy on explicit and implicit measures of attitudes toward homosexuals. *The International Journal for the Psychology of Religion, 18*, 316–329.
- Kimmel, M. S., & Mahler, M. (2003). Adolescent masculinity, homophobia, and violence random school shootings, 1982–2001. *American Behavioral Scientist, 46*(10), 1439–1458.
- Kirby, B. J., & Michaelson, C. (2015). Comparative morality judgments about lesbians and gay men teaching and adopting children. *Journal of Homosexuality, 62*, 33–50.
- Klein, O., Snyder, M., & Livingston, R. W. (2004). Prejudice on the stage: Self-monitoring and the public expression of group attitudes. *British Journal of Social Psychology, 43*, 299–314.
- Kon, I. (2009). Homophobia as a litmus test of Russian democracy. *Sociological Research, 48*(2), 43–64.
- Kuntz, A., Davidov, E., Schwartz, S. H., & Schmidt, P. (2015). Human values, legal regulation, and approval of homosexuality in Europe: A cross-country comparison. *European Journal of Social Psychology, 45*, 120–134.
- Leach, C. W., van Zomeren, M., Zebl, S., Vliek, M. L. W., Pennekamp, S. F., Doosje, B., & Spears, R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology, 95*, 144–165. doi:10.1037/0022-3514.95.1.144
- Leak, G. K., & Finken, L. L. (2011). The relationship between the constructs of and prejudice: A structural equation model analysis. *The International Journal for the Psychology of Religion, 21*, 43–62.
- Lovakov A. V., Agadullina, E. R., & Osin, E. N. (2015). A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification: Examining in Russian samples. *Spanish Journal of Psychology, 18*(e32), 1–12. doi:10.1017/sjp.2015.37
- Maney, D. W., & Cain, R. E. (1997). Preservice elementary teachers' attitudes toward gay and lesbian parenting. *Journal of School Health, 67*, 236–241.
- McFarland, S. G., Ageyev, V. S., & Abalakina-Paap, M. A. (1992). Authoritarianism in the former Soviet Union. *Journal of Personality and Social Psychology, 63*(6), 1004–1010.
- Meyer, I. H. (2003). Prejudice, social stress, and mental health in lesbian, gay, and bisexual populations: Conceptual issues and research evidence. *Psychological Bulletin, 129*(5), 674–697.
- Miller, M. K., & Chamberlain, J. (2013). How religious characteristics are related to attitudes toward GLB individuals and GLB rights. *Journal of GLBT Family Studies, 9*, 449–473.
- Negy, C., & Eisenman, R. (2005). A comparison of African American and White college students' affective and attitudinal reactions to lesbian, gay, and bisexual individuals: An exploratory study. *The Journal of Sex Research, 42*, 291–298.
- O'Neil, J. M. (1981). Patterns of gender role conflict and strain: Sexism and fear of femininity in men's lives. *Personnel and Guidance Journal, 60*(4), 203–210.
- Osin, E. N., Rasskazova, E. I., Neyaskina, Yu. Yu., Dorfman, L. Ya., & Aleksandrova, L. A. (2015). Operationalization of five-factor model of personality lines on the Russian selection.

- Psikhologicheskaya Diagnostika*, 3, 80–104. Retrieved from <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/168237792>. (in Russian),
- Papadaki, V., Plotnikof, K., & Papadaki, E. (2013). Social work students' attitudes towards lesbians and gay men: The case of the social work Department in Crete, Greece. *Social Work Education*, 32, 453–467.
- Parrott, D. J. (2009). Aggression toward gay men as gender role enforcement: Effects of male role norms, sexual prejudice, and masculine gender role stress. *Journal of Personality*, 77, 1137–1166.
- Parrott, D. J., Peterson, J., & Bakeman, R. (2011). Determinants of aggression toward sexual minorities in a community sample. *Psychology of Violence*, 1, 41–52.
- Pereira, A., Monteiro, M. B., & Camino, L. (2009). Social norms and prejudice against homosexuals. *The Spanish Journal of Psychology*, 12, 576–584.
- Pettigrew, T. F., & Tropp, L. R. (2006). A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90(5), 751–783.
- Pew Research Center (2013, June 4). *The global divide on homosexuality: Greater acceptance in more secular and affluent countries*. Retrieved from <http://www.pewglobal.org/2013/06/04/the-global-divide-on-homosexuality/>
- Plotko, M. (2013, March 12). *Strakh drugogo: Problema gomofobii v Rossii* [Fear of the Other: The problem of homophobia in Russia]. Moscow: Levada-Centre. Retrieved from <http://www.levada.ru/12-03-2013/strakh-drugogo-problema-gomofobii-v-rossii>
- Poteat, V. P., & Anderson, C. J. (2012). Developmental changes in sexual prejudice from early to late adolescence: The effects of gender, race, and ideology on different patterns of change. *Developmental Psychology*, 48, 1403–1415.
- Poteat, V. P., & Mereish, E. H. (2012). Ideology, prejudice, and attitudes toward sexual minority social policies and organization. *Political Psychology*, 33, 211–224.
- Poteat, V. P., Mereish, E. H., DiGiovanni, C. D., & Koenig, B. W. (2011). The effects of general and homophobic victimization on adolescents' psychosocial and educational concerns: the importance of intersecting identities and parent support. *Journal of Counseling Psychology*, 58(4), 597–609. doi:10.1037/a0025095
- Pratto, F., Sidanius, J., Stallworth, L. M., & Malle, B. F. (1994). Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(4), 741–763.
- Revelle, W. (1979). Hierarchical cluster analysis and the internal structure of tests. *Multivariate Behavioral Research*, 14(1), 57–74.
- Rossiyskaya Gazeta (2013, July 2). *Federalnyi zakon Rossiiskoi Federacii ot 29 iyunya 2013 g. N 135-FZ g. Moskva* [Federal Law of Russian Federation of June 29, 2013 N 135-FZ, Moscow]. Retrieved from <http://www.rg.ru/2013/06/30/deti-site-dok.html>
- Rossiyskaya Gazeta (2014, February 10). *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federacii ot 10 fevralya 2014 g. N 93 g. Moskva* [Order of the Government of Russian Federation of February 10, 2014 N 93, Moscow]. Retrieved from <http://www.rg.ru/2014/02/13/siroty-site-dok.html>
- Rowatt, W. C., LaBouff, J., Johnson, M., Froese, P., & Tsang, J.-A. (2009). Associations among religiosity, social attitudes, and prejudice in a national random sample of American adults. *Psychology of Religion and Spirituality*, 1, 14–24.
- Rowatt, W. C., Tsang, J. N., Kelly, J., Lamartina, B., McCullers, M., & McKinley, A. (2006). Associations between religious personality dimensions and implicit homosexual prejudice. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 45, 397–406.

- Sanabria, S. (2012). Religious orientation and prejudice: predictors of homophobia. *Journal of LGBT Issues in Counseling, 6*, 183–201.
- Sarac, L. (2012). The relationships between homophobic attitudes and religiosity among Turkish physical education teacher majors. *Physical Education and Sport Pedagogy, 17*, 277–287.
- Shackelford, T. K., & Besser, A. (2007). Predicting attitudes toward homosexuality: Insights from personality psychology. *Individual Differences Research, 5*(2), 106–114.
- Sibley, C. G., & Duckitt, J. (2008). Personality and prejudice: a meta-analysis and theoretical review. *Personality and Social Psychology Review, 11*, 248–279.
- Sibley, C. G., Robertson, A., & Wilson, M. S. (2006). Social dominance orientation and right-wing authoritarianism: Additive and interactive effects. *Political Psychology, 27*, 755–768.
- Smith, S. J., Axelson, A. M., & Saucier, D. A. (2009). The effects of contact on sexual prejudice: A meta-analysis. *Sex Roles, 61*, 178–191.
- Steffens, M. C., & Wagner, C. (2004). Attitudes toward lesbians, gay men, bisexual women, and bisexual men in Germany. *The Journal of Sex Research, 41*, 137–149.
- Tadmor, C. T., Hong, Y.-Y., Chao, M. M., Wiruchnipawan, F., & Wang, W. (2012). Multicultural experiences reduce intergroup bias through epistemic unfreezing. *Journal of Personality and Social Psychology, 103*, 750–772.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (2nd ed., pp. 7–24). Chicago: Nelson-Hall.
- Turner, R. N., Hewstone, M., Voci, A., Paolini, S., & Christ, O. (2007). Reducing prejudice via direct and extended cross-group friendship. *European Review of Social Psychology, 18*, 212–255.
- Ustinkin, S. V., Rudakova, E. K., & Eminov, D. S. (2016). Gender soft power strategy of NGO as a tool of reformatting of reformatting the cultural code of society and state in Russia. *Vlast', 1*, 5–15. Retrieved from <http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/3356/submission/original/3356-6215-1-SM.pdf>. (in Russian).
- Weinstein, N., Ryan, W. S., DeHaan, C. R., Przybylski, A. K., Legate, N., & Ryan, R. M. (2012). Parental autonomy support and discrepancies between implicit and explicit sexual identities: dynamics of self-acceptance and defense. *Journal of Personality and Social Psychology, 102*(4), 815–832.
- West, K., & Cowell, N. M. (2015). Predictors of prejudice against lesbians and gay men in Jamaica. *Journal of Sex Research, 52*(3), 296–305.
- Whitley, A., & Lee, S. F. (2000). The relationship of authoritarianism and related constructs to attitudes toward homosexuality. *Journal of Applied Social Psychology, 30*, 144–170.
- Whitley, B. E. (2009). Religiosity and attitudes toward lesbians and gay men: A meta-analysis. *The International Journal for the Psychology of Religion, 19*, 21–38.
- Wight, R. G., LeBlanc, A. J., de Vries, B., & Detels, R. (2012). Stress and mental health among midlife and older gay-identified men. *American Journal of Public Health, 102*, 503–510.
- Wilkinson, W. (2004). Religiosity, authoritarianism, and homophobia: A multidimensional approach. *The International Journal for the Psychology of Religion, 14*, 55–67.
- Wood, P. B., & Bartkowski, J. P. (2004). Attribution style and public policy attitudes toward gay rights. *Social Science Quarterly, 85*, 58–74.
- Worthen, M. G. F. (2014). The interactive impacts of high school gay-straight alliances (GSAs) on college student attitudes toward LGBT individuals: An investigation of high school characteristics. *Journal of Homosexuality, 61*, 217–250.

Russian Attitudes to Homosexual Inventory (translated)

The statements in this questionnaire describe different attitudes toward homosexuals and homosexuality as a social phenomenon. Different people hold different opinions on these matters. It is important that you express your own opinion here.

Please rate your agreement with each statement using the following scale:

	1	2	3	4	5
	Completely disagree	Mostly disagree	Neither agree nor disagree	Mostly agree	Completely agree
1.	If homosexuals want to be treated well, they should stop attracting attention to their sexual orientation.				1 2 3 4 5
2.	Homosexuals are a threat to the traditional family.				1 2 3 4 5
3.	Homosexuality is a way of life that must be condemned.				1 2 3 4 5
4.	Homosexuals should stop complaining about the way they are treated in the society and live their own lives.				1 2 3 4 5
5.	Homosexuals increase in their number as a result of spreading Western values.				1 2 3 4 5
6.	Hatred toward homosexuals is a sign of poor moral climate in the society.				1 2 3 4 5
7.	It's time for homosexuals to stop thrusting their way of life on other people.				1 2 3 4 5
8.	Homosexuals must be cured.				1 2 3 4 5
9.	Homosexuals are particularly dangerous, because they spread sexually transmitted diseases.				1 2 3 4 5
10.	Homosexuals have no place in our society.				1 2 3 4 5
11.	A homosexual should do anything to overcome the attraction to members of his/her own sex.				1 2 3 4 5
12.	Homosexuality is an expression of laxity.				1 2 3 4 5
13.	Homosexuals need to work with a therapist to change their sexual orientation.				1 2 3 4 5
14.	A punishment for homosexuality needs to be introduced in the criminal code.				1 2 3 4 5
15.	Existence of homosexuals does not cause any harm to people with traditional sexual orientation.				1 2 3 4 5
16.	Homosexuality is a crime that must be prosecuted by law.				1 2 3 4 5
17.	Homosexuality is a natural form of human sexuality.				1 2 3 4 5
18.	Fighting homosexuality in a society does not lead to any good outcomes.				1 2 3 4 5

19.	Spreading of homosexuality leads to extinction of the nation.	1	2	3	4	5
20.	Existence of homosexuals harms the ethical climate in the society as a whole.	1	2	3	4	5
21.	Homosexuality is a normal variant of sexual orientation.	1	2	3	4	5
22.	Homosexuals need legal protection from oppression and discrimination.	1	2	3	4	5
23.	Homosexuality is a sexual perversion.	1	2	3	4	5
24.	Homosexuals pose a threat to children, because they can molest them.	1	2	3	4	5
25.	Increasing numbers of homosexuals indicates a decay of social mores.	1	2	3	4	5
26.	Homosexuals must be isolated from the society.	1	2	3	4	5
27.	Homosexuals do not threaten the society in any way.	1	2	3	4	5
28.	The danger of homosexuals is that they can convert people with traditional sexual orientation to homosexuals.	1	2	3	4	5
29.	In their strife for their rights homosexuals have become too aggressive.	1	2	3	4	5
30.	Police must protect homosexuals from assaults and aggression of those who hate them.	1	2	3	4	5
31.	Homosexuals need help to become "normal".	1	2	3	4	5
32.	Homosexuality is a completely alien phenomenon to Russian culture.	1	2	3	4	5
33.	Homosexuality is a fashion spread by mass media.	1	2	3	4	5
34.	Life will be better if the society offers equal rights to homosexuals and heterosexuals.	1	2	3	4	5

Scale	Item numbers with factor loadings				
Threat to morality	3 (.81)	12 (.81)	23 (.85)	17 (-.71)	21 (-.78)
Threat to culture	5 (.80)	25 (.90)	32 (.64)	33 (.83)	
Threat to individuals	9 (.61)	24 (.84)	28 (.78)	15 (-.73)	
Threat to society	2 (.85)	19 (.84)	20 (.90)	27 (-.71)	
Threat to heterosexual lifestyle	1 (.84)	4 (.80)	7 (.84)	29 (.88)	
Punishment strategy	10 (.86)	14 (.82)	16 (.75)	26 (.87)	
Treatment strategy	8 (.82)	11 (.82)	13 (.87)	31 (.84)	
Discrimination strategy	6 (-.63)	18 (-.65)	22 (-.75)	30 (-.66)	34 (-.85)

Note. The numbers in parentheses indicate standardized loading of each item on its respective factor in the Study 1 sample (N=1007). Negative loadings correspond to reverse-scored items, which need to be inverted. The general index of homophobia is calculated as a mean of the 34 items.

Olga A. Gulevich – leading research fellow, Laboratory for Experimental and Behavioural Economics, professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), D.Sc.
E-mail: goulevitch@gmail.com

Evgeny N. Osin – leading research fellow at International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, associate professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Ph.D.
E-mail: evgeny.n.osin@gmail.com

Nadezhda A. Isaenko – body-oriented transpersonal therapist, understanding service "Dela Semeynye" (Moscow, Russia), Master of psychology.
Research area: trauma therapy, interpersonal relationships, phenomenology.
E-mail: whole.psyche@gmail.com

Lilia M. Brainis – coordinator, camp "Kamchatka" (Estonia), Master of psychology.
Research area: emotions, emotional regulation, developmental psychology.
E-mail: lilia.brainis@gmail.com

Отношение к гомосексуалам в России: Содержание, структура и предикторы

О.А. Гулевич^а, Е.Н. Осин^а, Н.А. Исаенко^б, Л. М. Брайнис^с

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

^б Служба взаимопонимания «Дела Семейные», 119311, Россия, Москва, ул. Строителей, д. 4, к. 1

^с Лагерь «Камчатка», Garfield & Bangmire OÜ Reg.kood 12127191 Malle Tee 28, Mändjala 93871, Saaremaa, Kaarma Vald, Estonia

Резюме

Несмотря на рост негативного отношения к гомосексуалам в России, эта тема остается крайне малоисследованной. Опираясь на анализ социального дискурса, мы сформулировали набор утверждений и провели три эмпирических исследования, посвященных разработке и валидизации Российского опросника отношения к гомосексуалам (РАНИ), а также изучению связей этого отношения с демографическими и психологическими переменными. В исследовании 1 с использованием онлайн-выборки (N = 1007) мы выделили структуру из 8 факторов, 5 из которых отражали различные аспекты воспринимаемой угрозы со стороны гомосексуалов (угроза индивидам, нравственности, обществу, российской культуре, правам гетеросексуалов), а 3 – одобрение социальных стратегий по отношению к гомосексуалам (наказание, лечение, дискриминация/защита). Шкалы показали высокую надежность ($\alpha = .82-.91$) и в конфирматорной факторной модели образовали единое измерение, обозначенное как общий показатель гомофобии. Негативное отношение к гомосексуалам было сильнее выражено у мужчин, религиозных респондентов и гетеросексуалов, никогда не испытывавших романтических чувств к представителям своего пола. В исследовании 2 (бумажная выборка, N = 292) факторная структура опросника была успешно воспроизведена. По данным иерархической множественной регрессии авторитаризм оказался наиболее сильным позитивным предиктором гомофобии, а наличие гомосексуалов среди друзей и романтические чувства – ее негативными предикторами, вклад которых сохранялся при контроле сексуальной ориентации. Более слабыми оказались положительные связи гомофобии с религиозностью, социальной идентификацией со своим гендером, маскулинностью, экстраверсией и социальной желательностью, а также отрицательная – с открытостью опыту. В исследовании 3 мы использовали контрастные группы посетителей нейтральных и антигомосексуальных онлайн-сообществ (N = 330 и N = 107 соответственно) для проверки критериальной валидности опросника. Результаты трех исследований не только соответствуют имеющимся данным из других стран, но и раскрывают культурно-специфичные особенности гомофобии в России (например, гомосексуальность рассматривается как следствие влияния Запада). Опросник РАНИ является валидным и надежным русскоязычным инструментом, который может быть использован для будущих исследований отношения к гомосексуалам.

Ключевые слова: отношение к гомосексуальности, гомонегативность, предрассудки по отношению к гомосексуалам, воспринимаемая угроза гомосексуалов, авторитарная личность.

Российский опросник отношения к гомосексуалам (РАНИ)

Утверждения этой анкеты описывают различные варианты отношения к гомосексуалам и к гомосексуальности как к общественному явлению. Разные люди занимают разные позиции по этим вопросам. Для нас важно именно Ваше собственное мнение.

Пожалуйста, оцените, насколько Вы согласны с каждым из следующих утверждений:

	1	2	3	4	5
	Совершенно не согласен	Скорее не согласен	Нечто среднее (не уверен)	Скорее согласен	Совершенно согласен
1.	Если гомосексуалы хотят, чтобы к ним хорошо относились, пусть перестанут привлекать внимание к своей сексуальной ориентации.				1 2 3 4 5
2.	Гомосексуалы представляют угрозу для традиционной семьи.				1 2 3 4 5
3.	Гомосексуальность — это образ жизни, который следует осуждать.				1 2 3 4 5
4.	Гомосексуалам пора перестать жаловаться на то, как к ним относятся в обществе, и просто жить своей жизнью.				1 2 3 4 5
5.	Гомосексуалов становится всё больше в результате распространения западных ценностей.				1 2 3 4 5
6.	Ненависть к гомосексуалам свидетельствует о плохом нравственном климате в обществе				1 2 3 4 5
7.	Гомосексуалам пора прекратить навязывать другим людям свой образ жизни.				1 2 3 4 5
8.	Гомосексуалов необходимо лечить.				1 2 3 4 5
9.	Гомосексуалы особенно опасны потому, что они распространяют венерические заболевания.				1 2 3 4 5
10.	Гомосексуалам нет места в нашем обществе.				1 2 3 4 5
11.	Гомосексуал должен сделать все возможное, чтобы преодолеть сексуальное влечение к представителям своего пола.				1 2 3 4 5
12.	Гомосексуальность — это проявление распущенности.				1 2 3 4 5
13.	Гомосексуалам нужно работать с психотерапевтом, чтобы изменить свою сексуальную ориентацию.				1 2 3 4 5
14.	Необходимо ввести в уголовный кодекс наказание за гомосексуальность.				1 2 3 4 5
15.	Существование гомосексуалов не наносит никакого вреда людям с традиционной сексуальной ориентацией.				1 2 3 4 5
16.	Гомосексуальность — это преступление, которое должно преследоваться законом.				1 2 3 4 5

17.	Гомосексуальность — это одна из естественных для человека форм сексуальности.	1	2	3	4	5
18.	Борьба с гомосексуальностью в обществе не приведет ни к чему хорошему.	1	2	3	4	5
19.	Распространение гомосексуальности приводит к вымиранию нации.	1	2	3	4	5
20.	Существование гомосексуалов вредит нравственному состоянию общества в целом.	1	2	3	4	5
21.	Гомосексуальность — это один из нормальных вариантов сексуальной ориентации.	1	2	3	4	5
22.	Гомосексуалы нуждаются в законодательной защите от притеснения и дискриминации.	1	2	3	4	5
23.	Гомосексуальность — это сексуальное извращение.	1	2	3	4	5
24.	Гомосексуалы представляют опасность для детей, потому что могут совратить их.	1	2	3	4	5
25.	Увеличение количества гомосексуалов свидетельствует об упадке нравов.	1	2	3	4	5
26.	Гомосексуалов необходимо изолировать от общества.	1	2	3	4	5
27.	Гомосексуалы никак не угрожают обществу.	1	2	3	4	5
28.	Опасность гомосексуалов в том, что они могут превращать людей традиционной ориентации в гомосексуалов.	1	2	3	4	5
29.	В борьбе за свои права гомосексуалы стали слишком агрессивны.	1	2	3	4	5
30.	Полиция должна защищать гомосексуалов от нападений и проявлений агрессии со стороны тех, кто ненавидит их.	1	2	3	4	5
31.	Гомосексуалам нужно помочь стать «нормальными».	1	2	3	4	5
32.	Гомосексуальность — это совершенно чуждое явление для российской культуры.	1	2	3	4	5
33.	Гомосексуальность — это мода, которую распространяют средства массовой информации.	1	2	3	4	5
34.	Жизнь станет лучше, если в обществе будут равные права для гомосексуалов и гетеросексуалов	1	2	3	4	5

Шкала	Номера пунктов и их факторные нагрузки				
Угроза нравственности	3 (.81)	12 (.81)	23 (.85)	17 (-.71)	21 (-.78)
Угроза культуре	5 (.80)	25 (.90)	32 (.64)	33 (.83)	
Угроза индивидам	9 (.61)	24 (.84)	28 (.78)	15 (-.73)	
Угроза обществу	2 (.85)	19 (.84)	20 (.90)	27 (-.71)	
Угроза правам гетеросексуалов	1 (.84)	4 (.80)	7 (.84)	29 (.88)	
Стратегия наказания	10 (.86)	14 (.82)	16 (.75)	26 (.87)	
Стратегия лечения	8 (.82)	11 (.82)	13 (.87)	31 (.84)	
Стратегия дискриминации	6 (-.63)	18 (-.65)	22 (-.75)	30 (-.66)	34 (-.85)

Примечание. Числа в скобках отражают стандартизованные нагрузки каждого утверждения на фактор по данным исследования 1 (N=1007), отрицательные нагрузки даны для обратных пунктов, которые необходимо инвертировать. Общий показатель гомофобии рассчитывается как среднее по всем 34 утверждениям.

Гулевич Ольга Александровна — профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория экспериментальной и поведенческой экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук.
Контакты: goulevitch@gmail.com

Осин Евгений Николаевич — доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, ведущий научный сотрудник, международная лаборатория позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.
Контакты: evgeny.n.osin@gmail.com

Исаенко Надежда Алексеевна — телесноориентированный трансперсональный терапевт, служба взаимопонимания «Дела Семейные», магистр психологии.
Сфера научных интересов: терапия травмы, межличностные отношения, феноменология.
Контакты: whole.psychе@gmail.com

Брайнис Лилия Михайловна — организатор, лагерь «Камчатка», магистр психологии.
Сфера научных интересов: эмоции, эмоциональное регулирование, психология развития.
Контакты: lilia.brainis@gmail.com

ДИСКУССИЯ **ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ПСИХОЛОГА** **В УСЛОВИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ** **ДИСКРИМИНАЦИИ «НЕТРАДИЦИОННЫХ»** **ОТНОШЕНИЙ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ** **ЗАДАЧИ**

А.А. ЛЕОНТЬЕВА^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

После принятия поправок в закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» оказалось, что сфера его правоприменения активно апеллирует к области профессиональных знаний психологов. Вопросы «нетрадиционных» отношений и прав человека не сходят с повестки общественного обсуждения, в частности, из-за новостных сообщений об изменениях законодательства в других странах, например по легализации однополых браков. При этом релевантная данному законодательству тематика не включена пока в круг тем, которые активно обсуждают специалисты-психологи. Такие дискуссии, как, например, критика разработанной рядом психологов «Концепции информационной безопасности детей», остаются маргинальными. Ответственные редакторы и соредакторы настоящего выпуска сочли важным инициировать проведение «очно-заочного круглого стола» с целью сделать видимыми вызовы и

релевантные теме процессы в течение последних трех лет и продвигаться к их комплексной и всесторонней профессиональной оценке.

К участию в заочном этапе дискуссии приглашали рассылкой по профессиональным группам в социальных сетях, а также напрямую обращались к тем, кто связан с психологией сексуальности: в консультировании, исследованиях, экспертизе. В декабре 2015 г. в московском кампусе НИУ ВШЭ прошла очная встреча, по ее итогам некоторые коллеги подготовили тезисы, опубликованные в онлайн-приложении к настоящему выпуску (А. Варга, А. Гизуллина, Д. Гуляев, Д. Исаев, Т. Лапшина, Е. Петрова, М. Травкова). Ниже изложены прозвучавшие на очной встрече реплики присутствовавших и высказывания, развернутые в онлайн-приложении к этому выпуску.

Проблемы *экспертной деятельности* в реалиях закона обсуждались в нескольких направлениях. Участники встречи сразу согласились, что

практика экспертизы наличия так называемой пропаганды гомосексуализма не соответствует профессиональному корпусу знаний. В этой связи обсуждались несколько стратегий деятельности ученых. *Сергей Ениколопов* заявил о важности вести работу по уточнению понятий закона (юристами) и особенно по развитию системы исследований, которые позволили бы экспертам доносить до судебных органов компетентную научно обоснованную позицию. *Данила Гуляев* высказал сомнение в том, что законодатели и потенциальные обвинители заинтересованы в юридической ясности. Соображения *Сергея Ениколопова* о востребованности российских исследований по вопросам вариативной сексуальности в целом и психосексуального развития современных подростков в частности весьма актуальны. Тем не менее *Юлия Малыгина* поставила под вопрос целесообразность «выстраивать академическую машину» вокруг законодательных практик низкого качества, а *Анна Леонтьева* обратила внимание на то, что задача установления наличия «пропаганды гомосексуализма» принципиально не может решаться на научной основе в силу самой постановки, поэтому развитие психологии сексуальности вряд ли сможет облегчить экспертам работу. *Татьяна Лапшина* привлекла внимание к косвенным путям преодоления проблем судебной практики в этой сфере. Сделать более адекватной ситуацию для психолога-эксперта смогут развитие системы помощи и просвещения по проблемам ЛГБТКИА и снижение напряжения в этой области. С этим согласилась *Анна Леонтьева*, предполо-

жив, что вопрос «о пропаганде» как-то отражает отсутствие языка для описания происходящих трансформаций сексуальной идентичности не только в России.

Это созвучно опубликованной в приложении реплике *Анны Гизуллиной*, привлечшей внимание к проблеме *просвещения*, предоставления информации, — по ее оценке, каждый пятый человек в стране имеет отношение к проблеме ЛГБТКИА — и преподавательским задачам, в том числе в системе *профессионального образования*. Она приводит данные о гомофобии студентов профильных специальностей. В очном обсуждении многие коллеги заметили, что среди тех, кто высказывается по проблеме «пропаганды гомосексуализма» многие оказываются не знакомы с базовыми документами клинической психологии (как DSM-10) либо зачастую не понимают принципов их составления или логики доказательных подходов. Вопрос о просвещении поддержан и в реплике *Екатерины Петровой*, которая обращает внимание на то, что сведения о современных исследованиях в области семейной и личностной психологии людей с разной сексуальностью просто мало известны. В российском Интернете, например, самой цитируемой остается скандальная и неоднократно опровергнутая единственная работа о негативном влиянии однополорого родительства на детей, тогда как огромный корпус работ, лежащий в основе вектора на преодоление гомофобии на всех уровнях в мире, остается совершенно неизвестным и нередко мифологизируется.

Несмотря на научные традиции в области сексологии, сегодня психо-

логические исследования в области сексуальности, по выражению *Екатерины Петровой*, эклектичны и несколько фрагментарны. *Анна Гизуллина* и *Дмитрий Исаев* свидетельствуют, что академическая работа по этой тематике в нашей стране встречает препятствия, несмотря на то, что запрос на фундаментальные и культурно-специфичные работы в этой области очень велик (*Сергей Ениколопов*). Кроме того, оживленное обсуждение вызвали проблемы методологии исследований, так как, по замечанию *Натальи Мальшевой*, некоторые академические подходы вне феноменологической установки могут оказаться неадекватными исследовательским задачам сообществ в маргинальной позиции; *Данила Гуляев* высказал опасения по поводу того, что под видом научных развитие могут получить нормализующие подходы в рамках премордиально понятного «менталитета», с учетом тренда на психологизацию таких понятий, как «нравственность» или «традиционные ценности». *Анна Леонтьева* заметила, что можно зафиксировать большой разрыв между историями людей (например, приватным обсуждением опыта религиозных ЛГБТКИА-граждан) и дискурсами, призывающими к упрощенным нормативным идеалам в духе консерватизма (например, о несовместимости религиозной веры и гомосексуальности).

В области психологической практики участники согласились с тем, что напряженность вокруг темы сексуальности для самого специалиста не представляет нового вызова и отсылает к общим вопросам компетентности и профессиональной при-

годности. Многие поддержали *Анну Варгу* в ее суждении о том, что скорее актуальной становится правовая защищенность такого консультанта. *Виктор Заикин* и *Татьяна Лапина* заметили, что содержательный вызов, однако, специфичен в работе с несовершеннолетними, например, в школах: так, работа с травлей ребенка требует просвещения в классе ребенка, которое оказывается потенциально рискованным в контексте запретов на «пропаганду».

Многие участники обсуждения высказывались и о социальном контексте настоящих вопросов. *Дмитрий Исаев* анализирует отношения психологов с обществом и государством/властью, отмечая, что многие этапы развития профессии не пройдены еще на уровне профессионального сообщества. Его высказыванию созвучна реплика *Марины Травковой* о тех вызовах, которые представляет законодательство к психологам как к сообществу. *Анна Варга* привлекает внимание к тому, что особенность сегодняшней ситуации – в криминализации современной российской культуры. Эта криминализация связана и с правами человека (и в этом с ней согласна *Анна Гизуллина*), и с отношением к проблемам сексуальности в целом. Философ *Михаил Немцев* отметил, что аргументы, апеллирующие к сакральным текстам, и научные аргументы очень различаются по своей связности, доступности, по способу воздействия. Он говорил о том, что профессионалы во всех развитых странах сталкиваются с вызовами социальных трансформаций, обозначенных как феномен «постсекулярного общества». Ссылки на религиозную

мораль и аргументация, апеллирующая к сакральным текстам, часто применяются в общественных обсуждениях (и, например, в судах), и ученые так или иначе имеют дело с этим влиянием в обществе.

На этом круглом столе состоялся диалог людей с очень разным опытом (экспертизы, консультирования, обучения, практики), по-разному затронутых происходящим в области под-

ростковой психологии, сексуальности, социальной работы. Участники отметили, что совместное определение профессиональной повестки в меняющихся социальных условиях очень востребовано, и согласились с тем, что это движение только начато, а все поставленные проблемы ждут дальнейшей разработки и подготовка специального выпуска журнала — хороший шаг в этом направлении.

Леонтьева Анна Алексеевна — старший преподаватель, кафедра организационной психологии, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Контакты: anna.a.leontieva@gmail.com

Anna A. Leontieva — assistant professor, Department of Organizational Psychology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: anna.a.leontieva@gmail.com

Статьи

КАУЗАЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ХОЛИЗМ В КОНЦЕПЦИИ МЕТАИНДИВИДУАЛЬНОГО МИРА

Л.Я. ДОРФМАН^а

^аПермский государственный институт культуры, 614000, Россия, Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18

Резюме

Представлена обновленная версия концепции метаиндивидуального мира. Она рассматривается как разновидность интегративных теорий, основана на идеях каузального плюрализма и холизма, нацелена на реконструкцию жизненного мира людей и предназначена для поиска (теоретического и эмпирического) общего и целого в нем. Целое как бы шнурует свои части в единый непротиворечивый комплекс, а полисистемный подход создает необходимые методологические ориентиры для многоаспектного видения жизненного мира, показывает разнокачественность его целостности. Жизненный мир рассматривается как разнородная целость, поэтому интегративный взгляд на жизненный мир дополняется его дифференциацией. Это дифференциация обобщенных явлений как целого в контрасте к отдельным явлениям, которые нередко исследуются по отдельности и вне контекста целого. Метаиндивидуальный мир подвергается макроанализу с позиций полисистемного подхода. Выделяются две системы, система 1 и система 2, имеющие разные источники происхождения. Психологический квазикаузальный процесс развертывается в каждой из них, но в противоположных направлениях при сопоставлении систем друг с другом. Выделяются два класса психических явлений – внутри систем (гомогенные) и на их пересечении (гетерогенные, с двойными качествами). В каузальном плане, встает вопрос о том, до какой степени метаиндивидуальный мир может быть интегрированным. Так, возникает вопрос об интеграции двойных качеств психических явлений в нечто «третье» – в область, общую для обоих качеств психических явлений, или более широко – в область, общую для систем 1 и 2. В структурном плане, метаиндивидуальный мир распадается на относительно независимые домены. Выделяются четыре домена: авторство, обладание, принятие, связанность. Метаиндивидуальный мир раскрывается как многовершинная полисистема с признаками целого на ее разных уровнях.

Ключевые слова: метаиндивидуальный мир, каузальный плюрализм, полисистемный подход, психические явления с двойными качествами, целое.

Введение

Основой интегративного тренда в психологической науке является философский принцип единства мира. Интегративные исследования способствуют производству нового психологического знания (например, на стыках его разных областей), получение которого невозможно при аналитическом подходе. В результате обнаруживается общее за границами отдельного, целое, ускользаемое из поля зрения при узком взгляде на суть вещей. Это не значит, что интегративная тенденция исключает дифференцирующую тенденцию в психологическом познании. Скорее, они дополнительны. Вместе с тем, если вторая ориентируется на поиск различий, первая, напротив, на поиск общего, выполняя роль своеобразного клея, скрепляющего разные психические явления воедино (см., напр.: Дробышева-Разумовская и др., 2015; Петровский, 2009).

Вопреки распространенным мифам, не все связано со всем. Одни психические явления взаимосвязаны, другие, напротив, не связаны между собой. Интегративные исследования основаны на поиске тех явлений, которые существуют и сами по себе, и служат «единицами» более крупного общего. В этом более крупном общем обнаруживаются феномены целостности. Их изучение обеспечивает дополнительное знание о способах существования явлений в формах интегративных качеств. С другой стороны, у отдельных психических явлений устанавливаются новые место и роль в контексте общего и целого. Положение о том, что целое больше своих частей, банально

для философии. В рамках же психологической науки добывание конкретных свидетельств и фактов в пользу этого положения остается острой и актуальной проблемой.

В настоящей статье представлена обновленная версия концепции метаиндивидуального мира. Она нацелена на реконструкцию жизненного мира людей и на поиск (теоретический и эмпирический) общего и целого в нем с позиций полисистемного подхода. Целое как бы шнурует свои части в единый непротиворечивый комплекс, а полисистемный подход создает необходимые методологические ориентиры для многоаспектного видения жизненного мира, показывает разнокачественность его целостности. Жизненный мир рассматривается как разнородная целость, поэтому интегративный взгляд на жизненный мир дополняется его дифференциацией. Это дифференциация обобщенных явлений как целого в контрасте к отдельным явлениям, которые нередко исследуются по отдельности и вне контекста целого.

Статья состоит из нескольких частей. В первой части концепция метаиндивидуального мира (МИМ) рассматривается как разновидность интегративных теорий. Во второй части раскрывается понятие МИМ. В третьей части описывается своеобразие применения полисистемного подхода в концепции МИМ. Четвертая часть раскрывает своеобразие систем, из которых складывается МИМ, в квазикаузальном ключе. В пятой части представлена структура МИМ. В шестой части анализу подвергается своеобразие психических явлений внутри систем

и на их пересечении. В седьмой части внимание обращается на существование общей области в зоне пересечения систем. В восьмой части показывается МИМ как многовершинная полисистема с признаками целого. В заключении подводятся итоги выполненного исследования.

Концепция МИМ мира как разновидность интегративных теорий

Концепция МИМ (Дорфман, 1993, 2006; Dorfman, 1995) относится к классу интегративных теорий. Она основана на поиске и обнаружении общего, в то время как эмпирически ориентированные теории сосредоточены на поисках различий, носят по преимуществу частный и фрагментарный характер (об интегративных теориях см. обзор: Дробышева-Разумовская и др., 2015).

Традиционно отечественная психология придерживается целостного подхода. Его разные варианты представлены в работах К.А. Абульхановой, Б.Г. Ананьева, В.А. Барабанщикова, Б.А. Вяткина, А.А. Деркача, Б.Ф. Ломова, В.С. Мерлина, В.М. Петрова, В.А. Петровского, Я.А. Пономарева, С.Л. Рубинштейна, Е.А. Сергиенко, В.А. Толочка, М.А. Холодной, В.Д. Шадрикова. Системный подход — это своеобразное развитие философской идеи целостности с разворотом в сторону методологии науки. Системный подход открывает многоаспектное видение явления и позволяет рассматривать его в нескольких системах координат (В.А. Барабанщиков, Л.Я. Дорфман, В.П. Кузьмин, Б.Ф. Ломов, Я.А. Пономарев).

Целостный (включая системный) подход образует методолого-теоретический ориентир для интегративных исследований (Абульханова, 2012; Вяткин, 2008; Деркач, Сайко, 2008; Дорфман, 2006; Мерлин, 1986; Петров, Мажуль, 2014; Петровский, 2013; Рубинштейн, 2003; Шадриков, 2013; и др.), Мы обращаем внимание, прежде всего, на теорию интегральной индивидуальности человека (Вяткин, 2015; Мерлин, 1986).

Интегративная тенденция прослеживается и в зарубежных исследованиях. Она просматривается в философии науки (см.: Корниенко, 2008). В последние годы (в отличие от прошлых лет) значимость интегративной перспективы признается и в зарубежной психологической науке (Brewer, 2013; Burgoon, Henderson, Markman, 2013; Mischel, 2009; Sternberg, 2003). К классу интегративных можно отнести, например, перспективистскую теорию (McGuire, 2004), системную теорию обоснования (Almstrom, 2006), теорию субъективного благополучия (Tay, Diener, 2011), теорию объединяющей реальности (Echterhoff, Higgins, Levine, 2009). Также следует иметь в виду развиваемые в зарубежной психологии системные теории. Они присутствуют в исследованиях личности (Magnusson, 2001; Pervin, 2001), конкретизируются в многочисленных моделях двойных систем в когнитивной и социальной психологии, психологии личности (Hofmann, Friese, Strack, 2009; Pacini, Epstein, 1999; Sowden, Pringle, Gabora, 2015).

В этот список интегративных (системных) теорий (как отечественных, так и зарубежных) входит концепция МИМ. Будучи опубликованной

впервые более двух десятилетий назад (Дорфман, 1993), она непрерывно развивалась и подвергалась эмпирическому тестированию. Теперь она претерпела очередное обновление с позиций осмысления в ней идей каузального плюрализма и холизма.

Понятие МИМ

Понятием МИМ обозначается особый класс психических явлений, в которых их внутренняя (интракорпоральная) и внешняя (экстракорпоральная) стороны, обособление и объединение обнаруживаются в единстве. Центральное значение в понятии МИМ имеет составная часть «мета-». Прежде всего, она имеет два значения — эпистемологическое и онтологическое.

Определение «эпистемологическое» указывает на особый, метаиндивидуальный вариант полисистемного подхода (о полисистемном подходе см.: Кузьмин, 1982а, б). Понятие МИМ обозначает полисистему, которая складывается из нескольких систем, имеющих разные источники происхождения. С другой стороны, это полисистема с высокими уровнями обобщения и абстракции; она служит для описания и объяснения функционирования других, более частных систем. МИМ — это родовое общетеоретическое понятие, снабженное и дополненное частными понятиями. Под углом зрения полисистемности МИМ собирает вместе некоторое множество частных понятий, выявляя за их пределами общие особенности.

Своеобразие метаиндивидуального варианта полисистемного подхода

определяется тем, как понимается и познается МИМ. Понятие МИМ возникло на пересечении теории интегральной индивидуальности Мерлина (1986), представлений о внешних, экстракорпоральных формах существования психики (Выготский, 1986), о человеке и мире (Рубинштейн, 2003), системного подхода по Кузьмину (1982а, б). Эти предпосылки наложили определенный отпечаток на объем, содержание и границы понимания МИМ. Что касается познания устройства, состава, структуры и функций МИМ, применяются исследовательские стратегии, совмещающие теоретическую рефлексию и эмпирические свидетельства. МИМ имеет некоторое множество разных значений. Их операционализация, в свою очередь, приводит к конвертации общетеоретического понятия МИМ в ряд частных, эмпирических понятий. Следовательно, подобно другим общетеоретическим понятиям (см.: Дорфман, 2012; Ушаков, 2006; Witherington, Crichton, 2007), это путь от МИМ как латентного (ненаблюдаемого) конструкта к эмпирически наблюдаемым частным конструктам. При этом эмпирические свидетельства направлены на тестирование и верификацию теоретических положений.

Онтологически МИМ представляет собой индивидуальность (личность) и ее включение в более широкие, чем она сама, системы, т.е. собственно индивидуальность (личность) и ее же выход за собственные пределы, представленность за границами своего тела (экстракорпорально) в ближнем социальном окружении. Такой взгляд на индивидуальность

весьма тесно перекликается с идеей В.А. Петровского (Петровский, 1981а, б, 2009, 2013; Петровский, Старовойтенко, 2012; Петровский, Петровский, 1982) о личности как мультисубъектной общности, содержащей в себе интраиндивидуальные, интериндивидуальные и метаиндивидуальные ипостаси человека.

В обыденной жизни люди обычно полагаются скорее на субъективные представления о чем-либо, чем на объективное и точное знание. При этом субъективные представления о жизни, себе, других людях, поступках, ценностях и т.п. являются для человека более важными, чем объективно верифицируемое знание о них (Echterhoff, Higgins, Levine, 2009). МИМ складывается главным образом именно из субъективных представлений людей. Задачей познания МИМ, однако, является установление объективных закономерностей, объясняющих субъективную природу МИМ.

Индивидуальность в своем МИМ имеет две стороны. Во-первых, подразумеваются ее устойчивые (стабильные) особенности и свойства, по которым она отличается от других людей (Небылицын, 1990), например, по экстраверсии, интеллекту, способностям. Во-вторых, имеется в виду интегральная индивидуальность — иерархия разноуровневых индивидуальных свойств, объединенных в целое (Вяткин, 2015; Мерлин, 1986). Тогда встает, в частности, вопрос о самости и самобытности индивидуальности. Понятие личности примыкает к понятию индивидуальности в том смысле, что черты личности рассматриваются одним из уровней интегральной

индивидуальности (Вяткин, 2015; Мерлин, 1986), носят характер устойчивых (стабильных) диспозиций (предрасположенностей), несмотря на изменчивость и вариативность ситуаций, в которых проявляет себя личность (напр.: Mischel, Shoda, 1998). Далее мы будем писать об индивидуальности, имея в виду и личность.

В ближнем социальном окружении в МИМ включается все, что является значимым для индивидуальности: родственники, друзья, субъективно ценные идеи, личные проблемы, задачи и планы, предметы быта, карьера и предпочитаемые занятия на досуге, фантазии, литературные и художественные произведения, которые открывают новые значения и смыслы в жизни индивидуальности. МИМ объединяет все это в единое целое. Но возможна и типология — МИМ руководителя, инженера, учителя, студента, творца, музыканта-исполнителя, домохозяйки, ребенка и т.д. Кроме того, МИМ можно дифференцировать по разным сферам жизни и особенностям людей, которые строят, определяют границы и масштаб своего жизненного мира. В настоящей статье рассматриваются *общие* особенности МИМ.

Полисистемный подход в концепции МИМ

Системность и детерминизм

Понятие системы определяет не только психические явления и поведение, но и условия их функционирования и развития. Так возникают представления о единстве принципов системности и детерминизма.

Абульханова (2000) рассматривает принцип детерминизма как проблему типа причинности, в которой гуманитарное знание ищет свою специфику, иную, чем в естественно-научном знании. Согласно Б.Ф. Ломову (1984) и В.А. Барабанщикову (2007), детерминация раскрывается не только в каузальных отношениях, а также в общих и специальных предпосылках психических явлений, опосредующих звеньях, внешних и внутренних факторах и др.

С позиций полисистемного подхода (в контрасте к системному подходу) встает, прежде всего, вопрос о *полидетерминации* (в контрасте к универсальной, унитарной детерминации). Осмысление полидетерминации приводит к созданию плюралистических теорий, которые следует отличать от монистических. Монистические теории опираются либо на внутренние (напр., биологические основания личности в теории Айзенка: Айзенк, 1999; Eysenck, 1967), либо на внешние (напр., теория деятельности Леонтьева: Леонтьев А.Н., 2001) источники детерминации. Руководствуясь идеей полисистемности, плюралистические теории, напротив, направлены на поиск оснований, приводящих к выделению нескольких систем и их сосуществования, на многокачественность явлений, вызванных влиянием на них разнородных потоков детерминации.

Пожалуй, теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина (1986) одна из немногих в отечественной психологии, в которой предпринята успешная попытка раскрыть своеобразие свойств индивидуальности, обусловленных разно-

родными потоками детерминации. Теорию В.С. Мерлина обычно описывают, делая акцент на постулируемых в ней типах детерминации — каузальном и телеологическом (напр.: Вяткин, 2015; Дорфман, 2008). Вместе с тем эта теория учитывает также внутренние и внешние источники детерминации индивидуальности.

Так, когда интегральная индивидуальность рассматривается как иерархия ее разноуровневых свойств, выделяются подсистемы свойств, обусловленные внутренними (напр., свойства темперамента) и внешними (напр., социально-психологические свойства) источниками детерминации. В свойствах интраиндивидуальности раскрываются позиции индивидуальности как действующего лица, а свойства метаиндивидуальности обнаруживаются в том, как внешний наблюдатель воспринимает и оценивает индивидуальность. Впрочем, «метабытие» индивидуальности не исчерпывается тем, как воспринимают и оценивают ее другие, но включает в себя доподлинно ее инобытие в других, «отраженную субъектность» — то, что было описано В.А. Петровским (Петровский, 1981а, б, 2013; Петровский, Петровский, 1982) как «метаиндивидуальная» представленность индивидуума в других людях.

В этих позициях тоже можно усмотреть выражение внутренних и внешних потоков детерминации. Индивидуальный стиль деятельности рассматривается в зависимости от свойств индивидуальности (внутренние источники детерминации) и объективных требований деятельности (внешние, социальные источники детерминации) (Вяткин, 2007,

2008; Мерлин, 1986; Вяткин, Шукин, 2013). Рассматривая деятельность как опосредующее звено в связи разноразличных свойств индивидуальности, В.С. Мерлин (1978) различает в деятельности ее транзитивную и системообразующую функции. В первой проявляется действие внутренних источников детерминации, во второй — внешних, социальных источников детерминации на почве возникшей новой структуры свойств индивидуальности. В.С. Мерлин рассматривает интеграцию свойств индивидуальности, с одной стороны, различая внутренние и внешние источники детерминации, с другой стороны, показывая их совместные воздействия на индивидуальные свойства.

*Идеи полисистемности и
полидетерминации в концепции
МИМ*

Наша концепция МИМ относится к разряду плюралистических теорий. Она основана на полисистемном подходе и раскрывает полидетерминацию психических явлений в МИМ. Под углом зрения полидетерминации, концепция МИМ сближается с теорией интегральной индивидуальности В.С. Мерлина (1986), но отличается от нее тем, как рассматриваются и изучаются внутренние и внешние потоки детерминации, как они сосуществуют и взаимодействуют. Концепция МИМ несколько своеобразна и в сравнении с философской концепцией человека и мира С.Л. Рубинштейна (2003), концепцией организации и стратегии жизни К.А. Абульхановой (2000), психологическими представлениями

о жизненном мире и его типологии Д.А. Леонтьева (1992, 2001), феноменологической концепцией мира М. Хайдеггера (Heidegger, 2005), хотя в определенной степени опирается на них. В то же время более близкой по духу концепции МИМ является концепция В.А. Петровского (1981а, б) интра-, интер- и метаиндивидуальной атрибуции бытия личности. Моя концепция сближается с концепцией В.А. Петровского по линии оппозиции «полидетерминация — универсальная (унитарная) детерминация».

Внутренние и внешние источники детерминации психических явлений

Психические явления в МИМ находятся под влиянием, прежде всего, внутренних и внешних источников детерминации.

Под *внутренними* источниками детерминации методологически подразумеваются телесность, психофизиологическая организация, механизмы и автоматизмы поведения человека (Леонтьев, 2000). Истоки личности в теории Г. Айзенка (1999) сводятся к биологии и наследственным факторам человека. Истоки креативности в теории Г. Айзенка (2000) опять-таки редуцируются к биологии. Вместе с тем внутренние источники детерминации могут локализоваться также в самой психике. С.Л. Рубинштейн (2003) переформулировал принцип детерминизма, признав роль внутреннего в качестве причины причинения бытия (см.: Абульханова, 2000). Такой подход оправдан в свете современных представлений об онтологическом равноправии внутреннего (психического)

и внешнего (хотя природа психического является идеальной и субъективной) и о субъекте как источнике причинения бытия (Там же), психологической причинности (Корнилова, 2006; Корнилова, Смирнов, 2008; Леонтьев, 2011; Юревич, 2007, 2012). Свойства индивидуальности также могут выступать в роли внутренних детерминант воздействий человека на внешнее окружение (Мерлин, 1986).

Эмпирически психическое как внутреннее можно рассматривать в виде некоторой стартовой точки инициации, не обязательно генетически предопределенной, но направленной при этом на взаимодействия человека с окружающим миром (Дергачева, Дорфман, Леонтьев, 2008). Так, психические состояния и личная предрасположенность к выбору стратегии поведения в конфликтных ситуациях и попытки их разрешения раскрывают позицию субъекта (Брушлинский, 1994). Внутренняя детерминация выражается в личностных вкладах, которые одни люди производят в других людей (Петровский, 1981а, б; Петровский, Петровский, 1982), в особенностях мотивации человека. К внутренней стороне мотива относят побуждение (Мерлин, 1971), диспозицию (Martindale, 1980), интринсивный мотив (Ильин, 2002; Reiss, 2004). Если поведение основывается на собственном автономном выборе — это внутренний локус каузальности (Deci, Ryan, 2012).

Внешними источниками детерминации психического, сознания, поведения, деятельности методологически служат объективные условия существования, социальное и куль-

турное окружение. В теории Л.С. Выготского (1986) употребляется понятие интериоризации — переход предметной деятельности во внутренний план сознания, формирование внутренних средств сознания из внешних средств общения. А.Н. Леонтьев (2001) объясняет происхождение сознания включением человека в социальную деятельность («внутреннее через внешнее»). Многие теории исходят из общей посылки о том, что внешними источниками детерминации личности служат социально-культурные и исторические факторы. А.Г. Асмолов (2007) подвергает анализу культурно-исторические детерминанты развития человека, социальные программы поведения. Д.А. Леонтьев (2000) пишет об интроецированных нормах, конвенциях, мнениях и ценностях авторитетных других, социальных или групповых мифах. А. Бандура (Bandura, 2002) развивает социально-когнитивную теорию личности, Дж.Г. Мид (Mead, 1934) раскрывает зависимость становления сознания и Я от общества.

Эмпирически, внешние источники детерминации выражаются в таких конструктах, как внешняя, предметная сторона мотива (Леонтьев, 1971). По внешнему критерию различают также экстринсивный мотив (Ильин, 2002; Berlyne, 1974; Friedman, Förster, 2005; James, Eisenberg, 2004), просоциальный мотив (Ильин, 2002; Barry, Wentzel, 2006), подкрепление (Baker et al., 2004; Fox et al., 2002), награду (Cameron et al., 2005; Deci, Koestner, Ryan, 1999), ожидание и привлекательность (Хекхаузен, 2001). Конечно, круг явлений, обусловленных

внешней детерминацией, значительно шире. Они попали в поле зрения прежде всего социальной психологии — понимание, терпимость, психологическая близость, симпатия, подражание, компромисс, зависимость и др.

Самодетерминация

Современные представления о полидетерминации МИМ концептуально несколько расширились. Индивидуальность в своем мире вряд ли лишь пассивно испытывает на себе влияния потоков внутренней и внешней детерминации. Скорее всего, она как-то распоряжается ими, регулирует, контролирует, делает выбор между альтернативами. Ее активность выражается в поиске согласия и компромисса, сдерживании нежелательных внутренних и внешних влияний, сопротивлении принуждению, смене руководящих принципов поведения, переключении с одних детерминант поведения на другие (Леонтьев, 2000; Bandura, 2002; Haggé, 1979).

Нередко все эти качества подводятся под понятия самодетерминации и субъектности (Абульханова, 2000; Леонтьев, 2000), а саморегуляция и самоконтроль либо присоединяются к ним (Моросанова, 2007; Осницкий, 2007), либо разводятся (Леонтьев, 2000). Мы относим саморегуляцию и самоконтроль к самодетерминации. Она может быть и субъектной (индивидуальность является автором собственных поступков), и бессубъектной (термин Абульхановой (2000)), т.е. объектной (индивидуальность вторит другим людям или попадает под власть внутренних

сил, скажем, потребностей и эмоций, не выступая подлинным автором собственных поступков). Бессубъектная самодетерминация может разворачиваться ниже порогов сознания.

Системы, из которых складывается МИМ

В МИМ внутренняя детерминация инициирует одну систему его качеств (система 1), а внешняя детерминация — другую систему его качеств (система 2). Они имеют общие и специфические особенности.

Общие особенности систем МИМ: квазикаузальные процессы

В МИМ выделяются две системы на том основании, что каждую из них инициируют собственные причины. По происхождению причины в разных системах расходятся, хотя могут переплетаться в следствиях. Локус каузальности у этих систем тоже разный — интернальный и экстернальный. Еще один теоретический аргумент в пользу выделения двух систем состоит в том, что они направлены в противоположные стороны — реализация внутреннего потенциала во внешнем плане и внешнего потенциала — во внутреннем плане. Предположительно эти процессы соотносятся с разного порядка закономерностями, и потому они разводятся по разным системам. Конечно, можно ставить вопрос о том, скажем, что внутреннее «служит» внешнему — «внешнее через внутреннее», как считал С.Л. Рубинштейн (2003). Тогда вроде бы сохраняется монизм, главной остается

одна причина, а дуальность выводится из поля анализа. Но положение о «внешнем через внутреннее» не схватывает условия, при которых внутреннее управляет внешним, а оба положения «внешнее через внутреннее» и «внутреннее, управляющее внешним» логичнее (и проще) трактовать дуально, а не сводить их к одной причине.

В МИМ каждая из систем складывается из системообразующего фактора (ядра системы) и подчиненной подсистемы (периферия системы), в каждой системе разворачивается собственный (парциальный) психологический квазикаузальный процесс.

Мы употребляем термин «психологическая квазикаузальность» (а не каузальность), поскольку понятие психологической причины пока не определено в достаточной степени. Тем не менее отдельные признаки психологических причин все же обнаруживаются, они описываются ниже. Кроме того, психологические причины не существуют в единственном роде. Не следует забывать о физических, химических, биологических, социальных, культурных и другого рода причинах. Исходя из этих соображений, вводится термин «психологическая квазикаузальность».

Понятие каузального *процесса* ввел У. Салмон (Salmon, 1998). Он считает процесс базовой характеристикой каузальности. Определяющим признаком каузального процесса является размножение каузальных влияний. То, что происходит в одно время и в одном месте, может существенно влиять на то, что произойдет в другое время и в другом месте. Важнейшей характеристикой каузальных отношений, по У. Сал-

мону, является транзитивность. Во-первых, транзитивность описывает переходы между причинами и их следствиями. Если a причиняет b , а $b - v$, тогда a причиняет v . Во-вторых, транзитивность — это свойство переноса. Скажем, информация, содержащаяся в a , через b переносится на v (Hall, 2000). В некотором смысле и с точки зрения передаваемой информации, следствие «похоже» на свою причину. В понятии транзитивности, на наш взгляд, раскрываются внутренние механизмы причинения, о котором писал С.Л. Рубинштейн (2003) и на которое обращает особое внимание К.А. Абульханова (2000).

Мы изучаем специфику систем МИМ, рассматривая их как квазикаузальные процессы. В каждой системе они разворачиваются от системообразующего фактора к своей подсистеме. Системообразующий фактор выступает в качестве кандидата на роль психологической причины. В плане существования (а не происхождения) подсистемы трактуются двояким образом. Во-первых, они имеют собственную специфику — свойства, которые существовали или существуют вне действия системообразующего фактора. Во-вторых, те же подсистемы, подвергшиеся изменениям под влиянием системообразующего фактора, т.е. возникшие в результате транзитивности причинения, идущей от системообразующего фактора.

Специфические особенности систем МИМ

Система 1

В упрощенном виде система 1 объединяет индивидуальность и ее

ближнее окружение таким образом, что ядром системы 1 является индивидуальность (системообразующий фактор), а периферию этой системы образует ближнее окружение (подсистема). Индивидуальность (ее свойства или набор свойств) обладает некоторыми признаками психологической причины, а ближнее окружение (те или иные его члены) — некоторыми признаками психологического следствия данной причины. Ключевым признаком системы 1 является квазикаузальный процесс с признаками транзитивности — переходом от индивидуальности (психологической причины) к ее ближнему окружению (психологическому следствию) и переносом содержания психологической причины на ее психологическое следствие. Это может приводить к тому, что второе становится «похожим» на первое, т.е. следствие уподобляется своей причине в тех или иных аспектах. Так совершается квазикаузальное «размножение».

Квазикаузальный анализ можно перевести в разряд собственно психологического анализа. Возьмем, к примеру, автономную личность. Она самостоятельно выбирает и направляет собственную активность на мир (Леонтьев, 2006).

Автономию личности можно толковать как систему, в которой системообразующим фактором выступает внутренний локус каузальности (Deci, Ryan, 2012), или самость («Я стараюсь сам (сама) найти выход из сложной ситуации» — один из пунктов вопросника полимодального Я, см.: Дорфман и др., 2000). Ее подсистемой будет самореализация (самоосуществление) изменения

(или стремление изменить) личностью отдельных членов своего ближнего окружения («Вы говорите с другом или подругой о политике и обнаруживаете значительные разногласия. Скорее всего, вы будете настаивать на своей точке зрения и стараться сделать так, чтобы он (она) принял (приняла) ее» — один из слегка измененных пунктов каузальной шкалы, см.: Дергачева, Дорфман, Леонтьев, 2008). Личность как бы переходит за пределы своего тела, включается в ближнее окружение, трансформирует его или совершает выборы отдельных членов в нем по лекалам своей самости. Личность, так сказать, уподобляет их себе (об уподоблении см.: Толочек, 2013). Это значит, что в статусе автономной личность самореализуется (самоосуществляется) в членах ближнего окружения. В этом пункте можно вспомнить и о понятии «отраженной субъектности» (Петровский, 1985), и о его эмпирических референтах в работах И.П. Гуренковой (Петровский, Гуренкова, 1985), И.Г. Дубова (1991), А.Л. Крупенина (Крупенин, Крохина, 1995), Е.И. Кузьминой (Петровский, Кузьмина, 1988) и др.

Конечно, члены ближнего окружения могут сопротивляться давлению автономной личности, отвергать его. Тогда система 1 не возникнет, а квазикаузальный процесс будет прерван. В систему 1 также не войдут те особенности членов ближнего окружения, на которые не будет направляться транзитивность причинения автономной личностью. Это свидетельствует о том, что система 1 и квазикаузальный процесс в ней локализируются, но не приобретают всеобщего характера.

Можно выделить несколько ключевых критериев, по которым индивидуальности может быть приписана роль системообразующего фактора и психологической причины.

1. Одно и то же психическое явление может быть следствием прежних причин и причиной новых следствий. Например, психическое состояние агрессии может быть следствием агрессивности как черты личности и в то же время причиной агрессивного поведения (Дорфман, 2014б). В МИМ включается участок каузальной цепи (в целом она состоит из множества звеньев), в котором происхождение индивидуальности «вырезается» из поля анализа (ее роль следствия к прежним причинам). Но сама она трактуется как исходный пункт квазикаузального процесса, психологическая причина, причиняющая изменения в подсистеме своей системы.

2. Концепция МИМ опирается прежде всего на изучение ближних (проксимальных) причин, а не отдаленных (дистальных) и предельных (как в метафизике). Ближней является причина, которая темпорально близка к произведенному ею результату, в отличие от филогенетических причин, онтогенетических причин, причин, коренящихся в обществе и культуре, хотя последние (дистальные или предельные) порой трактуются весьма жестко, как только «реальные» причины (Дорфман, 2014а, б; Alessi, 1992).

3. Действие индивидуальности как психологической причины начинается до наступления изменений, которые она же производит в своем ближнем окружении, т.е. соблюдается каузальный принцип темпораль-

ной асимметрии. Через какое-то время характер темпоральных отношений причины и следствия может измениться. Изменения состоят в том, что с наступлением следствия действие причины не прекращается, а продолжается. В этом общем интервале времени у них складываются отношения темпоральной *симметрии* (см.: Дорфман, 2014б; Hausman, 1998; Salmon, 1998). Причина не остается в прошлом, ее действие продолжается в настоящем. Следствия не отрываются от причины и не убегают в будущее. Временная дистанция отсутствует, они действуют одновременно. Причина существует континуально, а ее следствия могут быть дискретными, повторяться или на смену одним следствиям могут приходиться другие. Таким образом, психологические причины и их следствия вначале действуют последовательно, асимметрично, а затем могут действовать одновременно, симметрично.

Склонность к поиску ощущений (Zuckerman, 2007) может быть следствием прежних причин оптимального уровня активности катехоламинной системы, включающей допамин и норадреналин, ретикулярной активирующей системы, оптимального уровня кортикального бодрствования. Вместе с тем склонность к поиску ощущений, закрепленную в черте личности, можно рассматривать и с другой стороны как ближнюю причину поведения, которое характеризуется вариативностью, направлено на поиск новизны, выражает готовность к физическим, социальным, правовым и финансовым рискам. Это поиски впечатлений и приключений, переживаний и нового

опыта, растормаживания и избегания скуки. Очевидно, что такого рода поиски могут влиять на широту круга общения в ближнем окружении, провоцировать относительное снижение продолжительности межличностных отношений с партнером, частую смену партнеров. Склонность к поиску ощущений (ближняя причина) существует как черта личности латентно, стабильно и надситуативно, предшествует наступлению изменений, которые личность производит в своем ближнем окружении (темпоральная асимметрия). Но эта склонность не исчезает, сохраняется и продолжается, когда поиски впечатлений и приключений, переживаний и нового опыта, растормаживания и избегания скуки переходят на уровень поступков. В эти периоды времени и склонность к поиску ощущений как черта личности, и склонность к поиску ощущений как поведение проявляются одновременно (темпоральная симметрия).

Главный смысл таких изменений в ближнем окружении мы находим в уподоблении (об уподоблении см.: Толочек, 2013). Индивидуальность стремится оставлять психологические следы своего Я в членах ближнего окружения, уподобляя их (в тех или иных аспектах) себе. Если же члены ближнего окружения не отвечают «задаче» уподобления, они подвергаются трансформации или, по меньшей мере, индивидуальность стремится их изменять, все же уподобляя себе. Так, в системе 1 ближнее окружение в каких-то аспектах становится производным от индивидуальности. Иначе говоря, в системе 1 индивидуальность занимает первичную позицию (неизменность ее

стремлений), а ближнее окружение — вторичную (его изменчивость и податливость устремлениям индивидуальности).

Система 2

Система 2 тоже объединяет индивидуальность и ее ближнее окружение, но их отношения оборачиваются в сравнении с отношениями в системе 1. В упрощенном виде система 2 объединяет индивидуальность и ее ближнее окружение таким образом, что ядром системы 2 является ближнее окружение (системообразующий фактор), а на периферию этой системы попадает индивидуальность (подсистема). Теперь у ближнего окружения (тех или иных его членов) обнаруживаются некоторые признаки психологической причины, а у индивидуальности (ее свойств или набора свойств) некоторые признаки изменений в силу воздействия на нее данной причины. Опять-таки ключевым признаком системы 2 является квазикаузальный процесс с признаками транзитивности перехода от ближнего окружения (психологической причины) к индивидуальности (психологическому следствию) и переноса содержания психологической причины на ее психологическое следствие. И вновь это может приводить к тому, что второе становится «похожим» на первое, т.е. следствие уподобляется своей причине в тех или иных аспектах. Так совершается квазикаузальное «размножение» в системе 2, но в другом, противоположном направлении, чем в системе 1.

Перевод квазикаузального анализа в разряд собственно психологического

позволяет раскрывать отношения внутри системы 2. Рассмотрим локус каузальности. Если поведение индивидуальности основывается на внешних требованиях или ожидаемой награде, это внешняя каузальная ориентация, тип мотивации с соответствующими когнитивными, аффективными и другими характеристиками индивидуальности (Desi, Ryan, 2012). В каузальной шкале (Дергачева, Дорфман, Леонтьев, 2008) есть такой пункт (слегка изменен): «Вы выбираете подарок другу на день рождения. Тогда вы постараетесь косвенным путем узнать, чего бы ему хотелось получить». Системообразующим фактором здесь выступает внешний локус каузальности. Его подсистемой может быть зависимая позиция, которую принимает личность по отношению к внешним воздействиям. Скажем, «Порой друзья используют меня в своих целях» — один из пунктов вопросника полимодального Я, иллюстрирующего зависимость (Дорфман и др., 2000).

Конечно, индивидуальность может сопротивляться внешнему воздействию, отвергать его или избегать. Тогда система 2 не возникнет, а квазикаузальный процесс будет прерван. В систему 2 также не войдут те особенности индивидуальности, на которые не будет направляться транзитивность причинения ближним окружением. Значит, система 2 и квазикаузальный процесс в ней локализируются, но не приобретают всеобщего характера.

Ближнему окружению отводится роль системообразующего фактора и психологической причины в системе 2 по тем же критериям, по которым определяются системообразующий

фактор и психологическая причина в системе 1. Во-первых, поведение членов внешнего окружения может быть следствием действия прежних причин и причиной новых следствий. Однако поведение членов внешнего окружения рассматривается как исходная причина изменений индивидуальности. Во-вторых, воздействия внешнего окружения на индивидуальность ограничиваются ближними (проксимальными) причинами, отвлекаясь от действия отдаленных и предельных причин. В-третьих, действия ближнего окружения на индивидуальность изучаются в формате темпоральной асимметрии и симметрии.

*Как индивидуальность и ее
ближнее окружение включаются
в системы МИМ*

Чтобы избежать противоречий, нужно уточнить, как индивидуальность и ее ближнее окружение могут распределяться по системам 1 и 2. Эта загадка того же ряда, что и загадка о том, как одна и та же точка может относиться к двум прямым. У. Джеймс отмечал, что «такое возможно, если точка находится на их пересечении» (James, 1904/1976, p. 8). Точка на пересечении двух прямых — это метафорическое выражение индивидуальности, распределенной по системам 1 и 2, т.е. в разных «местах», «здесь» и «там». Точка на пересечении двух прямых — это также метафорическое выражение ближнего окружения, распределенного по системам 1 и 2.

Действительно, индивидуальность и ее ближнее окружение объединяются в каждой системе своеобразно и

выполняют при этом разные функции. В системе 1 индивидуальность управляет ближним окружением, а в системе 2, наоборот, ближнее окружение управляет индивидуальностью. Каузально, системы 1 и 2 разворачиваются в противоположных направлениях. В структурном же плане, индивидуальность и ее ближнее окружение включаются в системы 1 и 2 своими разными сторонами. Поэтому структурно они также разводятся. Значит, индивидуальность и ее ближнее окружение своими разными сторонами расходятся по системам 1 и 2 и не смешиваются.

Обычно психологи изучают какие-либо явления в рамках либо системы 1, либо системы 2. Благодаря этому логические столкновения между ними затушевываются, уходят в тень. Но если в поле исследовательского внимания удерживать обе системы одновременно, легко заметить, что они могут как «мирно» сосуществовать, так и конфликтовать между собой. Скажем, в своем МИМ одна и та же индивидуальность может быть и неизменной (в системе 1), и изменчивой (в системе 2). В этом можно усмотреть внутренний конфликт, вызванный включением индивидуальности в системы 1 и 2 своими разными сторонами. С другой стороны, системы 1 и 2 могут соотноситься по принципу дополнительности (о системном принципе дополнительности см.: Блауберг, Садовский, Юдин, 1970; Блауберг, Юдин, 1973; Avital, 2003), разрешая возможный конфликт между системами.

Следующие примеры иллюстрируют сосуществование систем 1 и 2

как дополнительных. Представьте человека, выбирающего книгу для чтения. В этом случае читатель занимает первичную позицию, а отобранная книга — вторичную (система 1). Когда читатель усваивает содержание книги, он попадает под ее влияние. Значит, книга занимает первичную позицию, а ее читатель — вторичную (система 2). Эти отношения дополнительны, а не конфликтны. Более сложный пример возникает, если представить, что читатель и попадает под влияние содержания книги (система 2), и в то же время ментально изменяет, субъективно модифицирует и привносит дополнительные значения и смыслы в содержание книги (система 1). Такая ситуация даже более правдоподобна, если совместно рассматривается, как человек вовлекается в процесс научения писать стихи (система 2), а затем начинает сочинять их сам (система 1). Любой из этих примеров показывает роль не одной, а обеих систем, и они дополняют друг друга. Конечно, эти иллюстрации носят весьма упрощенный характер, но они раскрывают суть метаиндивидуального подхода. Он обеспечивает приращение нового знания об особенностях МИМ, поскольку во внимание принимается не какая-либо одна система (как при монистическом подходе), а обе системы одновременно. Это новое знание умножает наши представления о природе МИМ с позиций двойственности источников его детерминации и двойных систем, из которых он складывается.

Положение о двойных системах в МИМ подкрепляется не только здоровыми рассуждениями. Оно получает также эмпирическую поддержку.

Первая и ближайшая исследовательская задача состоит, в частности, в том, чтобы получить эмпирический ответ на следующий вопрос: можно ли системы 1 и 2 отделять друг от друга и в то же время устанавливать их отношения между собой? На уровне переменных ответ на этот вопрос подразумевает различие переменных в системах 1 и 2: либо по составу, либо по степени их выраженности. Конечно, этими ответами вопрос о двойственности МИМ эмпирически не исчерпывается. Вместе с тем это хорошее начало для разработки данного вопроса. Несколько эмпирических исследований было проведено, в них предлагалась оригинальная процедура определения двойственности.

В исследовании, которое выполнила Е.В. Старцева под моим руководством (см.: Дорфман, 2010), девушек в возрасте от 18 до 20 лет просили оценить своих матерей, отцов, младших сиблингов и себя по ряду переменных. Предполагалось, что девушки в роли дочерей (система 2) и те же девушки в роли старших сестер (система 1) оценивают себя по-разному по одним и тем же переменным. Результаты исследования свидетельствовали о значимых различиях между этими ролями девушек по переменным Я-концепции, поиска новизны, доминантности. Значимыми дискриминаторами также были переменные контроля над другими людьми, зависимости от награды, избегания неприятности, упорства, готовности к приспособлению и сотрудничеству. Значит, эти переменные характеризовались подвижностью и способностью к смещениям в зависимости от тех ролей, которые

исполняли девушки. В более широком плане полученные данные свидетельствуют о том, что указанные переменные изменяются в зависимости от включения их в систему 1 или 2, т.е. феномен двойственности является довольно глубоким и может проникать на уровень переменных.

В другом исследовании (Дорфман, Савинкин, 2012) изучались отношения сержантов (мужчин) с офицерами и курсантами в военном институте внутренних войск РФ. Опять-таки предполагалось, что оценки сержантами офицеров (в условиях субординации — система 2) и оценки теми же сержантами курсантов (в условиях командования — система 1) различаются по одним и тем же переменным. Действительно, значимые различия обнаруживались по переменным доминантности, социальной конформности, лжи, самодоверия. Полученные данные свидетельствуют о том, что указанные переменные изменяются в зависимости от включения их в систему 1 или 2, т.е. характеризуются двойственностью.

Структура МИМ

Полисистемный подход служит основой развития концепции МИМ и в структурном ключе.

Как уже отмечалось, квазикаузальные процессы в системах 1 и 2 разворачиваются в противоположных направлениях. Индивидуальность занимает первичную позицию в системе 1 (системообразующий фактор), но вторичную позицию (подсистема) в системе 2. Ближнее окружение занимает первичную позицию в системе 2 (системообразующий

фактор), но вторичную позицию (подсистема) в системе 1. С другой стороны, внутри каждой системы индивидуальность и ее ближнее окружение также занимают противоположные позиции друг к другу. В системе 1 индивидуальность занимает первичную позицию, а ее ближнее окружение — вторичную. В системе 2, наоборот, индивидуальность занимает вторичную позицию, а ее ближнее окружение — первичную. Такие различия между системами и внутри систем возникают в силу того, что у них противоположные источники детерминации: внутренние причины действуют в системе 1 и внешние причины — в системе 2.

Отсюда появляются представления о том, что в МИМ индивидуальность и ее ближнее окружение характеризуются многомерностью. Системы 1 и 2 относятся к разным измерениям МИМ потому, что они являются разнопорядковыми. Подразумевается разнопорядковость не в плане величин, которые могут быть выражены числом или разным типом величин, подобно весу и температуре. Имеются в виду качественные различия их особенностей, производных от разных источников детерминации. Это может выражаться в том, что психические явления внутри систем являются скорее «похожими», а относящиеся к разным системам — скорее несходными и в большей степени различными. Отсюда представления о том, что системы 1 и 2 придают МИМ *многомерность* и *разномерность*.

Далее встает вопрос о подызмерениях. Область индивидуальности распадается на два подызмерения в связи с тем, что она входит в системы

1 и 2, выполняя противоположные функции — первичную в системе 1 и вторичную в системе 2. Область ближнего окружения тоже распадается на два подызмерения, поскольку она входит в системы 1 и 2, выполняя противоположные функции — первичную в системе 2 и вторичную в системе 1.

В конечном итоге встает вопрос о многомерном устройстве МИМ: два измерения существуют в виде систем 1 и 2, два подызмерения индивидуальности в силу ее включения в системы 1 и 2, два подызмерения ближнего окружения опять-таки потому, что оно входит в системы 1 и 2.

В наиболее простом варианте, МИМ организован четырехмерно, что приводит к выделению в нем четырех относительно самостоятельных доменов.

Первым является домен *авторства* — первичная позиция индивидуальности в системе 1. Авторство есть склонность индивидуальности действовать самостоятельно и производить свободные выборы по внутренним (собственным) основаниям. Индивидуальность руководствуется тем, что она является причиной поступков, которые она совершает, и результатов, к которым она приходит (самопричинение). При этом индивидуальность проводит различия между результатами собственных действий и результатами, которые достигают другие люди (Петровский, 1997; van der Weiden, Ruys, Aarts, 2013).

Вторым является домен психологического *обладания* — вторичная позиция ближнего окружения в системе 1. Склонность к психологическому обладанию — это выход

индивидуальности за собственные пределы, стремление (и его реализация насколько возможно) владеть кем-либо или чем-либо как своей собственностью. Индивидуальность реализует склонность к обладанию, обращаясь к ближнему окружению, отношениям с близкими людьми, предметам быта или субъективно ценным идеям. Ближнее окружение при этом претерпевает те или иные изменения, в которых запечатлеваются следы вмешательства индивидуальности. В результате ближнее окружение (или его отдельные члены) становится «моим», это — «мое» (Дорфман, 2004; Pierce, Kostova, Dirks, 2003).

Третий домен обозначается как *принятие* — первичная позиция ближнего окружения в системе 2. Принятие — это тоже выход за собственные пределы, но иначе, чем во втором домене. Принятие — это переход индивидуальности в позицию внешнего окружения, ее склонность принимать внешнее окружение таким, какое оно есть и существует. Индивидуальность при этом принимает роль кого-то или чего-то из своего ближнего окружения (Mead, 1934). Она оценивает ситуации, состояния или предметы глазами близких людей — воспринимая, познавая, принимая их намерения, цели и относясь к ним (напр.: Echterhoff, Higgins, Levine, 2009).

Четвертый домен обозначается как *связанность* — вторичная позиция индивидуальности в системе 2. В отличие от психоанализа, в котором этот термин обозначает, в частности, операцию, направленную на ограничение свободного движения возбуждений или на связывание

представлений друг с другом, мы употребляем это понятие в другом значении. Имеется в виду склонность индивидуальности тяготеть к другим людям, устанавливать отношения и объединяться с ними (Desi, Ryan, 2012). Для описания различных аспектов связанности индивидуальности используются такие термины, как «часть социума», «Я в отношениях с Другим», «необусловленное и неинструментальное стремление слиться с Другим», «зависимость», «чувство принадлежности», «привязанность», «присоединение», «кооперация», «близость» (Blatt, 2008). Ранее мы обозначали область связанности терминами зависимости, а затем конформности и референтности (Дорфман, 2007).

Таким образом, в МИМ область индивидуальности распадается на домены авторства и связанности, ближнего окружения — на домены обладания и принятия. При этом домены авторства и обладания совместно характеризуют систему 1, а домены принятия и связанности совместно — систему 2. Эмпирические свидетельства поддерживают теоретические представления о четырехмерном устройстве МИМ (Дорфман, Зубакин, 2008; Dorfman, Ogorodnikova, 2007).

Психические явления внутри систем и на их пересечении

В структурном плане МИМ распадается на относительно независимые домены (см. предыдущий параграф). В каузальном же плане встает вопрос о том, до какой степени МИМ может быть интегрированным. При такой постановке вопроса в анализ

включаются два режима функционирования систем 1 и 2: параллельный и пересекающийся. При каких условиях вступает в действие тот или иной режим, пока не ясно, но можно попытаться приблизиться к пониманию параллельности и пересекаемости систем в МИМ. Этот вопрос является важным не только в аспекте изучения и понимания особенностей функционирования систем, но и в аспекте анализа психических явлений внутри систем и на их пересечении.

Параллельный режим

Как известно, в евклидовой геометрии параллельными называют прямые, которые лежат в одной плоскости и не пересекаются. Употребляя термин параллельности, мы имеем в виду тот случай, когда системы 1 и 2 не пересекаются и лежат в разных плоскостях. Непересечение — это раздельное существование систем 1 и 2 по их происхождению: внутренних источников детерминации системы 1 и внешних источников детерминации системы 2. Разные источники детерминации локализуются в разных «местах» и имеют разную природу. Соответственно внутренние (в системе 1) и внешние (в системе 2) психологические причины тоже расходятся, а квазикаузальные процессы имеют разные источники и противоположные направления.

С этих позиций психические явления внутри каждой системы можно трактовать как *гомогенные*, или *однородные*, по критерию их происхождения. Скажем, понятие мотива как побуждения является

гомогенным (однородным) в смысле его общего (внутреннего) источника происхождения. Понятие мотива как предмета тоже является гомогенным (однородным), но в смысле его общего (внешнего) источника происхождения.

Конечно, в МИМ между системами 1 и 2 могут быть переходы, возникать взаимосвязи и взаимодействия, скажем, в формах координации или конфликта. Они могут находиться в состоянии согласия, компромисса или соперничества за преобладание в МИМ. Все эти примеры, однако, не отменяют тот факт, что исходно системы 1 и 2 функционируют независимо и параллельно, а психические явления в каждой из них сохраняют гомогенность.

Режим пересечения

С.Л. Рубинштейн (2003) исходил из того, что существуют особые «точки», некое общее пространство, в котором разные причины перекрещиваются. Вспомним вновь геометрическую метафору У. Джеймса (James, 1904/1976): две прямые исходно независимы, но точка их пересечения относится как к одной, так и к другой прямой. Теперь метафора У. Джеймса иллюстрирует не столько расхождения психических явлений по системам 1 и 2, сколько возможность их пересечения. Системы 1 и 2 (и психические явления в них) могут пересекаться, несмотря на то, что остаются независимыми по происхождению и направлению квазикаузальных процессов в них.

Как можно понимать пересечение систем 1 и 2? Пересекаясь, они не сливаются, но в каких-то аспектах,

возможно, перекрывают друг друга. Тогда появляется зона взаимного покрытия, и она может иметь особенности, общие для систем 1 и 2. Базовое предположение состоит в том, что в зоне взаимного покрытия системы 1 и 2 имеют некоторую область *общего*. В связи с этим встает также вопрос об особом классе психических явлений, находящихся на пересечении обеих систем и испытывающих на себе их совместные воздействия. Такого рода явления можно обозначить (по происхождению) как *гетерогенные*, или с *двойными качествами*. Понимание мотива, взятого в рамках системы 1 (побуждение) и системы 2 (предмет) совместно, приводит к его толкованию как психического явления с двойными качествами. Более того, не исключено, что разные стороны мотива (побуждение и предмет) в какой-то степени стыкуются, и в зоне их взаимного покрытия открываются особенности, общие для понимания мотива и как побуждения, и как предмета. Это «третье» значение мотива. Оно является более общим (в сравнении с его отдельными сторонами) и интегральным. «Третье» значение мотива обнаруживается при условии, что он рассматривается как психическое явление с двойными качествами.

В примере с мотивом выражается положение о двойственности качественной определенности источников детерминации, появляющихся на их основе двойных системах и психических явлениях с двойными качествами в МИМ. Существенно, что возможен перевод данного положения в план эмпирических исследований. Так, можно строить модели,

основанные на оценивании совместных воздействий факторов внутренней и внешней детерминации (или производных от них конструктов) на одно и то же психическое явление с помощью линейных структурных уравнений. Если обнаруживаются значимые вклады факторов внутренней и внешней детерминации в одно и то же психическое явление, значит, последнее можно толковать как имеющее в какой-то степени двойные качества.

Метаиндивидуальные схемы исследования могут носить, конечно, и более сложный характер. Так, в модели могут включаться не одно, а несколько психических явлений, скажем, креативное мышление и вера в интуицию (Дорфман, Бутакова, 2015). При этом тестируется роль опосредующих звеньев между ними. Рассматриваются коррелирующие и не коррелирующие вклады факторов внутренней и внешней детерминации в психическое явление. Действия факторов внутренней и внешней детерминации на психическое явление могут изучаться не только одновременно, но и последовательно, в том числе с учетом кольцевых взаимодействий этих факторов (о кольцевых зависимостях между психическими свойствами и деятельностью человека см.: Мерлин, 1978; Рубинштейн, 2003). Еще более сложной является модель, в которой изменения психических явлений рассматриваются как результат действия факторов внутренней и внешней детерминации, развертывающихся в цепи (двойные цепи) с включением ряда опосредующих звеньев.

Положение о психических явлениях с двойными качествами

неоднократно подвергалось эмпирическому тестированию на различном материале. Установлено, что к психическим явлениям с двойными качествами можно отнести Я-концепцию как полимодальное Я (Дорфман, 2004), креативное мышление (Дорфман, 2007), эмоциональные предпочтения (Дорфман, 1997; Дорфман, Токарева, 2013), дисциплинированность (Дорфман, Лядов, 2015).

Общая область систем

Тема пересечения систем 1 и 2 неизбежно приводит к постановке вопроса об интеграции двойных качеств психических явлений в нечто «третье» — в область, общую для обоих качеств психических явлений, или более широко — в область, общую для систем 1 и 2. Обычно такого класса задачи решаются путем установления взаимосвязей переменных с помощью корреляционного, факторного анализа, многомерного шкалирования и т.п. Так устанавливается только внутренняя структура общего. Собственно же общее для систем 1 и 2, так сказать, его (общего) *внешняя* структура, остается нераскрытой, в подтексте скорее полагается, чем прямо измеряется (см.: Дорфман, 2015).

Проблема начинается с того, как понимать общее, как его операционализовать, измерять и представить общее у нескольких переменных в виде отдельной количественной переменной.

Следуя И. Канту (2006), можно сказать, что общее — это то, что сходно у систем 1 и 2, при этом они остаются разными и продолжают существовать по отдельности. Мы

обращаем внимание на формально-логический закон обратного соответствия между содержанием и объемом понятия. Общее имеет больший объем, чем частное. Это значит, что объем общего у систем 1 и 2, взятых совместно, должен быть больше объема систем 1 и 2, взятых по отдельности.

В эмпирическом плане, общее — это область пересечения переменных систем 1 и 2 («общие» переменные), а частное образуют области, в которых переменные систем 1 и 2 не пересекаются («дискриминантные» переменные). «Общие» и «дискриминантные» переменные не смешиваются, а разводятся на две разные подгруппы. Объем понятия общего у переменных систем 1 и 2, взятых совместно, должен быть больше объема переменных систем 1 и 2, взятых по отдельности. Заметим, что речь идет не о корреляциях переменных. Корреляция, как известно, выражает степень сопряженных изменений переменных. Это мера их связи, но не обязательно их сходства. Корреляции не дают ответа на вопрос о подобии переменных, о том, что у них общее. Кроме того, нужно иметь в виду, что в разных контекстах понятия «общих» и «дискриминантных» переменных могут меняться местами, т.е. они являются относительными и имеют смысл при сопоставлении друг с другом в определенном концептуальном ключе.

Можно ли операционализовать понятия «общих» и «дискриминантных» переменных у систем 1 и 2? Мы предлагаем использовать для этого критерий вариативности (о вариативности см.: Дорфман, Балева, 2014). Размах вариативности может

служить маркером понятия объема переменных. Чем выше размах вариативности между переменными, тем более вероятно, что они составляют общую область пересечения систем 1 и 2. И наоборот, у переменных, относящихся к каждой системе по отдельности («дискриминантных» переменных), размах вариативности должен быть меньше размаха вариативности «общих» переменных. Пожалуй, В. Штерн (1998) был первым, кто попытался связать общее с размахом вариативности. Но он не довел свой замысел до уровня эмпирической верификации.

Мы попытались восполнить образовавшийся здесь пробел в рамках концепции МИМ и путем применения специальной процедуры. В результате ряда пилотажных исследований был установлен один из возможных алгоритмов определения «общих» и «дискриминантных» переменных.

(1) С позиций определенной концепции (или нескольких концепций) ставится задача выделить из заданного набора «общие» и «дискриминантные» переменные.

(2) Отобранные переменные подвергаются эксплораторному однофакторному анализу. Он позволяет эмпирически выразить идею общего в терминах фактора и доли объяснимой дисперсии, которая падает на него. Попутно заметим, что понятие фактора — это объяснительный конструкт; его невозможно конвертировать в количественную переменную для применения в статистических расчетах совместно с иными количественными переменными.

(3) В поисках наибольшего размаха вариативности выделяются

несколько переменных с высокими факторными весами и несколько переменных с низкими факторными весами. Переменные должны относиться как к системе 1, так и к системе 2. Затем оценивается размах вариативности между соответствующими переменными. Высокие и низкие факторные веса указывают на переменные, размах вариативности между которыми полагается наиболее широким («общие» переменные). Размах вариативности между переменными со средними факторными весами полагается более узким («дискриминантные» переменные).

(4) Размах вариативности переменных оценивается с использованием стандартных отклонений (по строкам, а не столбцам); затем создаются новые переменные, составленные из индивидуальных значений стандартных отклонений.

(5) Переменные систем 1 и 2, между которыми больший размах вариативности (в сравнении с переменными, между которыми меньший размах вариативности), являются кандидатами на роль «общих» переменных. Они характеризуют область пересечения систем 1 и 2. «Дискриминантными» (относящимися к каждой системе по отдельности) являются переменные, между которыми размах вариативности меньше, чем размах вариативности «общих» переменных. Верификация «общих» и «дискриминантных» переменных опять-таки производится по вариативности. Ее размах должен быть статистически большим у «общих» переменных, чем у «дискриминантных» переменных. В случае же отсутствия значимых различий между ними нет оснований выделять и различать

«общие» и «дискриминантные» переменные.

Удивление может вызвать большее сходство «дискриминантных» переменных (вариативность уже) в сравнении с различиями, более выраженными у «общих» переменных (вариативность шире). В рамках нашего подхода сужение вариативности «дискриминантных» переменных указывает на их локальность, поскольку они образуют «узкие» подгруппы в силу отношения либо к системе 1, либо к системе 2. Широкий размах между «общими» переменными, наоборот, свидетельствует об их более крупном масштабе в сравнении с размахом «дискриминантных» переменных, поскольку «общие» переменные пересекают системы 1 и 2.

Размах вариативности «общих» переменных сравнивался с размахом вариативности «дискриминантных» переменных на материале Я-концепции (полимодального Я) и дисциплинированности. Было установлено, что субмодальности Я могут рассматриваться как своеобразные проекции систем 1 и 2 в МИМ (Дорфман, Зубакин, 2008). В то же время размах вариативности переменных полимодального Я в целом («общие» переменные) был значимо больше размаха вариативности переменных ее отдельных субмодальностей («дискриминантные» переменные). Этот результат можно рассматривать как эмпирическое свидетельство в пользу того, что общей областью пересечения систем 1 и 2 может служить полимодальное Я в целом. С помощью структурных линейных уравнений были установлены значимые вклады «общих»

переменных в «дискриминантные» переменные как системы 1, так и системы 2 (Дорфман, 2016). Эти результаты поддерживают наши представления о том, что общая область пересечения включает переменные обеих систем и может влиять на переменные, относящиеся к каждой системе по отдельности. На материале дисциплинированности были получены сходные данные. Были выделены социальная, самодисциплинированность, общая дисциплинированность. По критерию вариативности в социальную дисциплинированность вошли переменные ориентации на результат и социальных мотивов («дискриминантные» переменные), в самодисциплинированность — переменные принятия ответственности на себя и осмысленности («дискриминантные» переменные), в общую дисциплинированность — переменные сознательности, строгости к себе и послушания с детства («общие» переменные). Опять-таки, были установлены значимые вклады переменных общей дисциплинированности в переменные самодисциплинированности и социальной дисциплинированности (Дорфман, Лядов, 2015). И вновь эти результаты поддерживают наши представления о том, что общая область пересечения включает переменные обеих систем и может влиять на переменные, относящиеся к каждой системе по отдельности.

Как можно понимать общую область пересечения систем 1 и 2 в терминах каузальности? Предположительно «общие» переменные указывают на их потенциал выступать кандидатами на роль факторов самодетерминации. Ее задача просматривается в

том, чтобы регулировать и контролировать действия внутренних и внешних причин. Действительно, благодаря общей области индивидуальность может обеспечивать интеграцию и координацию функционирования систем 1 и 2, включая сдерживание или усиление одной из них или обеих.

Вершины целого

Общая область пересечения систем 1 и 2 анализировалась в предыдущем параграфе. Действительно, эмпирические данные поддерживают идею пересечения систем 1 и 2 и существование общей области в зоне их пересечения.

Вместе с тем можно предположить, что подызмерения систем 1 и 2 также пересекаются, т.е. имеют общие области. В качестве подызмерений индивидуальности были выделены домены авторства (относится к системе 1) и связанности (относится к системе 2). Мы предсказываем наличие у них общей области. Возможно, авторство и связанность объединяются в составе чего-то более крупного и общего на правах его отдельных компонентов. Скорее всего, это будет психическое явление (или явления) с двойными качествами. Пока вопрос о таком общем явлении остается открытым.

Кроме того, в качестве подызмерений ближнего окружения были выделены домены принятия (относится к системе 2) и обладания (относится к системе 1). Опять-таки, мы предсказываем наличие у них общей области. Возможно, принятие и обладание объединяются в составе чего-то более крупного и общего на правах его отдельных компонентов.

И вновь, скорее всего, это будет психическое явление (или явления) с двойными качествами. Пока вопрос о таком общем явлении тоже остается открытым.

Таким образом, речь может идти об общих областях на пересечении систем 1 и 2, а также об общих областях, по меньшей мере, для доменов индивидуальности и доменов ближнего окружения.

На наш взгляд, можно осуществить переход от понятия общего к понятию целого. Эти три общие области можно рассматривать маркерами целого. Оно классифицируется по локусу, уровням обобщения и абстракции. Наиболее крупным является целое, которое собирает вместе и объединяет системы 1 и 2. Целое здесь характеризует МИМ как таковой. Обозначим его термином «МИМ как целое». На более низких уровнях обобщения и абстракции обнаруживается целое, которое собирает вместе и объединяет подызмерения индивидуальности — домены авторства и связанности. Обозначим его термином «индивидуальность как целое». В свою очередь, на противоположном полюсе МИМ появляется целое, которое собирает вместе и объединяет подызмерения ближнего окружения — домены принятия и обладания. Обозначим его термином «ближнее окружение как целое».

Судя по всему, целое можно разложить на уровни. Наиболее высоким является уровень МИМ как целого (высокая степень обобщения и абстракции), а более низкими являются уровни индивидуальности как целого и ближнего окружения как целого (менее высокая степень обобщения и абстракции). Каждая

разновидность целого вносит свой вклад в интеграцию МИМ. Полную же его интеграцию совместно обеспечивают все разновидности целого.

В конечном итоге МИМ можно представить как многовершинную полисистему, в которой человек в своем МИМ как целом способен переключаться с индивидуальности как целого на ближнее окружение как целое и в обратном направлении. Это может быть связано с самодетерминацией (ср.: Nagé, 1979).

Заключение

Понятием МИМ описывается особый класс психических явлений, в которых их внутренняя (интракорпоральная) и внешняя (экстракорпоральная) стороны, обособление и объединение существуют в единстве. Концепция МИМ разрабатывается с позиций полисистемного подхода и полидетерминации, которые позволяют выделить в МИМ две системы — 1 и 2. В них входят индивидуальность и ее ближнее окружение, а между ними разворачивается психологический квазикаузальный процесс, но в противоположных направлениях в разных системах, если их сравнивать между собой.

Также был раскрыт потенциал полисистемного подхода и полидетерминации для понимания структуры МИМ. Предлагается идея многомерного устройства МИМ. В нем выделяются четыре относительно самостоятельных домена: авторство, обладание, принятие, связанность. При этом система 1 включает домены авторства и обладания, система 2 — домены принятия и связанности. Предположительно системы 1 и 2

существуют в параллельном режиме, а психические явления в них трактуются как гомогенные, или однокачественные. Кроме того, эти системы могут пересекаться. На их пересечении возникают иного класса психические явления. Они обозначаются как гетерогенные, или с двойными качествами, поскольку испытывают на себе влияния обеих систем.

Специальное внимание было уделено вопросу пересечения систем 1 и 2. Пересекаясь, они не сливаются, но в каких-то аспектах связаны между собой. Так появляется зона взаимного покрытия, и она может иметь особенности, общие для систем 1 и 2. Также полагаются области пересечения для доменов индивидуальности и области пересечения для доменов ближнего окружения.

Предлагается осуществить переход от понятия общего к понятию целого, а общие области рассматривать маркерами целого. Целое классифицируется по локусу, уровням обобщения и абстракции. Соответственно выделяются МИМ как целое, индивидуальность как целое, ближнее окружение как целое.

В конечном итоге МИМ представлен как многовершинная полисистема, в которой человек в своем МИМ как целом способен переключаться с индивидуальности как целого на ближнее окружение как целое и в обратном направлении. Это может быть связано с самодетерминацией.

Можно наметить некоторые перспективы дальнейших исследований. Желательно определить условные границы МИМ, отличия ближнего окружения от «отдаленного» социального окружения, внятные критерии для введения различий между

ними. Также следует продолжить поиск психических явлений с двойными качествами. Кроме того, было бы интересно изучить вклады психи-

ческих явлений с двойными качествами в образование целого как на уровне МИМ, так и на уровне индивидуальности и ее ближнего окружения.

Литература

- Абульханова, К. А. (2000). С.Л. Рубинштейн — ретроспектива и перспектива. В кн. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин (Ред.), *Проблема субъекта в психологической науке* (с. 13–26). М.: Академический Проект.
- Абульханова, К. А. (2012). *Развитие психологии в системе комплексного человекознания* (ч. 1). М.: Институт психологии РАН.
- Айзенк, Г. (1999). *Структура личности*. М.: КСП+/Ювента.
- Айзенк, Г. (2000). Объективность эстетических суждений и их закономерности. В кн. Л. Дорфман, К. Мартиндейл, В. Петров, П. Махотка, Д. Леонтьев, Дж. Купчик (Ред.), *Творчество в искусстве — искусство творчества* (с. 298–324). М.: Наука/Смысл.
- Асмолов, А. Г. (2007). *Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека* (3-е изд., испр. и доп.). М.: Академия/Смысл.
- Барабанчиков, В. А. (2007). Системный подход в структуре психологического познания. *Методология и история психологии*, 2(1), 86–99.
- Блауберг, И. В., Садовский, В. Н., Юдин, Э. Г. (1970). Системный подход в современной науке. В кн. И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин (Ред.), *Проблемы методологии системного исследования* (с. 7–48). М.: Мысль.
- Блауберг, И. В., Юдин, Э. Г. (1973). *Становление и сущность системного подхода*. М.: Наука.
- Брушлинский, А. В. (1994). *Проблемы психологии субъекта*. М.: Институт психологии РАН.
- Выготский, Л. С. (1986). *Психология искусства* (3-е изд.). М.: Искусство.
- Вяткин, Б. А. (2007). *Лекции по психологии интегральной индивидуальности*. Москва/Воронеж: Издательство Московского психолого-социального института/НПО «МОДЭК».
- Вяткин, Б. А. (2008). *Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека*. М.: МПСИ.
- Вяткин, Б. А. (2015). Индивидуальность человека как предмет интегрального исследования. *Интегративная перспектива в гуманитарных науках*, 1, 36–44.
- Вяткин, Б. А., Шукин, М. Р. (2013). *Психология стилей человека*. Пермь: Книжный мир.
- Дергачева, О. Е., Дорфман, Л. Я., Леонтьев, Д. А. (2008). Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций. *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*, 3, 91–106.
- Деркач, А. А., Сайко, Э. В. (2008). Субъектность субъекта в акмеологическом развитии и проблемы его субъектного самоосуществления. *Мир психологии*, 3, 205–219.
- Дорфман, Л. Я. (1993). *Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы*. М.: Смысл.
- Дорфман, Л. Я. (1997). *Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования*. М.: Смысл.
- Дорфман, Л. Я. (2004). Я-концепция: дифференциация и интеграция. В кн. Л. Я. Дорфман (Ред.), *Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность* (с. 96–123). М.: Смысл.
- Дорфман, Л. Я. (2006). Концепция метаиндивидуального мира: современное состояние. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 3(3), 3–34.

- Дорфман, Л. Я. (2007). Метаиндивидуальная и полимодальная модели креативности. В кн. В. М. Петров, А. В. Харуто (Ред.), *Информация, время, творчество* (с. 73–79). М.: Государственный институт искусствознания/Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского.
- Дорфман, Л. Я. (2008). Методологический анализ теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина. *Методология и история психологии*, 3(3), 106–121.
- Дорфман, Л. Я. (2010). Метаиндивидуальный мир: концепция, приложения, эмпирические свидетельства. *Вестник Пермского государственного педагогического университета. Сер. 1. Психология*, 1–2, 30–51.
- Дорфман, Л. Я. (2012). Эмпирическая парадигма в психологической науке. В кн. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич (Ред.), *Парадигмы в психологии: науковедческий анализ* (с. 335–379). М.: Институт психологии РАН.
- Дорфман, Л. Я. (2014а). Каузальный плюрализм и психология. *Мир психологии*, 3(79), 220–236.
- Дорфман, Л. Я. (2014б). Каузальный плюрализм и психология (окончание). *Мир психологии*, 4(80), 230–246.
- Дорфман, Л. Я. (2015). К вопросу диагностики количественных признаков общего в переменных. В кн. Н. А. Батурин (Ред.), *Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса* (т. 1, с. 125–129). Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ.
- Дорфман, Л. Я. (2016, в печати). Общие и дискриминантные переменные полимодального Я. *Интегративная перспектива в гуманитарных науках*, 2.
- Дорфман, Л. Я., Балева, М. В. (2014). Взаимосвязь креативности и вариативности. *Психологический журнал*, 35(2), 57–67.
- Дорфман, Л. Я., Бутакова, А. А. (2015). Вклады веры в интуицию и логического мышления в креативное мышление. В кн. *Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Я.А. Пономарева, ИП РАН, 24–25 сентября 2015 г.* (с. 149–152). М.: Издательство «Институт психологии РАН».
- Дорфман, Л. Я., Зубакин, М. В. (2008). Новые данные об эмпирических референтах областей метаиндивидуального мира. В кн. Б. А. Вяткин (Ред.), *XXIII Мерлинские чтения: «Активность — индивидуальность — субъект»* (с. 35–37). Пермь: Пермский государственный педагогический университет.
- Дорфман, Л. Я., Лядов, В. Н. (2015). Метаиндивидуальная модель дисциплинированности (на материале исследования курсантов военного вуза МВД). *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*, 8(1), 17–28.
- Дорфман, Л. Я., Рябикова, М. В., Гольдберг, И. М., Быков, А. Н., Ведров, А. А. (2000). Новая версия Пермского вопросника Я. В кн. Е. А. Малянов, Л. А. Шипицина, Л. Я. Дорфман, С. И. Корниенко, К. Мартиндейл (Ред.), *Творчество в образовании, культуре, искусстве* (с. 179–183). Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры.
- Дорфман, Л. Я., Савинкин, П. И. (2012). Оценки сержантами особенностей личности офицеров и курсантов (на материале военных институтов внутренних войск МВД РФ). *Образование и общество*, 5(76), 50–54.
- Дорфман, Л. Я., Токарева, Г. В. (2013). Эмоциональные предпочтения и полимодальное Я музыканта-исполнителя. *Филология и культура/Philology and Culture*, 1(31), 235–241.
- Дробышева-Разумовская, Л. И., Дорфман, Л. Я., Вяткин, Б. А., Петров, В. М., Зубарева, Н. Б. (2015). Об интегративной перспективе в гуманитарных науках. *Интегративная перспектива в гуманитарных науках*, 1, 10–20.

- Дубов, И. Г. (1991). Эффекты индивидуально-специфического влияния личности педагога на учащихся. *Вопросы психологии*, 3, 56–65.
- Ильин, Е. П. (2002). *Мотивация и мотивы*. СПб.: Питер.
- Кант, И. (2006). *Критика чистого разума*. М.: Эксмо.
- Корниенко, А. А. (2008). Интегративные тенденции в западной философии науки: к поиску оснований общей теории науки. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 3(4), 34–39.
- Корнилова, Т. В. (2006). Экспериментальный метод как путь к причинному объяснению в психологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 3(2), 3–22.
- Корнилова, Т. В., Смирнов, С. Д. (2008). *Методологические основы психологии*. СПб.: Питер.
- Крупенин, А. Л., Крохина, И. М. (1995). *Эффективный учитель. Практическая психология для педагогов*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Кузьмин, В. П. (1982а). Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода. *Психологический журнал*, 3(3), 3–14.
- Кузьмин, В. П. (1982б). Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода: (Окончание). *Психологический журнал*, 3(4), 3–13.
- Леонтьев, А. Н. (1971). *Потребности, мотивы и эмоции*. М.: Изд-во Московского университета.
- Леонтьев, А. Н. (2001). *Лекции по общей психологии*. М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (1992). Жизненный мир человека и проблема потребностей. *Психологический журнал*, 13(2), 107–120.
- Леонтьев, Д. А. (2000). Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности. *Психологический журнал*, 21(1), 15–25.
- Леонтьев, Д. А. (2001). Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира. В кн. Д. А. Леонтьев, Е. С. Мазур, А. И. Сосланд (Ред.), *1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии* (с. 100–109). М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2006). Личностный потенциал как потенциал саморегуляции. В кн. Б. С. Братусь, Е. Е. Соколова (Ред.), *Ученые записки кафедры общей психологии МГУ* (вып. 2, с. 85–105). М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2011). Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному. *Вопросы психологии*, 1, 3–27.
- Ломов, Б. Ф. (1984). *Методологические и теоретические проблемы психологии*. М.: Наука.
- Мерлин, В. С. (1971). *Лекции по психологии мотивов человека*. Пермь: Пермское книжное изд-во.
- Мерлин, В. С. (1978). Деятельность как опосредующее звено в связи разноуровневых свойств индивидуальности. В кн. В. С. Мерлин (Ред.), *Проблемы интегрального исследования индивидуальности* (вып. 2, с. 15–40). Пермь: Пермский государственный педагогический институт.
- Мерлин, В. С. (1986). *Очерк интегрального исследования индивидуальности*. М.: Педагогика.
- Моросанова, В. И. (2007). Индивидуальная саморегуляция и характер человека. *Вопросы психологии*, 3, 59–68.
- Небылицын, В. Д. (1990). *Избранные психологические труды*. М.: Педагогика.
- Осницкий, А. К. (2007). *Регуляция деятельности и направленность личности*. М.: Изд-во Московского экономико-лингвистического института.
- Петров, В. М., Мажуль, Л. А. (2014). Исследования креативности: экспансия интегративной тенденции (по материалам осенних научно-практических конференций). *Мир психологии*, 1(77), 267–273.
- Петровский, А. В., Петровский, В. А. (1982). Индивид и его потребность быть личностью. *Вопросы философии*, 3, 44–54.

- Петровский, В. А. (1981а). К пониманию личности в психологии. *Вопросы психологии*, 2, 40–46.
- Петровский, В. А. (1981б). Проблемы психологии личности в свете идей Л.С. Выготского. В кн. *Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология: Тезисы докладов Всесоюзной конференции* (с. 122–125). М.
- Петровский, В. А. (1985). Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности. *Вопросы психологии*, 4, 17–40.
- Петровский, В. А. (1997). Очерк теории свободной причинности. В кн. Д. А. Леонтьев, В. Г. Щур (Ред.), *Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии* (с. 124–144). М.: Смысл.
- Петровский, В. А. (2009). *Логика «Я»: персонологическая перспектива*. Самара: Изд-во САМГУ.
- Петровский, В. А. (2013). «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Петровский, В. А., Гуренкова, И. П. (1985). Новая модификация фрустрационного метода. В кн. *Личность в общении и деятельности: Межвузовский сборник научных трудов* (с. 37–43). Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова.
- Петровский, В. А., Кузьмина, Е. И. (1988). Надситуативная активность и ее исследование в детском возрасте. В кн. *Личность и межличностные отношения в коллективе* (с. 105–110). Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова.
- Петровский, В. А., Старовойтенко, Е. Б. (2012). Наука личности: четыре проекта общей персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 21–39.
- Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. СПб.: Питер.
- Толочек, В. А. (2013). *Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ*. М.: Институт психологии РАН.
- Ушаков, Д. В. (2006). Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа. В кн. Д. В. Ушаков (Ред.), *Психология творчества: школа Я.А. Пономарева* (с. 19–142). М.: Институт психологии РАН.
- Хекхаузен, Х. (2001). *Психология мотивации достижения*. М.: Речь.
- Шадриков, В. Д. (2013). *Психология деятельности человека*. М.: Институт психологии РАН.
- Штерн, В. (1998). *Дифференциальная психология и ее методические основы*. М.: Наука.
- Юревич, А. В. (2007). Парадигмы в психологии. *Методология и история психологии*, 2, 3–17.
- Юревич, А. В. (2012). Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии. В кн. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич (Ред.), *Парадигмы в психологии: науковедческий анализ* (с. 13–33). М.: Институт психологии РАН.
- Alessi, G. (1992). Models of proximate and ultimate causation in psychology. *American Psychologist*, 47(11), 1359–1370. doi:10.1037/0003-066X.47.11.1359
- Almstrom, C. (2006). A three-worldview of System Justification Theory. *Journal of Scientific Psychology*, 9, 6–8.
- Avital, T. (2003). *Art versus nonart: Art out of mind*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Baker, T. V., Piper, M. E., McCarthy, D. E., Majeskie, M. R., & Fiore, M. C. (2004). Addiction motivation reformulated: An affective processing model of negative reinforcement. *Psychological Review*, 111(1), 33–51. doi:10.1037/0033-295X.111.1.33
- Bandura, A. (2002). Social cognitive theory in cultural context. *Applied Psychology*, 51(2), 269–290. doi:10.1111/1464-0597.00092
- Barry, C. M., & Wentzel, K. R. (2006). Friend influence on prosocial behavior: The role of motivational factors and friendship characteristics. *Developmental Psychology*, 42(1), 153–163. doi:10.1037/0012-1649.42.1.153

- Berlyne, D. E. (Ed.). (1974). *Studies in the new experimental aesthetics*. Washington, DC: Hemisphere. doi:10.2307/3344649
- Blatt, S. J. (2008). *Polarities of experience: Relatedness and self-definition in personality development, psychopathology, and the therapeutic process*. Washington, DC: American Psychological Association.
- Brewer, M. B. (2013). 25 years toward a multilevel science. *Perspectives on Psychological Science*, 8(5), 554–555. doi:10.1177/1745691613500996
- Burgoon, E. M., Henderson, M. D., & Markman, A. B. (2013). There are many ways to see the forest for the trees: A tour guide for abstraction. *Perspectives on Psychological Science*, 8(5), 501–520. doi:10.1177/1745691613497964
- Cameron, J., Pierce, W. D., Banko, K. M., & Gear, A. (2005). Achievement-based rewards and intrinsic motivation: A test of cognitive mediators. *Journal of Educational Psychology*, 97(4), 641–655. doi:10.1037/0022-0663.97.4.641
- Deci, E. L., Koestner, R., & Ryan, R. M. (1999). The undermining effect is a reality after all—extrinsic rewards, task interest, and self-determination. Reply to Eisenberg, Pierce, and Cameron and Lepper, Henderlong, and Gingras. *Psychological Bulletin*, 125(6), 692–700. doi:10.1037/0033-2909.125.6.692
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2012). Self-determination theory. In P. A. M. V. Lange, A. W. Kruglanski, & E. T. Higgins (Eds.), *Handbook of theories of social psychology* (Vol. 1, pp. 416–437). Thousand Oaks, CA: Sage. doi:10.4135/9781446201022
- Dorfman, L. (1995). Meta-individual world. *Studia Psychologica*, 37(4), 279–286.
- Dorfman, L., & Ogorodnikova, A. (2007). Plural self, plural achievement motives, and creative thinking. In L. Dorfman, C. Martindale, & V. Petrov (Eds.), *Aesthetics and innovation* (pp. 125–160). Cambridge, UK: Cambridge Scholars Press.
- Echterhoff, G. E., Higgins, T., & Levine, J. M. (2009). Shared reality: Experiencing commonality with others' inner states about the world. *Perspectives on Psychological Science*, 4(5), 496–521. doi:10.1111/j.1745-6924.2009.01161.x
- Eysenck, H. J. (1967). *The biological basis of personality*. Springfield, IL: Thomas.
- Fox, E., Russo, R., Bowles, R., & Dutton, K. (2002). Do threatening stimuli draw or hold visual attention in subclinical anxiety? *Journal of Experimental Psychology: General*, 130(4), 681–700. doi:10.1037/0096-3445.130.4.681
- Friedman, R. S., & Förster, J. (2005). Effects of motivational cues on perceptual asymmetry: Implications for creativity and analytical problem solving. *Journal of Personality and Social Psychology*, 88(2), 263–275. doi:10.1037/0022-3514.88.2.263
- Hall, N. (2000). Causation and the price of transitivity. *Journal of Philosophy*, 97, 198–222. doi:10.2307/2678390.
- Harré, R. (1979). *Social being: A theory for social psychology*. Oxford: Blackwell.
- Hausman, D. M. (1998). *Causal asymmetries*. New York: Cambridge University Press.
- Heidegger, M. (2005). *Introduction to phenomenological research*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Hofmann, W., Friese, M., & Strack, F. (2009). Impulse and self-control from a dual-systems perspective. *Perspectives on Psychological Science*, 4(2), 162–176. doi:10.1111/j.1745-6924.2009.01116.x
- James, K., & Eisenberg, J. (2004). Personal identity and group identity influences on algorithmic and original task performance. *Creativity Research Journal*, 16(1), 91–103. doi:10.1207/s15326934crj1601_9
- James, W. (1904/1976). *Does consciousness exist? Essays in radical empiricism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Magnusson, D. (2001). The holistic-interactionistic paradigm: Some directions for empirical developmental research. *European Psychologist*, 6, 153–162. doi:10.1027//1016-9040.6.3.153
- Martindale, C. (1980). Subelves. The internal representation of situational and personal dispositions. In L. Wheeler (Ed.), *Review of personality and social psychology* (Vol. 1, pp. 193–218). Beverly Hills, CA: Sage.
- McGuire, W. J. (2004). A perspectivist approach to theory construction. *Personality and Social Psychology Review*, 8(2), 173–182. doi:10.1207/s15327957pspr0802_11
- Mead, G. H. (1934). *Mind, self, and society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Mischel, W. (2009). Becoming a cumulative science. *Observer*, 22, 1.
- Mischel, W., & Shoda, Y. (1998). Reconciling processing dynamics and personality dispositions. *Annual Review of Psychology*, 49, 229–258. doi:10.1146/annurev.psych.49.1.229
- Pacini, R., & Epstein, S. (1999). The relation of rational and experiential information processing styles to personality, basic beliefs, and the ratio-bias phenomenon. *Journal of Personality and Social Psychology*, 76(6), 972–987. doi:10.1037/0022-3514.76.6.972
- Pervin, L. A. (2001). A dynamic systems approach to personality. *European Psychologist*, 6(3), 172–176. doi:10.1027//1016-9040.6.3.172
- Pierce, J. L., Kostova, T., & Dirks, K. T. (2003). The state of psychological ownership: Integrating and extending a century of research. *Review of General Psychology*, 7(1), 84–107. doi:10.1037/1089-2680.7.1.84
- Reiss, S. (2004). Multifaceted nature of intrinsic motivation: The theory of 16 basic desires. *Review of General Psychology*, 8(3), 179–193. doi:10.1027//1016-9040.6.3.172
- Salmon, W. (1998). *Causality and explanation*. New York: Oxford University Press.
- Sowden, P. T., Pringle, A., & Gabora, L. (2015). The shifting sands of creative thinking: Connections to dual process theory. *Thinking and Reasoning*, 21(1), 40–60. doi:10.1080/13546783.2014.885464
- Sternberg, R. J. (2003). Unify! *Monitor on Psychology*, 35(2), 5. doi:10.1037/e300052003-002
- Tay, L., & Diener, E. (2011). Needs and subjective well-being around the world. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(2), 354–365. doi:10.1037/a0023779
- Van der Weiden, A., Ruys, K. I., & Aarts, H. (2013). A matter of matching: How goals and primes affect self-agency experiences. *Journal of Experimental Psychology: General*, 142(3), 954–966. doi:10.1037/a0030079
- Witherington, D. C., & Crichton, J. A. (2007). Frameworks for understanding emotions and their development: Functionalist and dynamic systems approaches. *Emotion*, 7(3), 628–637. doi:10.1037/1528-3542.7.3.628
- Zuckerman, M. (2007). Sensation seeking. In M. Zuckerman, *Sensation seeking and risky behavior* (pp. 3–49). Washington, DC: American Psychological Association.

Дорфман Леонид Яковлевич – заведующий кафедрой психологии и педагогики Пермского государственного института культуры, доктор психологических наук, профессор.
Контакты: dorfman07@yandex.ru

The Causal Pluralism and Holism in the Meta-Individual World Theory

Leonid Ya. Dorfman^a

^a Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda Str., Perm, 614000, Russian Federation

Abstract

The current study was intended to present a current version of the meta-individual world (MIW) theory developed by Dorfman. Its core is the dual-system model. According to it, two systems are specified, namely, System 1 and System 2. One of the systems (System 1) unifies the personality and its closer social setting. Within this system, the personality extends to its closer social setting, making changes in it. Thus, the personality occupies the primary position and the closer social setting occupies the secondary position. This system carries a connection of the closer social setting to the personality. The other system (System 2) also connects the closer social setting to the personality, but in the opposite direction. Within this system, the closer social setting extends to the personality, making changes in it. Here, the closer social setting occupies the primary position and the personality occupies the secondary position. The two systems are distinct, operate in their own right and are relatively independent from one another, although they hold a common personal and social ground. Respectively, two kinds of phenomena are specified, namely, within each system and those under influence of the both systems. Thus, the latter brings dual qualities. In addition, a structuralist view is employed; it is shown on the lines of multidimensionality, namely, agency, possession, perspective-taking, and relatedness.

Keywords: meta-individual world, causal pluralism, holism, dual-system model, phenomena with one quality, phenomena with dual qualities.

References

- Abulkhanova, K. A. (2000). S.L. Rubinshtein – retrospektiva i perspektiva [S.L. Rubinstein – retrospective and perspective]. In A. V. Brushlinskii, M. I. Volovikova, V. N. Druzhinin (Eds.), *Problema sub"ekta v psikhologicheskoi nauke* [The problem of subject in psychological science] (pp. 13–26). Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Abulkhanova, K. A. (2012). *Razvitie psikhologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya* [Development of psychology in the system of complex human studies] (Pt. 1). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Alessi, G. (1992). Models of proximate and ultimate causation in psychology. *American Psychologist*, 47(11), 1359–1370. doi:10.1037/0003-066X.47.11.1359
- Almstrom, C. (2006). A three-worldview of System Justification Theory. *Journal of Scientific Psychology*, 9, 6–8.
- Asmolov, A. G. (2007). *Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Personality psychology: Cultural-historical understanding of development of man]. Moscow: Akademiya/Smysl.

- Avital, T. (2003). *Art versus nonart: Art out of mind*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Baker, T. B., Piper, M. E., McCarthy, D. E., Majeskie, M. R., & Fiore, M. C. (2004). Addiction motivation reformulated: An affective processing model of negative reinforcement. *Psychological Review*, *111*(1), 33–51. doi:10.1037/0033-295X.111.1.33
- Bandura, A. (2002). Social cognitive theory in cultural context. *Applied Psychology*, *51*(2), 269–290. doi:10.1111/1464-0597.00092
- Barabanshchikov, V. A. (2007). Sistemnyi podkhod v strukture psikhologicheskogo poznaniya [Systemic approach in the structure of psychological cognition]. *Methodology and History of Psychology*, *2*(1), 86–99.
- Barry, C. M., & Wentzel, K. R. (2006). Friend influence on prosocial behavior: The role of motivational factors and friendship characteristics. *Developmental Psychology*, *42*(1), 153–163. doi:10.1037/0012-1649.42.1.153
- Berlyne, D. E. (Ed.). (1974). *Studies in the new experimental aesthetics*. Washington, DC: Hemisphere. doi:10.2307/3344649
- Blatt, S. J. (2008). *Polarities of experience: Relatedness and self-definition in personality development, psychopathology, and the therapeutic process*. Washington, DC: American Psychological Association.
- Blauberg, I. V., & Yudin, E. G. (1973). *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [The formation and the essence of systemic approach]. Moscow: Nauka.
- Blauberg, I. V., Sadovskii, V. N., & Yudin, E. G. (1970). Sistemnyi podkhod v sovremennoi nauke [Systemic approach in modern science]. In I. V. Blauberg, V. N. Sadovskii, & E. G. Yudin (Eds.), *Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya* [Issues of methodology of systemic research] (pp. 7–48). Moscow: Mysl'.
- Brewer, M. B. (2013). 25 years toward a multilevel science. *Perspectives on Psychological Science*, *8*(5), 554–555. doi:10.1177/1745691613500996
- Brushlinskii, A. V. (1994). *Problemy psikhologii sub"ekta* [Issues of psychology of subject]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Burgoon, E. M., Henderson, M. D., & Markman, A. B. (2013). There are many ways to see the forest for the trees: A tour guide for abstraction. *Perspectives on Psychological Science*, *8*(5), 501–520. doi:10.1177/1745691613497964
- Cameron, J., Pierce, W. D., Banko, K. M., & Gear, A. (2005). Achievement-based rewards and intrinsic motivation: A test of cognitive mediators. *Journal of Educational Psychology*, *97*(4), 641–655. doi:10.1037/0022-0663.97.4.641
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2012). Self-determination theory. In P. A. M. V. Lange, A. W. Kruglanski, & E. T. Higgins (Eds.), *Handbook of theories of social psychology* (Vol. 1, pp. 416–437). Thousand Oaks, CA: Sage. doi:10.4135/9781446201022
- Deci, E. L., Koestner, R., & Ryan, R. M. (1999). The undermining effect is a reality after all—extrinsic rewards, task interest, and self-determination. Reply to Eisenberg, Pierce, and Cameron and Lepper, Henderlong, and Gingras. *Psychological Bulletin*, *125*(6), 692–700. doi:10.1037/0033-2909.125.6.692
- Dergacheva, O. E., Dorfman, L. Ya., & Leontiev, D. A. (2008). Russian adaptation of the General Causality Orientation Scale. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, *3*, 91–106.
- Derkach, A. A., & Saiko, E. V. (2008). *Sub"ektnost' sub"ekta v akmeologicheskoy razvitiy i problemy ego sub"ektnogo samoosushchestvleniya* [Subjectivity of subject in acmeological development and problems of its subjective self-actualization]. *Mir Psikhologii*, *3*, 205–219.

- Dorfman, L. (1995). Meta-individual world. *Studia Psychologica*, 37(4), 279–286.
- Dorfman, L. Y., & Tokareva, G. V. (2013). Emotional preferences and the polymodal self-concept of a performing musician. *Filologiya i kul'tura/Philology and Culture*, 1(31), 235–241.
- Dorfman, L. Ya. (1993). *Metaindividual'nyi mir: metodologicheskie i teoreticheskie problemy* [Meta-individual world: Methodological and theoretical issues]. Moscow: Smysl.
- Dorfman, L. Ya. (1997). *Emotsii v iskusstve: teoreticheskie podkhody i empiricheskie issledovaniya* [Emotions in art: Theoretical approaches and empirical studies]. Moscow: Smysl.
- Dorfman, L. Ya. (2004). Ya-kontsepsiya: differentsiatsiya i integratsiya [Self-concept: Differentiation and integration]. In L. Ya. Dorfman (Ed.), *Integral'naya individual'nost', Ya-kontsepsiya, lichnost'* [Integral individuality: Self-concept, personality] (pp. 96–123). Moscow: Smysl.
- Dorfman, L. Ya. (2006). Conception of the metaindividual world: the state of the art. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 3(3), 3–34.
- Dorfman, L. Ya. (2007). Metaindividual'naya i polimodal'naya modeli kreativnosti [Metaindividual and polymodal models of creativity]. In V. M. Petrov & A. V. Kharuto (Eds.), *Informatsiya, vremya, tvorchestvo* [Information, time, creativity] (pp. 73–79). Moscow: State Institute for Art Studies/Moscow P.I. Tchaikovsky Conservatory.
- Dorfman, L. Ya. (2008). Metodologicheskii analiz teorii integral'noi individual'nosti V.S. Merlina [Methodological analysis of theories of integral individuality by V.S. Merlin]. *Methodology and History of Psychology*, 3(3), 106–121.
- Dorfman, L. Ya. (2010). Metaindividual'nyi mir: kontsepsiya, prilozheniya, empiricheskie svidetel'stva [Meta-individual world: conception, applications, empirical evidence]. *Vestnik Permskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya 1. Psikhologiya*, 1–2, 30–51.
- Dorfman, L. Ya. (2012). Empiricheskaya paradigma v psikhologicheskoi nauke [Empirical paradigm in psychological science]. In A. L. Zhuravlev, T. V. Kornilova, & A. V. Yurevich (Eds.), *Paradigmy v psikhologii: naukovedcheskii analiz* [Paradigms in psychology: scientific analysis] (pp. 335–379). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Dorfman, L. Ya. (2014a). Kauzal'nyi plyuralizm i psikhologiya [Causal pluralism and psychology]. *Mir Psikhologii*, 3(79), 220–236.
- Dorfman, L. Ya. (2014b). Kauzal'nyi plyuralizm i psikhologiya (okonchanie) [Causal pluralism and psychology (conclusion)]. *Mir Psikhologii*, 4(80), 230–246.
- Dorfman, L. Ya. (2015). K voprosu diagnostiki kolichestvennykh priznakov obshchego v peremennykh [On the diagnostics of quantitative attributes of the common in variables]. In N. A. Baturin (Ed.), *Sovremennaya psikhodiagnostika Rossii. Preodolenie krizisa* [Modern psychodiagnosics in Russia: Overcoming crisis] (Vol. 1, pp. 125–129). Chelyabinsk: South Ural State University.
- Dorfman, L. Ya., & Liadov, V. N. (2015). The meta-individual model of discipline (based on Cadets at the Military University of the Russian Internal Troops). *Bulletin of the South Ural State University. Seriya Psychology*, 8(1), 17–28.
- Dorfman, L. Ya., & Savinkin, P. I. (2012). Otsenki serzhantami osobennosti lichnosti ofitserov i kursantov (na materiale voennykh institutov vnutrennikh voisk MVD RF) [Evaluations by sergeants of personality characteristics of officers and cadets (on the material of military institutes of internal military troops of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)]. *Education and Society*, 5(76), 50–54.

- Dorfman, L. Ya., & Zubakin, M. V. (2008). Novye dannye ob empiricheskikh referentakh oblasti metaindividual'nogo mira [New data on empirical referents of domains of metaindividual world]. In B. A. Vyatkin (Ed.), *XXIII Merlinskie chteniya: "Aktivnost' – individual'nost' – sub"ekt"* [XXIII Merlin Readings: "Activity – Individuality – Subject"] (pp. 35–37). Perm: Perm State Pedagogical University.
- Dorfman, L. Ya., Ryabikova, M. V., Gol'dberg, I. M., Bykov, A. N., & Vedrov, A. A. (2000). Novaya versiya Permskogo voprosnika Ya [New version of perm questionnaire of self]. In E. A. Malyanov, L. A. Shipitsina, L. Ya. Dorfman, S. I. Kornienko, & C. Martindeil (Eds.), *Tvorchestvo v obrazovanii, kul'ture, iskusstve* [Creativity in education, culture, art] (pp. 179–183). Perm: Perm State Institute of Culture.
- Dorfman, L., & Baleva, M. V. (2014). Correlation between creativity and variability. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(2), 57–67.
- Dorfman, L., & Ogorodnikova, A. (2007). Plural self, plural achievement motives, and creative thinking. In L. Dorfman, C. Martindale, & V. Petrov (Eds.), *Aesthetics and innovation* (pp. 125–160). Cambridge, UK: Cambridge Scholars Press.
- Drobysheva-Razumovskaya, L. I., Dorfman, L. Ya., Vyatkin, B. A., Petrov, V. M., & Zubareva, N. B. (2015). On to integrative perspective in humanities. *Integrative Perspective in Humanities*, 1, 10–20.
- Dubov, I. G. (1991). Effekty individual'no-spetsificheskogo vliyaniya lichnosti pedagoga na uchashchikhsya [Effects of individual-specific influence of teacher's personality on students]. *Voprosy Psikhologii*, 3, 56–65.
- Echterhoff, G. E., Higgins, T., & Levine, J. M. (2009). Shared reality: Experiencing commonality with others' inner states about the world. *Perspectives on Psychological Science*, 4(5), 496–521. doi:10.1111/j.1745-6924.2009.01161.x
- Eysenck, H. J. (1967). *The biological basis of personality*. Springfield, IL: Thomas.
- Eysenck, H. J. (1999). *Struktura lichnosti* [The structure of personality]. Moscow: KSP+/Yuventa. (Transl. of: Eysenck, H. J. (1953). *The structure of human personality*. London: Mehtuen).
- Eysenck, H. J. (2000). Ob'ektivnost' esteticheskikh suzhdenii i ikh zakonmernosti [Objectivity of aesthetic judgments and their regularities]. In L. Dorfman, C. Martindeil, V. Petrov, P. Machotka, D. Leontiev, & G. Cupchik (Eds.), *Tvorchestvo v iskusstve – iskusstvo tvorchestva* [Creativity in art – the art of creativity] (pp. 298–324). Moscow: Nauka/Smysl.
- Fox, E., Russo, R., Bowles, R., & Dutton, K. (2002). Do threatening stimuli draw or hold visual attention in subclinical anxiety? *Journal of Experimental Psychology: General*, 130(4), 681–700. doi:10.1037/0096-3445.130.4.681
- Friedman, R. S., & Förster, J. (2005). Effects of motivational cues on perceptual asymmetry: Implications for creativity and analytical problem solving. *Journal of Personality and Social Psychology*, 88(2), 263–275. doi:10.1037/0022-3514.88.2.263
- Hall, N. (2000). Causation and the price of transitivity. *Journal of Philosophy*, 97, 198–222. doi:10.2307/2678390.
- Harré, R. (1979). *Social being: A theory for social psychology*. Oxford: Blackwell.
- Hausman, D. M. (1998). *Causal asymmetries*. New York: Cambridge University Press.
- Heckhausen, H. (2001). *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [The psychology of achievement motivation]. Moscow: Rech'. (Transl. of: Heckhausen, H. (1980). *Motivation und Handeln*. Lehrbuch der Motivationspsychologie. Berlin: Springer. (in German)).
- Heidegger, M. (2005). *Introduction to phenomenological research*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

- Hofmann, W., Friese, M., & Strack, F. (2009). Impulse and self-control from a dual-systems perspective. *Perspectives on Psychological Science*, 4(2), 162–176. doi:10.1111/j.1745-6924.2009.01116.x
- Il'in, E. P. (2002). *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. Saint Petersburg: Piter.
- James, K., & Eisenberg, J. (2004). Personal identity and group identity influences on algorithmic and original task performance. *Creativity Research Journal*, 16(1), 91–103. doi:10.1207/s15326934crj1601_9
- James, W. (1904/1976). *Does consciousness exist? Essays in radical empiricism* (pp. 3–19). Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kant, I. (2006). *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason] Moscow: Eksmo. (Transl. of: Kant, I. (1787). *Kritik der reinen Vernunft*. Zweite, hin und wieder verbesserte Auflage. Riga: Hartknoch. (in German)).
- Kornienko, A. A. (2008). Integrativnye tendentsii v zapadnoi filosofii nauki: k poisku osnovanii obshchei teorii nauki [Integrative tendencies in the Western philosophy of science: On search of grounds for the general theory of science]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 3(4), 34–39.
- Kornilova, T. V. (2006). Experimental method as a way towards causal explanation in psychology. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 3(2), 3–22.
- Kornilova, T. V., & Smirnov, S. D. (2008). *Metodologicheskie osnovy psikhologii* [Methodological foundations of psychology]. Saint Petersburg: Piter.
- Krupenin, A. L., & Krokhnina, I. M. (1995). *Effektivnyi uchitel'. Prakticheskaya psikhologiya dlya pedagogov* [Efficient teacher. Practical psychology for educators]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Kuz'min, V. P. (1982a). Istoricheskie predposylki i gnoseologicheskie osnovaniya sistemnogo podkhoda [Historical prerequisites and gnoseological grounds of systemic approach]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 3(3), 3–14.
- Kuz'min, V. P. (1982b). Istoricheskie predposylki i gnoseologicheskie osnovaniya sistemnogo podkhoda: (Okonchanie) [Historical prerequisites and gnoseological grounds of systemic approach (conclusion)]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 3(4), 3–13.
- Leontiev, A. N. (1971). *Potrebnosti, motivy i emotsii* [Needs, motives and emotions]. Moscow: Moscow University Press.
- Leontiev, A. N. (2001). *Lektsii po obshchei psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A. (1992). Zhiznennyi mir cheloveka i problema potrebnosti [Life-world of man and the problem of needs]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 13(2), 107–120.
- Leontiev, D. A. (2000). The psychology of freedom: Toward the investigation of person's self-determination. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 21(1), 15–25.
- Leontiev, D. A. (2001). Zhiznetvorchestvo kak praktika rasshireniya zhiznennogo mira [Life-creativity as a practice of widening of the life-world]. In D. A. Leontiev, E. S. Mazur, & A. I. Sosland (Eds.), *1-ya Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po ekzistentsial'noi psikhologii* [First All-Russian Applied Research Conference on Existential Psychology] (pp. 100–109). Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A. (2006). Lichnostnyi potentsial kak potentsial samoregulyatsii [Personality potential as potential of self-regulation]. In B. S. Bratus & E. E. Sokolova (Eds.), *Uchenye zapiski kafedry obshchei psikhologii MGU* [Scholarly notes of the Chair of General Psychology of Moscow State University] (Iss. 2, pp. 85–105). Moscow: Smysl.
- Lomov, B. F. (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical issues of psychology]. Moscow: Nauka.

- Magnusson, D. (2001). The holistic-interactionistic paradigm: Some directions for empirical developmental research. *European Psychologist*, 6, 153–162. doi:10.1027//1016-9040.6.3.153
- Martindale, C. (1980). Subelves. The internal representation of situational and personal dispositions. In L. Wheeler (Ed.), *Review of personality and social psychology* (Vol. 1, pp. 193–218). Beverly Hills, CA: Sage.
- McGuire, W. J. (2004). A perspectivist approach to theory construction. *Personality and Social Psychology Review*, 8(2), 173–182. doi:10.1207/s15327957pspr0802_11
- Mead, G. H. (1934). *Mind, self, and society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Merlin, V. S. (1971). *Lektsii po psikhologii motivov cheloveka* [Lectures on psychology of human motives]. Perm: Permskoe Knizhnoe Izdatel'stvo.
- Merlin, V. S. (1978). Deyatel'nost' kak oposreduyushchee zveno v svyazi raznourovnevnykh svoisty individual'nosti [Activity as a mediating link in relations of various-level qualities of individuality]. In V. S. Merlin (Ed.), *Problemy integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Issues of integral research of individuality] (Iss. 2, pp. 15–40). Perm: Perm State Pedagogical Institute.
- Merlin, V. S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essay on integral research of individuality]. Moscow: Pedagogika.
- Mischel, W. (2009). Becoming a cumulative science. *Observer*, 22, 1.
- Mischel, W., & Shoda, Y. (1998). Reconciling processing dynamics and personality dispositions. *Annual Review of Psychology*, 49, 229–258. doi:10.1146/annurev.psych.49.1.229
- Morosanova, V. I. (2007). Individual self-regulation and human character. *Voprosy Psikhologii*, 3, 59–68.
- Nebylitsyn, V. D. (1990). *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika.
- Osnitsky, A. K. (2007). *Regulyatsiya deyatel'nosti i napravlenost' lichnosti* [Regulation of activity and directivity of personality]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo Ekonomiko-Lingvisticheskogo Instituta.
- Pacini, R., & Epstein, S. (1999). The relation of rational and experiential information processing styles to personality, basic beliefs, and the ratio-bias phenomenon. *Journal of Personality and Social Psychology*, 76(6), 972–987. doi:10.1037/0022-3514.76.6.972
- Pervin, L. A. (2001). A dynamic systems approach to personality. *European Psychologist*, 6(3), 172–176. doi:10.1027//1016-9040.6.3.172
- Petrov, V. M., & Mazhul, L. A. (2014). Issledovaniya kreativnosti: ekspansiya integrativnoi tendentsii (po materialam osennikh nauchno-prakticheskikh konferentsii) [Studies on creativity: expansion of integrative tendency (on the materials of autumn applied science conferences)]. *Mir Psikhologii*, 1(77), 267–273.
- Petrovskiy, A. V., & Petrovskiy, V. A. (1982). Individ i ego potrebnost' byt' lichnost'yu [Individual and his need to be personality]. *Voprosy Filosofii*, 3, 44–54.
- Petrovskiy, V. A. (1981a). K ponimaniyu lichnosti v psikhologii [On the understanding of personality in psychology]. *Voprosy Psikhologii*, 2, 40–46.
- Petrovskiy, V. A. (1981b). Problemy psikhologii lichnosti v svete idei L.S. Vygotskogo [Issues of the personality psychology in light of ideas of L.S. Vygotsky]. In *Nauchnoe tvorchestvo L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya: Tezisy dokladov Vsesoyuznoi konferentsii* [Scientific works by L.S. Vygotsky and modern psychology: Theses from All-Union Conference] (pp. 122–125). Moscow.
- Petrovskiy, V. A. (1985). Printsip otrazhennoi sub»ektnosti v psikhologicheskom issledovanii lichnosti [The principle of reflected subjectivity in psychological research on personality]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 17–40.

- Petrovskiy, V. A. (1997). Ocherk teorii svobodnoi prichinnosti [Essay on the theory of free causality]. In D. A. Leontiev & V. G. Shchur (Eds.), *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoj psikhologii* [Psychology with a human face: Humanistic perspective in postsoviet psychology] (pp. 124–144). Moscow: Smysl.
- Petrovskiy, V. A. (2009). *Logika “Ya”*: personologicheskaya perspektiva [Logic of Self: A personological perspective]. Samara: Publishing House “Samara University”.
- Petrovskiy, V. A. (2013). “Ya” v personologicheskoi perspektive [Self in personological perspective]. M.: The Publishing House of the Higher School of Economics.
- Petrovskiy, V. A., & Gurenkova, I. P. (1985). Novaya modifikatsiya frustratsionnogo metoda [New modification of frustration method]. In *Lichnost' v obshchenii i deyatelnosti: Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Personality in communication and activity: Interuniversity collection of scientific works] (pp. 37–43). Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical Institute.
- Petrovskiy, V. A., & Kuz'mina, E. I. (1988). Nadsituativnaya aktivnost' i ee issledovanie v detskom vozraste [Oversituational activity and its study in children]. In *Lichnost' i mezlichnostnye otnosheniya v kollektive* [Personality and interpersonal relationships in a group] (pp. 105–110). Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical Institute.
- Petrovskiy, V. A., & Starovoytenko, E. B. (2012). The science of personality: Four projects of general personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 21–39.
- Pierce, J. L., Kostova, T., & Dirks, K. T. (2003). The state of psychological ownership: Integrating and extending a century of research. *Review of General Psychology*, 7(1), 84–107. doi:10.1037/1089-2680.7.1.84
- Reiss, S. (2004). Multifaceted nature of intrinsic motivation: The theory of 16 basic desires. *Review of General Psychology*, 8(3), 179–193. doi:10.1027//1016-9040.6.3.172
- Rubinshtein, S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. A man and the world]. Saint Petersburg: Piter.
- Salmon, W. (1998). *Causality and explanation*. New York: Oxford University Press.
- Shadrikov, V. D. (2013). *Psikhologiya deyatelnosti cheloveka* [The psychology of human activity]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Sowden, P. T., Pringle, A., & Gabora, L. (2015). The shifting sands of creative thinking: Connections to dual process theory. *Thinking and Reasoning*, 21(1), 40–60. doi:10.1080/13546783.2014.885464
- Stern, W. (1998). *Differentsial'naya psikhologiya i ee metodicheskie osnovy* [Differential psychology and its methodological grounds]. Moscow: Nauka. (Transl. of: Stern, W. (1994). *Die differentielle Psychologie in ihren methodischen Grundlagen*. Nachdruck der 2. Auflage. Bern [u.a.]: Huber. (in German)).
- Sternberg, R. J. (2003). Unify! *Monitor on Psychology*, 35(2), 5. doi:10.1037/e300052003-002
- Tay, L., & Diener, E. (2011). Needs and subjective well-being around the world. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(2), 354–365. doi:10.1037/a0023779
- Tolochek, V. A. (2013). *Problema stilei v psikhologii: istoriko-teoreticheskii analiz* [The problem of styles in psychology: Historical-theoretical analysis]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Ushakov, D. V. (2006). Yazyki psikhologii tvorchestva: Yakov Aleksandrovich Ponomarev i ego nauchnaya shkola [Languages of the psychology of creativity: Yakov Aleksandrovich Ponomarev and his scientific school]. In D. V. Ushakov (Ed.), *Psikhologiya tvorchestva: shkola Ya.A. Ponomareva* [The psychology of creativity: The school of Ya.A. Ponomarev] (pp. 19–142). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.

- Van der Weiden, A., Ruys, K. I., & Aarts, H. (2013). A matter of matching: How goals and primes affect self-agency experiences. *Journal of Experimental Psychology: General*, 142(3), 954–966. doi:10.1037/a0030079
- Vyatkin, B. A. (2007). *Lektsii po psikhologii integral'noi individual'nosti* [Lectures on psychology of integral individuality]. Moscow/Voronezh: MPSI/NPO “MODEK”.
- Vyatkin, B. A. (2008). *Lektsii po psikhologii integral'noi individual'nosti cheloveka* [Lectures on psychology of integral individuality of man]. Moscow: MPSI.
- Vyatkin, B. A. (2015). Integrative study of human individuality. *Integrative Perspective in Humanities*, 1, 36–44.
- Vyatkin, B. A., & Shchukin, M. P. (2013). *Psikhologiya stilei cheloveka* [The psychology of human styles]. Perm: Knizhnyi Mir.
- Vygotsky, L. S. (1986). *Psikhologiya iskusstva* [The psychology of art] (3rd ed.). Moscow: Iskusstvo.
- Witherington, D. C., & Crichton, J. A. (2007). Frameworks for understanding emotions and their development: Functionalist and dynamic systems approaches. *Emotion*, 7(3), 628–637. doi:10.1037/1528-3542.7.3.628
- Yurevich, A. V. (2007). Paradigmy v psikhologii [Paradigms in psychology]. *Methodology and History of Psychology*, 2, 3–17.
- Yurevich, A. V. (2012). Estestvennonauchnaya i gumanitarnaya paradigmy v psikhologii [Natural scientific and humanities paradigms in psychology]. In A. L. Zhuravlev, T. V. Kornilova, & A. V. Yurevich (Eds.), *Paradigmy v psikhologii: naukovedcheskii analiz* [Paradigms in psychology: Scientific analysis] (pp. 13–33). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Zuckerman, M. (2007). Sensation seeking. In M. Zuckerman, *Sensation seeking and risky behavior* (pp. 3–49). Washington, DC: American Psychological Association.

Leonid Ya. Dorfman — head of Psychology and Pedagogy chair, Perm State Institute of Culture, D.Sc.
E-mail: dorfman07@yandex.ru

ПОНЯТИЙНЫЕ СТРУКТУРЫ ЗНАНИЙ И КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ

Т.А. ГАВРИЛОВА^а, И.А. ЛЕЩЕВА^а

^а «Высшая школа менеджмента» СПбГУ, 199004, Россия, Санкт-Петербург, Волховский пер., д. 3

Резюме

Структурирование знаний — один из малоизученных когнитивных процессов, который существенно влияет как на процессы обучения, так и на эффективность процессов передачи знаний в рамках профессиональной деятельности. В статье представлены результаты исследования влияния индивидуальных характеристик когнитивного стиля на процессы структурирования информации при обучении. Акцент ставится на изучение тех характеристик когнитивного стиля, которые значимо влияют на особенности построения концептуальных иерархических моделей (так называемых онтологий), важных для усвоения и понимания материала. Описаны результаты эмпирической проверки гипотез о влиянии таких характеристик индивидуального когнитивного стиля эксперта, как полезависимость/полнезависимость, узость/широта категории и импульсивность/рефлексивность, на особенности индивидуального и коллективного формирования онтологий. Особый интерес представляют исследования групповой работы (в парах и тройках) по созданию единой структуры предметной области и их связи с индивидуальными представлениями о предмете членов группы. В качестве испытуемых выступали студенты Санкт-Петербургского политехнического университета, которые сначала были протестированы на различия в когнитивных стилях, а затем им было предложено создать онтологии понятия «информатика» как индивидуально, так и в группах. Полученные результаты позволяют предложить ряд рекомендаций по формированию групп для успешной коллективной работы, в частности, разработки баз данных, моделей представления знаний, бизнес-моделей и других концептуальных структур.

Ключевые слова: понятийные структуры, онтологии, онтологический инжиниринг, структурирование знаний, категоризация, когнитивные стили.

Введение

В условиях жестких информационных перегрузок, мультизадачности и мультимодальности учебных процессов в образовательных орга-

низациях всех профилей наиболее острой становится проблема компрессии и структурирования учебной информации для повышения эффективности преподавания. Статья посвящена актуальной проблеме

использования моделей представления знаний в форме онтологий (упрощенно «концептуальных моделей») для обучения и контроля знаний студентов. Акцент сделан на когнитивных аспектах.

По прогнозам исследования компании IDC (IDC, 2014) объемы информации будут удваиваться каждые два года в течение следующих восьми лет. Таким образом, усложняются процессы структурирования информации для ее понимания, хранения и передачи. В работе Л.Л. Любимова (2007), в частности, подчеркивается, что на фоне постоянно нарастающего объема информации умение учителя «пропустить» ее через себя и представить в сжатом виде, удобном для изучения, выходит на первый план. При этом важно, чтобы ученики усваивали не столько отдельные фрагменты информации, сколько взаимосвязи между понятиями и структуру предмета в целом. В вузах этот феномен отличается высоким уровнем сложности предметных областей.

Переход от текста и таблиц к «простым» картинкам-структурам можно считать одним из первых эффективных способов компрессии знаний. Такие понятийные структуры могут служить каркасом или структурированным словарем, обеспечивающим понимание предмета. Их можно использовать для коллективных упражнений, они упрощают коммуникации, определяя контекст, в рамках которого работает группа.

С точки зрения обучения это важно не только для учеников, но и для преподавателей. В высшей школе нередки ситуации, когда одна дисциплина ведется несколькими пре-

подавателями, каждый из которых имеет свое собственное представление о предмете. Описание программы дисциплины на языке понятийных структур помогает точнее определить рамки изучаемого предмета, а также позволяет избежать различного толкования понятий преподавателями (Гаврилова и др., 2011).

При структурировании знаний на первом шаге выявляются наиболее важные сущности (или концепты) предметной области, на втором шаге они объединяются в категории, а затем выделяются взаимосвязи между этими сущностями и категориями. Категоризация в широком смысле — это процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений, а также результат классификационной (таксономической) деятельности (Кубрякова и др., 1997). В работах ведущих российских и зарубежных исследователей в области когнитивных процессов (Аллахвердов, 2006; Величковский, 2006; Соловьев, 2007; Солсо, 2006; Холодная, 2009; Chernigovskaya, 1999; Lakoff, 1987; Rosch, 1999; и мн. др.) неизменно подчеркивается сложность и неоднозначность процессов категоризации понятий.

В данной работе процесс категоризации (или формирования понятийных структур) рассматривается на примере визуального построения онтологий — концептуальных моделей предметных областей.

В качестве испытуемых выступали студенты политехнического университета, которые сначала были

протестированы на различия в когнитивных стилях, а затем им было предложено создать онтологии понятия «информатика» как индивидуально, так и в группах.

Когнитивные стили — это индивидуальные способы переработки информации о мире в виде различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации и оценивании происходящего (Холодная, 2004).

В статье представлены результаты исследования процессов структурирования и категоризации и выявления индивидуальных характеристик когнитивного стиля, которые значимо влияют на эти процессы. Исследование связей между когнитивными стилями обучающихся и темпом усвоения знаний уже проводились (например: Афанасьев, Резаков, 2012), но в данной работе впервые сделан акцент именно на процессах структурирования. Особый интерес представляют результаты исследования групповой работы (в парах и тройках) по созданию единой структуры некоторой предметной области и их связь с индивидуальными представлениями о предмете членов группы.

Онтологии как способ структурирования знаний

Основные определения

Существует несколько подходов к определению понятия «онтология». Одно из самых известных определений дал Том Грубер: «Онтология — это спецификация концептуализации» (Gruber, 1993, p. 199). Никола Гуарино определяет онтологию следующим образом: «Онтология — это

формальная теория, ограничивающая возможные концептуализации мира» (Guarino, Giaretta, 1995, p. 30). В обеих формулировках используется понятие «концептуализация», требующее, в свою очередь, определения. Приведем более развернутое определение: «Онтология — это спецификация предметной области или формальное ее представление, которое включает словарь указателей на термины предметной области и логические выражения, которые описывают, что эти термины означают, как соотносятся друг с другом и как они могут или не могут быть связаны между собой» (Гаврилова, Муромцев, 2007, с. 320).

В общем виде структура онтологии представляет собой следующий набор элементов: понятия, отношения, аксиомы, отдельные экземпляры. Понятия рассматриваются как концептуализации класса всех представителей некоей сущности или явления. Классы (или понятия) являются общими категориями, которые могут быть упорядочены иерархически. Каждый класс описывает группу индивидуальных сущностей, которые объединены на основании наличия общих свойств. Понятия могут быть соединены различного рода отношениями, которые связывают классы и описывают их. Самым распространенным типом отношений, используемым во всех онтологиях, является отношение категоризации, т.е. отнесение к определенной категории.

Аксиомы задают условия соотношения категорий и отношений, они выражают очевидные утверждения, связывающие понятия и отношения. Наряду с указанными элементами

онтологии в нее также входят так называемые экземпляры. Экземпляры — это отдельные представители класса сущностей, или явлений, т.е. конкретные элементы какой-либо категории.

Все более широкое применение онтологии находят в «мягких» науках — менеджменте, экономике, электронном бизнесе, где структурирование информации представляет значительную сложность. Применяются онтологии и в преподавании различных дисциплин наряду с другими наглядными представлениями, такими как диаграммы, схемы, графики, планы и т.п. Необходимо отметить, что онтологии часто субъективны, так как часть знаний зависит от опыта и предпочтений субъекта. Использование «чужих» онтологий — это удобный и компактный способ получения новых знаний.

Таким образом, онтология как понятийная структура описывает

иерархическую систему терминов, являясь структурированным словарем предметной области.

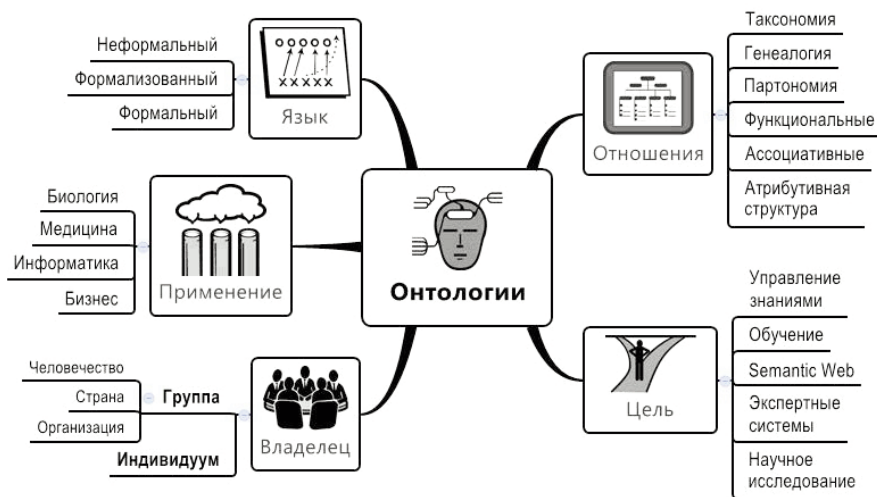
В качестве инструмента визуализации онтологий (Гаврилова и др., 2011) можно использовать интеллект-карты, или mind-maps (Бьюзен, Бьюзен, 2014). Рисунок 1 иллюстрирует фрагмент классификации онтологий в форме интеллект-карты.

Оценка онтологий

Вопрос оценки качества онтологий остается открытым, так как существуют различные критерии оценки. Авторы данной статьи считают, что во многих случаях можно оценивать качество онтологии с эргономических позиций, или с позиции ясности визуального представления. Для этого выделяют ряд характеристик, которые описывают качество этого представления и часть которых можно измерить. Для выделения

Рисунок 1

Классификация онтологий

таких характеристик использовались «нечеткие», но интуитивно понятные правила «хорошей» онтологии, сформулированные Гавриловой (2002, 2005).

- Понятия одного уровня иерархии связываются с родительским концептом одним и тем же типом отношения (например, «класс — подкласс» или «часть — целое»).

- Глубина ветвей онтологического дерева должна быть примерно одинаковой (± 2).

- Общий вид онтологии должен быть довольно симметричным.

- Перекрестные ссылки должны быть по возможности исключены.

- Максимальное число концептов одного уровня, или глубина ветви, не должна превышать известное число Ингве–Миллера (7 ± 2) (Miller, 1956).

Оценивать качество построенных онтологий можно двумя способами:

- Экспертный — аналитик-онтологист и эксперты предметной области оценивают качество по различным критериям, таким как полнота, сбалансированность, адекватность и т.п.

- Формализованный — с помощью набора метрик, по которым оценивается каждая онтология.

Второй способ предпочтительнее по таким причинам, как отсутствие субъективизма и возможность автоматизации. Большой вклад в методы формализованной оценки внес А. Гангеми (Gangemi et al., 2006).

Для оценки онтологий использовался расширенный набор метрик (Болотникова и др., 2011), часть которых описана ниже.

При описании метрик используются следующие обозначения:

g — граф, представляющий онтологию, концепты (классы и экземпляры) онтологии являются вершинами графа, отношения между концептами представлены в виде ребер графа;

G — множество всех вершин графа g ;

$LEA \subseteq G$ — множество листьев графа g ;

$SIB_{v \in G}$ — множество вершин графа g (называемое семейством), для которых вершина v является непосредственным суперклассом;

E — множество всех ребер g .

Метрики глубины

Абсолютная глубина вычисляется как сумма длин всех путей графа (где путем называется любая последовательность соединенных между собой вершин, начинающаяся от корневой вершины и заканчивающаяся листом графа):

$$m = \sum_j^P N_{j \in P}, \quad (1)$$

где $j \in P$ — длина каждого пути j из множества путей P графа g .

Минимальная глубина:

$$M = N_{j \in P}, \quad \forall i (N_{j \in P} \leq N_{i \in P}), \quad (2)$$

где $N_{j \in P}$ и $N_{i \in P}$ — длины пути j и i из множества путей P графа g .

90-я процентиль глубины:

$$m = P_{90}(N_{j \in P}), \quad (3)$$

где $P_{90}(N_{j \in P})$ — 90-я процентиль глубины графа (возможное значение длины пути графа, которое не превышает длины 90% путей графа).

Метрики ширины

Абсолютная ширина:

$$m = \sum_j^L N_{j \in L}, \quad (4)$$

где $N_{j \in L}$ — количество вершин на уровне j из множества уровней L графа g .

Средняя ширина вычисляется как абсолютная ширина, деленная на количество уровней иерархии:

$$m = \frac{1}{n_{L \subseteq g}} \sum_j^L N_{j \in L}, \quad (5)$$

где $N_{j \in L}$ — количество вершин на уровне j из множества уровней L графа g , $n_{L \subseteq g}$ — количество всех уровней графа (максимальная глубина графа, увеличенная на 1, если рассматривать только выбранное доминирующее отношение).

Среднее квадратичное отклонение отношения ширины соседних уровней:

$$m = \frac{\sum_{i=2}^{n_{L \subseteq g}} \left(\frac{N_{i \in L}}{N_{i-1 \in L}} - \frac{1}{n_{L \subseteq g} - 1} \sum_{i=2}^{n_{L \subseteq g}} \frac{N_{i \in L}}{N_{i-1 \in L}} \right)^2}{n_{L \subseteq g} - 1}. \quad (6)$$

Метрики запутанности

Запутанность онтологии определяется как количество вершин, у которых есть несколько непосредственных суперклассов, деленное на количество вершин графа онтологии. Таким образом, в онтологиях, где нет множественного наследования, эта метрика будет равняться нулю. Чем чаще множественное наследование используется в онтологии, тем хуже она с точки зрения когнитивной эргономики.

Среднее количество родительских вершин у вершины графа:

$$m = \frac{1}{n_G} \sum_v^G N_{S_{veG}}, \quad (7)$$

где $S_v = \{a \in G | isa(v, a)\}$ — множество всех родителей вершины v ,

$N_{S_{veG}}$ — количество всех родительских вершин вершины v ,

n_G — количество всех вершин графа g .

Метрики ветвистости (Gangemi et al., 2005)

Абсолютная мощность семейств:

$$m = \sum_j^{SIB} N_{j \in SIB}, \quad (8)$$

где $N_{j \in SIB}$ — количество вершин в семействе j из множества всех семейств графа g .

Коэффициент ветвистости семейств:

$$m = \frac{1}{n_G} \sum_j^{SIB} N_{j \in SIB}, \quad (9)$$

где $N_{j \in SIB}$ — количество вершин в семействе j из множества всех семейств графа g ,

n_G — количество всех вершин графа.

Абсолютная мощность листьев:

$$m = n_{LEA \subseteq g}, \quad (10)$$

где $n_{LEA \subseteq g}$ — количество листьев графа g .

Взвешенный коэффициент ветвистости листьев вычисляется как абсолютная мощность листьев, деленная на абсолютную глубину графа:

$$m = \frac{n_{LEA \subseteq g}}{\sum_j^P N_{j \in P}}, \quad (11)$$

где $n_{LEA \subseteq g}$ — количество листьев графа g ,

$N_{j \in P}$ — длина каждого пути j из множества путей P графа g .

На рисунках 2 и 3 показаны примеры различных онтологических структур.

Для автоматической оценки онтологий и обработки данных использовался программный инструмент СОАТ-сog, созданный Е.С. Болотниковой (Гаврилова и др., 2009) и вычисляющей метрики следующих категорий:

- метрики циклов,
- метрики Ингве–Миллера,
- метрики разнообразия количества связей,
- метрики разнообразия типов связей концептов,
- метрики глубины,
- метрики ширины,
- метрики запутанности (tangledness) графа,
- метрики измерения ветвистости (fan-outness) графа.

Кроме непосредственного вычисления метрик инструмент СОАТ-сog позволяет получить информацию об этих метриках, их назначении и трактовке значений из встроенного в инструменте словаря. Также на вы-

ходе СОАТ выдает список «проблемных» узлов с указанием причины, по которой концепт попал в этот список, например, если вычисленная «степень» узла (количество ребер графа) превышает число Ингве–Миллера.

Когнитивные стили

Существует множество факторов, влияющих на процессы категоризации понятий и образование абстрактных классов. Особенности когнитивного стиля, безусловно, также относятся к таким факторам.

Необходимо отметить некоторые важные свойства, присущие когнитивному стилю (КС) (переработано из: Холодная, 2004):

1) КС — это предпочтение определенного способа интеллектуального поведения (т.е. субъект в принципе может выбрать любой способ переработки информации, однако он непроизвольно предпочитает определенный способ восприятия и анализа происходящего, в наибольшей мере соответствующий его психологическим возможностям);

Рисунок 2

Пример структуры «узкой» и «глубокой» онтологии

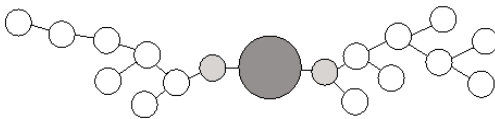
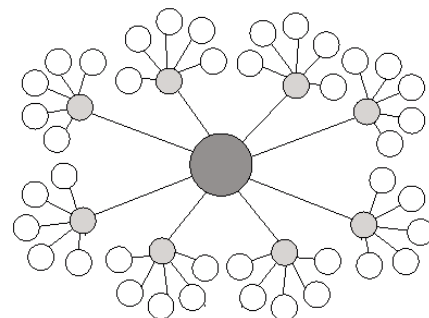

Рисунок 3

Пример структуры «широкой» онтологии

2) КС — это устойчивая характеристика субъекта, стабильно проявляющаяся для разных задач и в разных ситуациях;

3) КС — это биполярное измерение, в рамках которого каждый когнитивный стиль описывается за счет обращения к двум крайним формам интеллектуального поведения (например, в виде импульсивности/рефлексивности и т.д.);

4) к КС неприменимы оценочные суждения, так как представители разных полюсов когнитивного стиля имеют свои преимущества в ситуациях, требующих эффективной индивидуальной адаптации.

В научной литературе по когнитивной психологии можно встретить более 20 психологических характеристик, которые относят к КС. Обычно выделяют следующие характеристики КС (Холодная, 2004):

- полезависимость/полenezависимость;
- узкий/широкий диапазон эквивалентности;
- узость/широта категории;
- ригидный/познавательный контроль;
- толерантность/нетолерантность к нереалистичному опыту;
- фокусирующий/сканирующий контроль;
- сглаживание/заострение;
- импульсивность/рефлексивность;
- конкретная/абстрактная концептуализация;
- когнитивная простота/сложность.

На основе таких критериев, как значимое влияние на построение иерархических моделей, наличие изученных методик и простота реализации процесса тестирования (в частности, наличие и доступность

соответствующего инструментария), для исследования были выбраны три характеристики когнитивного стиля: полезависимость/полenezависимость (ПЗ/ПНЗ), узость/широта категории и импульсивность/рефлексивность. В дальнейшем предполагается продолжить исследование, включив в него характеристику «узкий/широкий диапазон эквивалентности» (Косихин, 2012).

Полезависимость/ полenezависимость

ПЗ/ПНЗ описывает способность восприятия к выделению отдельных объектов из общего контекстного поля, иными словами, выделению сигнала на фоне помех; соответственно, полезависимые индивидуумы склонны рассматривать отдельные объекты и явления в общем контексте, в то время как полenezависимые более склонны абстрагироваться от контекста.

По определению Г. Уиткина (Witkin et al., 1977), ПЗ/ПНЗ — это «структурирующая способность восприятия». Таким образом, характеристика этого стиля влияет на процесс структурирования в целом (т.е. в исследуемом случае на построение онтологий «с нуля»), но в большей степени — на реструктуризацию (при объединении онтологий). ПЗ/ПНЗ оказывает существенное влияние на процесс решения задач в условиях совместной деятельности. При работе в парах, члены которых имели различные когнитивные стили (ПЗ/ПНЗ), окончательное решение, как правило, ближе к варианту, предложенному ПНЗ партнером. ПНЗ пары испытывают трудности в выработке

общего решения по спорным вопросам, тогда как ПЗ испытуемые успешно договариваются между собой при совместном решении проблем (Холодная, 2004).

В качестве методики диагностики полезависимости/полнезависимости испытуемого применялась одна из модификаций методики Л.Л. Терстоуна «Скрытые фигуры» (Thurstone, 1944), представляющей разновидность тестов на визуальное восприятие (Witkin, 1971). Существует несколько модификаций этой методики, но задача испытуемого в любой из них — найти простую фигуру внутри сложной.

Испытуемые проходили тестирование с помощью системы диагностики «Студент» (Котова и др., 2013)

Пример фрагмента теста представлен на рисунке 4.

Тест содержал 49 подобных заданий. На тест отводилось 10 минут. Перед началом теста испытуемому предъявлялась инструкция по поиску искомой фигуры в одном из четырех рисунков справа. После прохождения теста испытуемый получал оценку его уровня полезависимости/полнезависимости, а в базе данных сохранялись число пройден-

ных заданий и количество допущенных ошибок.

Импulsивность/рефлексивность

Различие между полюсами импульсивности и рефлексивности заключается в объеме информации, которую индивидуум собирает до принятия решения: импульсивные лица принимают решения на недостаточной информационной основе, тогда как рефлексивные — склонны принимать решения с учетом максимально полной информации о ситуации.

Для диагностики импульсивности/рефлексивности использовалась методика «Сравнение похожих рисунков» (Kagan, 1966).

Испытуемому предъявляется одно тренировочное задание, а затем 12 основных. В каждом задании было необходимо из восьми (в тренировочном задании — из шести) изображений выбрать одно, полностью совпадающее с эталонным.

Пример пробного задания представлен на рисунке 5.

В качестве показателей импульсивности/рефлексивности в базу данных для последующей обработки

Рисунок 4

Пример фрагмента теста «Скрытые фигуры».

Необходимо определить, в какие из четырех правых рисунков входит искомая фигура, изображенная слева

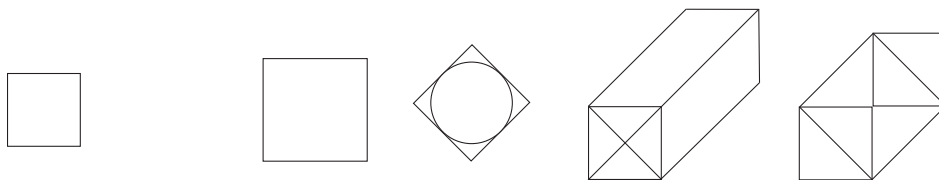
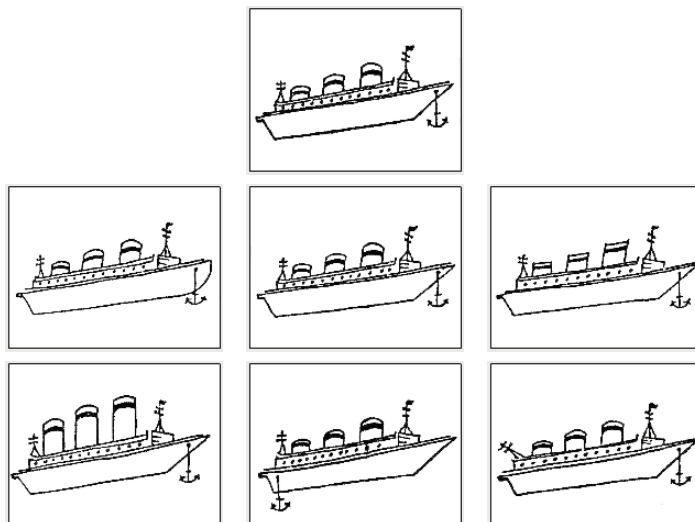

Рисунок 5

Пример пробного задания теста на импульсивность/рефлексивность

заносились общее количество ошибок и время первого ответа.

Узость/широта категории

Характеристика «узость/широта категории» отражает широту осуществляемой индивидуумом категоризации отдельных объектов: «узкие» категоризаторы склонны ограничивать область применения определенной категории, тогда как «широкие» категоризаторы, напротив, склонны подводить под одну категорию большое число подтверждающих ее примеров.

В качестве методики диагностики узости/широты категории применялась одна из модификаций методики «Средние суждения». В проекте использовался вариант методики, предложенный С. Филленбаумом (Fillenbaum, 1959), который состоит в следующем: испытуемый должен указать максимальное, среднее и

минимальное значение какого-либо объекта или явления.

Тест был реализован средствами Google docs. Испытуемые отвечали на однотипные вопросы, например:

«Сколько времени (в часах) необходимо для доставки корреспонденции из Москвы в Санкт-Петербург?»

- самому быстрому почтовому голубю: _____
- самому медленному почтовому голубю: _____
- среднее время доставки: _____».

Показатель широты категории — разность максимального и минимального значений (чем она меньше, тем уже категоризация). Среднее значение использовалось для нормировки.

Описание эксперимента

Целью представленного исследования являлось изучение влияния индивидуальных когнитивных стилей

на формирование категорий и создание онтологий, а также исследование процессов групповой разработки онтологий с учетом специфики индивидуальных когнитивных стилей.

Исследование выполнялось на выборке из 79 студентов IV–V курса факультета технической кибернетики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, изучающих курс по разработке интеллектуальных систем. Эксперимент состоял из двух фаз: «индивидуальной» и «коллективной».

Целью «индивидуальной» фазы было исследование взаимосвязей индивидуального когнитивного стиля и особенностей формирования онтологий предметной области. «Индивидуальная» фаза была разбита на четыре этапа.

- *Определение когнитивных стилей испытуемых* (Лещева, Котова, 2012): студенты дистанционно в режиме онлайн были протестированы по трем тестам, измеряющим перечисленные выше особенности когнитивного стиля.

- *Построение испытуемыми онтологий* для предметной области «информатика» с использованием системы Protégé. Protégé — это свободно распространяемый редактор онтологий для построения баз знаний, созданный в Стэнфордском университете. В качестве методологической основы построения онтологий студенты использовали перевод статьи Н. Ф. Ной и Д.Л. МакГиннесс (Noy, McGuinness, 2001).

- *Формализованная оценка онтологий*, построенных испытуемыми, путем вычисления метрик в про-

граммной среде СОАТ (Гаврилова и др., 2009).

- *Статистический анализ полученных данных* для определения связи между характеристиками построенных онтологий и когнитивными стилями испытуемых.

«Коллективная» фаза опиралась на результаты, полученные в рамках «индивидуальной» фазы, и состояла в исследовании разработки онтологий в группах путем экспертного анализа объединения испытуемыми построенных ранее онтологий.

«Индивидуальная» фаза

На основании анализа литературы и эмпирического опыта в разработке онтологий были выдвинуты следующие гипотезы.

- *Гипотеза 1:* люди, принадлежащие к полюсу ПНЗ, имеют более развитые когнитивно-структурирующие способности, соответственно, качество онтологий, построенных полнезависимыми испытуемыми, будет выше.

- *Гипотеза 2:* импульсивные индивидуумы строят поверхностные онтологии без достаточной категоризации на верхнем уровне, в то время как рефлексивные строят более глубокие онтологии.

- *Гипотеза 3:* чем больше ошибок совершают испытуемые в тесте Дж. Кагана на «импульсивность/рефлексивность», тем более «запутанные» онтологии они строят.

- *Гипотеза 4:* когнитивный стиль «узость/широта категорий» влияет на ширину онтологий, т.е. «широкие» категоризаторы склонны строить «широкие» онтологии.

Обработка полученных результатов была проведена путем анализа и сопоставления метрик онтологий и характеристик когнитивного стиля. При этом использовались возможности программного пакета MS Excel и пакета математической статистики SPSS.

В таблице 1 приведен фрагмент сводной таблицы по двум сериям исследований, в котором указана величина коэффициентов корреляции некоторых метрик с основными показателями двух когнитивных стилей: И/Р — импульсивность/рефлексивность и УК/ШК — узость/широта категории (см. таблицу 1). Значимая корреляция метрик с

показателем стиля ПЗ/ПНЗ — полезависимость/полнезависимость — отсутствует, поэтому в таблице не приводится. Пустая клетка в таблице означает отсутствие значимой корреляции.

Гипотеза 1 не подтвердилась: связи между показателем ПЗ/ПНЗ и рангом онтологии не наблюдается.

Гипотеза 2 частично подтвердилась: метрика «90-я процентиль глубины» коррелирует с временем первого ответа в тесте Дж. Кагана, т.е. рефлексивные испытуемые строят более глубокие онтологии. При этом обратной корреляции между временем первого ответа и шириной онтологий не выявлено.

Таблица 1

Значимые коэффициенты корреляции по Спирмену между метриками и показателями когнитивных стилей

Метрики	Результаты по методикам		
	И/Р		УК/ШК
	Время ответа	Количество ошибок	Размер категории
Количество классов			0.44*
Количество листьев			0.46*
Абсолютная глубина			0.39*
Минимальная глубина		0.54*	
90-я процентиль глубины	0.34*		
Средняя ширина			0.48*
СКО относительной ширины			0.48*
Среднее число родителей в узлах		0.47*	
Абсолютная мощность семейств			0.44**
Коэффициент ветвистости семейств		0.50**	
Абсолютная мощность листьев			0.46**
Взвешенный коэффициент ветвистости листьев		-0.39**	

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Гипотеза 3 подтвердилась, так как число ошибок в тесте Дж. Кагана коррелирует со значениями метрики «Среднее число родителей в узлах», характеризующей запутанность онтологии, что подтверждает данную гипотезу. Кроме того, это число ошибок коррелирует с метриками «Минимальная глубина», «Коэффициент ветвистости семейств» и обратно коррелирует с взвешенным коэффициентом ветвистости листьев.

Наконец, гипотеза 4 также полностью подтвердилась: «широкие» категоризаторы построили онтологии большего размера (по числу концептов), при подробном анализе оказалось, что это было достигнуто за счет большего количества «детей» у каждого родительского концепта. Соответственно, результаты теста «Средние суждения» коррелируют с такими метриками, как «Средняя ширина онтологии», «Количество листьев», «Абсолютная мощность семейств» и т.п. Кроме того, они коррелируют со среднеквадратичным отклонением относительной ширины онтологии. Последнее говорит о том, что количество концептов на соседних уровнях и в различных ветках существенно различается, а значит, онтологии у широких категоризаторов не сбалансированы.

Несмотря на объективность метрического способа оценки онтологий, у этого способа есть такой существенный недостаток, как формальный подход к онтологиям, отсутствие семантического анализа. Проведя подобный анализ вручную, мы обнаружили, что онтологии, построенные полнезависимыми испытуемыми, имеют более строгую и понятную структуру. Однако зачастую эта стро-

гость и простота достигается за счет отбрасывания концептов, не укладывающихся в построенную онтологию; таким образом, полнота онтологии приносится в жертву ее стройности.

Подводя итоги, можно сказать, что хороший онтологист должен предпочтительно обладать такими характеристиками когнитивного стиля, как рефлексивность (т.е. наилучшие результаты показали испытуемые, продемонстрировавшие большее латентное время первого ответа и совершившие мало ошибок в тесте Кагана) и узкая категоризация.

Также можно предположить, что при коллективном построении онтологий может оказаться полезным включение в группу широких категоризаторов наряду с полнезависимым участником, чтобы сочетать эффективность первых в генерировании большого числа подклассов и вторых в реструктурировании онтологий. Эта гипотеза была проверена при изучении построения онтологий в группе.

«Коллективная» фаза

В «коллективной» фазе исследовалась специфика коллективной разработки онтологий как при работе в парах, так и в группах по 3–5 человек. Была сделана попытка определить, каким образом формируется коллективный стиль категоризации.

Построение онтологии в группе может идти по одному из двух вариантов:

- 1) коллективная разработка с «чистого листа»;
- 2) разработка единой онтологии на основе использования двух или более заготовок.

Наибольший практический интерес представляет второй вариант. В этом случае два (или более) студента, выполняющие функции аналитиков, фактически последовательно совершают следующие действия (Choi et al., 2006):

- сопоставление онтологий (ontology mapping) — определение набора пересекающихся концептов, синонимов или уникальных концептов исходных онтологий;

- отображение онтологий (ontology alignment) — установление связей между концептами исходных онтологий;

- слияние онтологий (ontology merging) — создание одной новой согласованной онтологии, основанной на нескольких исходных онтологиях одной области;

- интеграцию онтологий (ontology integration) — создание одной онтологии предметной области на основе исходных онтологий из разных областей.

Все вышеперечисленные действия могут выполняться вручную, полуавтоматически и автоматически. Большинство работ в этой области посвящены автоматическим и полуавтоматическим методам, тогда как ручному объединению онтологий уделено довольно мало внимания.

Эксперименты показали, что слияние происходит по одному из сценариев:

- сценарий компромисса (синтеза): результирующая онтология была мало похожа на своих предшественников, а скорее являлась результатом переосмысления испытуемыми их знаний о предметной области;

- дизъюнктивный сценарий (поглощение): бóльшая по мощности

онтология поглощала меньшую, и в результирующей онтологии происходило объединение вершин одного уровня;

- конъюнктивный сценарий (пересечение): происходило сокращение вершин, и результирующая онтология включала только пересечение вершин одного уровня.

Сопоставление этих сценариев с когнитивными стилями испытуемых выявило следующие закономерности:

- конъюнктивные сценарии предпочитали использовать полнезависимые испытуемые;

- дизъюнктивные сценарии чаще применялись полнезависимыми испытуемыми.

Рисунки 6–8 демонстрируют пример слияния онтологий по «компромиссному» сценарию.

Заключение

Разработка учебных понятийных структур знаний, или онтологий, сегодня является новым трендом в образовании, особенно в «мягких» предметных областях, где определения размыты, теории противоречивы и понятийная база активно изменяется. Учебные онтологии способствуют более глубокому освоению предмета, а также применяются для оценки знаний (Гаврилова и др., 2000; Dall'Alba, Barnacle, 2007; Dicheva, 2008). И преподаватель, и студент при этом могут выступать в двух ролях: аналитика (человека, извлекающего знания) и эксперта (человека, владеющего знаниями) предметной области.

Эксперименты показали, что высокая рефлексивность и узкая категоризация является наилучшим

Рисунок 6

Пример онтологии, построенной первым испытуемым

Рисунок 7

Пример онтологии, построенной вторым испытуемым

сочетанием характеристик когнитивного стиля испытуемого для структурирования знаний и построения качественных онтологий. Таким образом, можно рекомендовать поручать работу по составлению учебных и научных онтологий обладателям подобных характеристик. Для коллективного построения онтологий имеет смысл рекомендация по включению в группы по разработке онтологий «широких категоризато-

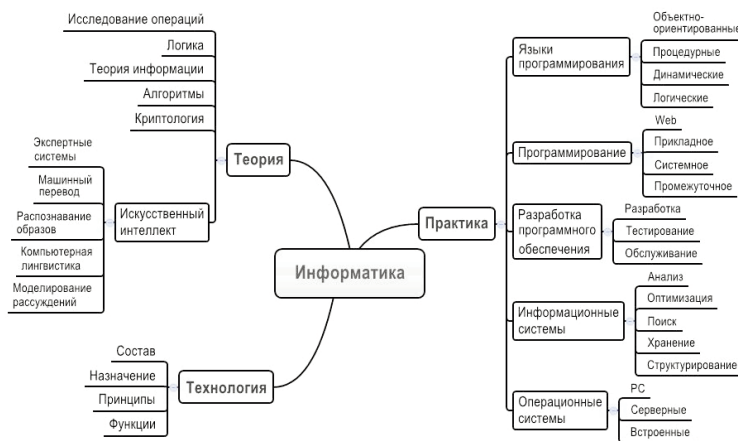
ров» наряду с «полнезависимыми» участниками.

Исследование специфики коллективной разработки онтологий при работе в парах и в группах по 3–5 человек позволило выявить предпочтение дизъюнктивных сценариев полнезависимыми участниками и, в свою очередь, конъюнктивных сценариев полнезависимыми участниками.

При этом наблюдалась парадоксальная ситуация: если в группу

Рисунок 8

Пример онтологии, построенной двумя испытуемыми

объединялись студенты, чьи индивидуальные онтологии были «хорошие», то общая онтология часто оказывалась намного хуже. Если же в группу попадали авторы разных по качеству онтологий, то им легче удавалось договориться. В итоге структура общей онтологии основывалась на лучшей индивидуальной онтологии в группе, при этом она обогащалась за счет деталей остальных. Смешанные группы не только демонстрировали лучший результат, но и показывали высокую степень эффективности такого способа обучения. У студентов, чьи начальные онтологии были плохи, при групповой работе было заметно значительное улучшение. Последую-

щие их онтологии были намного лучше.

Теоретическая значимость данных результатов высока для дальнейшего применения когнитивной психологии и онтологического инжиниринга в обучении. Практическая значимость работы актуальна не только для сферы образования, но и для создания научных онтологий (Загоруйко, 2008; Массель, 2010; Koznov, 2012). Также сегодня групповая разработка онтологий применяется в управленческом консалтинге и других сферах деятельности, связанных с коллективной интеллектуальной творческой работой (Кириков и др., 2014; Кудрявцев и др., 2009; Разин, Тузовский, 2012; Zagoruiko et al., 2007).

Литература

Аллахвердов, В. М. (2006). *Экспериментальная психология познания. Когнитивная логика сознательного и бессознательного*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
 Афанасьев, В. В., Резаков, Р. Г. (2012). Педагогическая диагностика качества познавательной деятельности студентов. *Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология»*, 3(21), 33–41.

- Болотникова, Е. С., Гаврилова, Т. А., Горовой, В. А. (2011). Об одном методе оценки онтологий. *Известия РАН, Теория и системы управления*, 3, 98–110.
- Бьюзен, Т., Бьюзен, Б. (2014). *Супермышление*. Минск: Попурри.
- Величковский, Б. М. (2006). *Когнитивная наука: Основы психологии познания* (в 2 т.). М.: Смысл.
- Гаврилова, Т. А. (2002). Логико-лингвистическое управление как введение в инженерию знаний. *Новости искусственного интеллекта*, 6, 28–33.
- Гаврилова, Т. А. (2005). Об одном подходе к онтологическому инжинирингу. *Новости искусственного интеллекта*, 3, 25–31.
- Гаврилова, Т. А., Горовой, В. А., Болотникова, Е. С. (2009). Оценка когнитивной эргономичности онтологий на основе анализа графа. *Искусственный интеллект и принятие решений*, 3, 33–41.
- Гаврилова, Т. А., Лещева, И. А., Лещев, Д. В. (2000). Использование онтологий в качестве дидактического средства. *Искусственный интеллект*, 3, 34–39.
- Гаврилова, Т. А., Лещева, И. А., Страхович, Э. В. (2011). Об использовании визуальных концептуальных моделей в преподавании. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент*, 4, 124–150.
- Гаврилова, Т. А., Муромцев, Д. И. (2007). *Интеллектуальные технологии в менеджменте: инструменты и системы: Учебное пособие*. СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента»; Издат. дом Санкт-Петербургского государственного университета.
- Загорулько, Ю. А. (2008). Автоматизация сбора онтологической информации об интернет-ресурсах для портала научных знаний. *Известия Томского политехнического университета*, 312(5), 114–119.
- Кириков, И. А., Колесников, А. В., Румовская, С. Б. (2014). Функциональная гибридная интеллектуальная система для поддержки принятия решений при диагностике артериальной гипертензии. *Системы и средства информатики*, 24(1), 153–179.
- Косихин, В. В. (2012). Психологическое содержание и диагностика когнитивного стиля «Диапазон эквивалентности». *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(2), 116–131.
- Котова, Е. Е. (2013). Моделирование индивидуальных программ обучения студентов с учетом личностных параметров когнитивно-стилевого потенциала. *Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики*, 4(67), 124–128.
- Кубрякова, Е. С., Демьянков, В. З., Панкрац, Ю. Г., Лузина, Л. Г. (1997). *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Кудрявцев, Д. В., Григорьев, Л. Ю., Кислова, В. В., Жулин, А. Б. (2009). Административное моделирование на основе онтологий. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, 157–169.
- Лещева, И. А., Котова, Е. Е. (2012). Исследование взаимосвязей между когнитивным стилем эксперта и построенными им онтологиями. В кн. *Труды 1-го Международного симпозиума «Гибридные и синергетические интеллектуальные системы: теория и практика ГИСИС 2012»* (с. 232–240). Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта.
- Любимов, Л. Л. (2007). Школа и знаниевое общество в России. *Вопросы образования*, 4, 116–140.
- Массель, Л. В. (2010). Применение онтологического, когнитивного и событийного моделирования для анализа чрезвычайных ситуаций в энергетике. *Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций*, 2, 34–43.
- Разин, В. В., Тузовский, А. Ф. (2012). Метод принятия решений на основе анализа ситуаций и семантических технологий. *Известия Томского политехнического университета*, 321(5), 188–193.

- Соловьев, В. Д. (2007). Методика анализа семантических репрезентаций: на пути к естественно-научной парадигме. В кн. *Проблема представления (репрезентации) в языке: Типы и форматы знаний* (с. 80–85). М.: Институт языкознания РАН.
- Солсо, Р. (2006). *Когнитивная психология*. СПб.: Питер.
- Холодная, М. А. (2004). *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума* (2-е изд.). СПб.: Питер.
- Холодная, М. А. (2009). Структурно-интегративная методология в исследовании интеллекта. *Психологические исследования, Appendix 1*(3), 195–204. Режим: <http://psystudy.ru/index.php/num/appendix1-3/66-kholodnaya3a.html>
- Chernigovskaya, T. (1999). Neurosemiotic approach to cognitive functions. *Journal of the International Association for Semiotic Studies – SEMIOTICA*, 127(1/4), 227–237.
- Choi, N., Song, I.-Y., & Han, H. (2006). A survey on ontology mapping. *ACM SIGMOD Record*, 35(3), 34–41.
- Dall'Alba, G., & Barnacle, R. (2007). An ontological turn for higher education. *Studies in Higher Education*, 32(6), 679–691.
- Dicheva, D. (2008). Ontologies and semantic web for e-learning. In H. H. Adelsberger, Kinshuk, J. M. Pawlowski, & D. Sampson (Eds.), *Handbook on information technologies for education and training* (pp. 47–65). Berlin/Heidelberg: Springer.
- Fillenbaum, S. (1959). Some stylistic aspects of categorizing behavior. *Journal of Personality*, 27, 187–195.
- Gangemi, A., Catenacci, C., Ciaramita, M., & Lehmann, J. (2005). *Ontology evaluation: A review of methods and an integrated model for the quality diagnostic task*. Technical Report. Retrieved from http://www.loa.istc.cnr.it/old/Files/OntoEval4OntoDev_Final.pdf
- Gangemi, A., Catenacci, C., Ciaramita, M., & Lehmann, J. (2006). Modelling ontology evaluation. In Y. Sure & J. Domingue (Eds.), *Lecture Notes in Computer Science: Vol. 4011. The semantic web: research and applications* (pp. 140–154). Berlin: Springer. doi: 10.1007/11762256_13
- Gruber, T. R. (1993). A translation approach to portable ontology specifications. *Knowledge Acquisition*, 5(2), 199–220.
- Guarino, N., & Giarretta, P. (1995). Ontologies and knowledge bases. Towards a terminological clarification. In N. Mars (Ed.), *Towards very large knowledge bases: Knowledge building and knowledge sharing* (pp. 25–32). Amsterdam: IOS Press.
- IDC. (2014). The Digital Universe of Opportunities: Rich Data and the Increasing Value of the Internet of Things. EMC Digital Universe study with research and analysis by IDC. Retrieved from <http://www.emc.com/leadership/digital-universe/index.htm>
- Kagan, J. (1966). Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo. *Journal of Abnormal Psychology*, 71, 17–24.
- Koznov, D. V. (2012). Teaching to write software engineering documents with focus on document design by means of mind maps. In V. Uskov (Ed.), *Proceedings of the IASTED International Conference on Computers and Advanced Technology in Education, CATE 2012* (pp. 112–118). Napoli, Italy: ACTA Press. doi: 10.2316/P.2012.774-036
- Lakoff, G. (1987). *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Miller, G. (1956). The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. *Psychological Review*, 63, 81–97.
- Noy, N. F., & McGuinness, D. L. (2001). *Ontology Development 101: A guide to creating your first ontology* (Stanford Knowledge Systems Laboratory Technical Report KSL-01-05 and Stanford Medical

- Informatics Technical Report SMI-2001-0880). Retrieved from <http://protege.wiki.stanford.edu/wiki/Ontology101>
- Pettigrew, T. F. (1958). The measurement and correlates of category width as a cognitive variable. *Journal of Personality*, 26, 532–544.
- Rosch, E. (1999). Principles of categorization. In E. Margolis & S. Laurence (Eds.), *Concepts: core readings* (pp. 189–206). Cambridge, MA: MIT Press.
- Thurstone, L. L. (1944). *A factorial study of perception*. Chicago: University of Chicago Press.
- Witkin, H. A. (1971). *A manual for the embedded figures tests*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.
- Witkin, H. A., Moore, C. A., Goodenough, D. R., & Cox, P. W. (1977). Field-dependent and field-independent cognitive styles and their educational implications. *Review of Educational Research*, 47(1), 1–64.
- Zagoruiko, N. G., Gulyaevskii, S. E., & Kovalerchuk, B. Ya. (2007). Ontology of the data mining subject domain. *Pattern Recognition and Image Analysis*, 17(3), 349–356.

Гаврилова Татьяна Альбертовна — заведующая кафедрой информационных технологий в менеджменте, «Высшая школа менеджмента» СПбГУ, профессор, доктор технических наук.
Сфера научных интересов: управление знаниями, инженерия знаний, интеллектуальные системы.
Контакты: gavrilova@gsom.pu.ru

Лещева Ирина Анатольевна — старший преподаватель кафедры информационных технологий в менеджменте, «Высшая школа менеджмента» СПбГУ.
Сфера научных интересов: управление знаниями, онтологии.
Контакты: leshcheva@gsom.pu.ru

Conceptual Knowledge Structures and Cognitive Style

Tatiana A. Gavrilova^a, Irina A. Leshcheva^a

^a Graduate School of Management (GSOM SPbU), 3 Volkhovskiy Pereulok, St. Petersburg, 199004, Russian Federation

Absract

Knowledge structuring is one of the poorly-studied cognitive processes that significantly affect the learning activity processes as well as professional knowledge sharing communications. The paper describes the main results of the study aimed at investigation of the impact of the individual characteristics of cognitive style in the process of information structuring during learning. The stress is put on the study of the cognitive style parameters, which significantly affect the conceptual design features of hierarchical models (the so-called ontologies) that are important for learning and understanding of the material. The main described results are focused on empirical testing of hypotheses about the impact of the individual characteristics of cognitive style (such as field dependence/field independence, category narrowness/width, impulsiveness/reflexivity) on the individual and collective ontology design features. Some interesting results of the group ontology design work study (in pairs and threesomes) are discussed. They present the relationship between the individual ideas of group members about the domain and the resulting common structure. The sample consists of the Saint-Petersburg Polytechnic University students. The students were tested on the specifics of their individual cognitive styles and after they were asked to create ontologies of the “Computer Science” domain personally and collectively. The obtained results allow to propose some practical recommendations for formation of the efficient groups for collective intellectual work, e.g. data base design, knowledge representation models, business-models and other conceptual structures.

Keywords: conceptual structures, ontologies, knowledge engineering, knowledge structuring, categorization, cognitive styles.

References

- Afanasiev, V. V., & Rezakov, R. G. (2012). Pedagogical diagnostics of quality of students' cognitive activity. *Vestnik Moscow City Teacher Training University. Pedagogic and Psychology*, 3(21), 33–41.
- Allakhverdov, V. M. (2006). *Eksperimental'naya psikhologiya poznaniya. Kognitivnaya logika soznatel'nogo i bessoznatel'nogo* [Experimental cognitive psychology. The cognitive logic of the conscious and the unconscious]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press.
- Bolotnikova, E. S., Gavrilova, T. A., & Gorovoy, V. A. (2011). To a method of evaluating ontologies. *Journal of Computer and Systems Sciences International*, 50(3), 448–461.
- Buzan, T., & Buzan, B. (2014). *Supermyshlenie* [Supercognition]. Minsk: Popurri. (Transl. of: Buzan, T., & Buzan, B. (1996). *The mind map book*. London: BBC Books).
- Chernigovskaya, T. (1999). Neurosemiotic approach to cognitive functions. *Journal of the International Association for Semiotic Studies – SEMIOTICA*, 127(1/4), 227–237.

- Choi, N., Song, I.-Y., & Han, H. (2006). A survey on ontology mapping. *ACM SIGMOD Record*, 35(3), 34–41.
- Dall'Alba, G., & Barnacle, R. (2007). An ontological turn for higher education. *Studies in Higher Education*, 32(6), 679–691.
- Dicheva, D. (2008). Ontologies and semantic web for e-learning. In H. H. Adelsberger, Kinshuk, J. M. Pawlowski, & D. Sampson (Eds.), *Handbook on information technologies for education and training* (pp. 47–65). Berlin/Heidelberg: Springer.
- Fillenbaum, S. (1959). Some stylistic aspects of categorizing behavior. *Journal of Personality*, 27, 187–195.
- Gangemi, A., Catenacci, C., Ciaramita, M., & Lehmann, J. (2005). *Ontology evaluation: A review of methods and an integrated model for the quality diagnostic task*. Technical Report. Retrieved from http://www.loa.istc.cnr.it/old/Files/OntoEval4OntoDev_Final.pdf
- Gangemi, A., Catenacci, C., Ciaramita, M., & Lehmann, J. (2006). Modelling ontology evaluation. In Y. Sure & J. Domingue (Eds.), *Lecture Notes in Computer Science: Vol. 4011. The semantic web: research and applications* (pp. 140–154). Berlin: Springer. doi: 10.1007/11762256_13
- Gavrilova, T. A. (2002). Logiko-lingvisticheskoe upravlenie kak vvedenie v inzheneriyu znaniy [Logic and linguistic management as introduction to engineering of knowledge]. *Novosti Iskusstvennogo Intellekta*, 6, 28–33.
- Gavrilova, T. A. (2005). Ob odnom podkhode k ontologicheskomu inzhiniringu [On the one approach to ontological engineering]. *Novosti Iskusstvennogo Intellekta*, 3, 25–31.
- Gavrilova, T. A., Gorovoy, V. A., & Bolotnikova, E. S. (2009). Otsenka kognitivnoi ergonomichnosti ontologii na osnove analiza grafa [Evaluation of cognitive ergonomicity of ontology on the basis of graph analysis]. *Artificial Intelligence and Decision Making*, 3, 33–41.
- Gavrilova, T. A., & Khoroshevsky, V. F. (2000). *Bazy znaniy intellektual'nykh sistem* [Knowledge bases of intellectual systems]. Saint Petersburg: Piter.
- Gavrilova, T. A., Leshcheva, I. A., & Leshchev, D. V. (2000). Ispol'zovanie ontologii v kachestve didakticheskogo sredstva. *Iskusstvennyi Intellekt*, 3, 34–39.
- Gavrilova, T.A., Leshcheva, I. A., & Strakhovich, E. V. (2011). Ob ispol'zovanii vizual'nykh kontseptual'nykh modelei v prepodavanii [On the usage of visual conceptual models in teaching]. *Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 8. Management*, 4, 124–150.
- Gruber, T. R. (1993). A translation approach to portable ontology specifications. *Knowledge Acquisition*, 5(2), 199–220.
- Guarino, N., & Giarretta, P. (1995). Ontologies and knowledge bases. Towards a terminological clarification. In N. Mars (Ed.), *Towards very large knowledge bases: Knowledge building and knowledge sharing* (pp. 25–32). Amsterdam: IOS Press.
- IDC. (2014). The Digital Universe of Opportunities: Rich Data and the Increasing Value of the Internet of Things. EMC Digital Universe study with research and analysis by IDC. Retrieved from <http://www.emc.com/leadership/digital-universe/index.htm>
- Kagan, J. (1966). Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo. *Journal of Abnormal Psychology*, 71, 17–24.
- Kholodnaya, M. A. (2004). *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of individual mind] (2nd ed.). Saint Petersburg: Piter.
- Kholodnaya, M. A. (2009). Strukturno-integrativnaya metodologiya v issledovanii intellekta [Structural-integrative methodology in the study of intellect]. *Psikhologicheskie Issledovaniya, Appendix 1*(3), 195–204. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/appendix1-3/66-kholodnaya3a.html>

- Kirikov, I. A., Kolesnikov, A. V., & Rumovskaya, S. B. (2014). Functional hybrid intelligent decision support system for diagnostics of arterial hypertension. *Systems and Means of Informatics*, 24(1), 153–179.
- Kosikhin, V. V. (2012). Psychological substance and assessment of the equivalence range cognitive style. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(2), 116–131.
- Kotova, E. E. (2013). Modelirovanie individual'nykh programm obucheniya studentov s uchetom lichnostnykh parametrov kognitivno-stilevogo potentsiala [Modeling of individual programs for students' education with consideration of personal parameters of cognitive style potential]. *Chelovecheskii Faktor: Problemy Psikhologii i Ergonomiki*, 4(67), 124–128.
- Koznov, D. V. (2012). Teaching to write software engineering documents with focus on document design by means of mind maps. In V. Uskov (Ed.), *Proceedings of the IASTED International Conference on Computers and Advanced Technology in Education, CATE 2012* (pp. 112–118). Napoli, Italy: ACTA Press. doi: 10.2316/P.2012.774-036
- Kubryakova, E. S., Dem'jankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., & Luzina, L. G. (1997). *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A shorter dictionary of cognitive terms]. Moscow: Philological Faculty of Moscow State University.
- Kudryavtsev, D. V., Grigoriev, L. Yu., Kislova, V. V., & Zhulin, A. B. (2009). Administrativnoe modelirovanie na osnove ontologii [Administrative modeling on the basis of ontology]. *Public Administration Issues*, 1, 157–169.
- Lakoff, G. (1987). *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Leshcheva, I. A., & Kotova, E. E. (2012). Issledovanie vzaimosvyazei mezhdru kognitivnym stilem eksperta i postroennymi im ontologiyami [A study of interrelations between cognitive style of an expert and his designed ontologies]. In *Trudy 1-go Mezhdunarodnogo simpoziuma "Gibridnye i sinergeticheskie intellektual'nye sistemy: teoriya i praktika GISIS 2012"* [Writings of the First International Symposium "Hybrid and synergetic intellectual systems: Theory and practice HISIS 2012"] (pp. 232–240). Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University.
- Lyubimov, L. L. (2007). School and knowledge society in Russia. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies*, 4, 116–140.
- Massel, L. V. (2010). Primenenie ontologicheskogo, kognitivnogo i sobytiinogo modelirovaniya dlya analiza chrezvychainykh situatsii v energetike [The application of ontological, cognitive and event modeling for analysis of emergency situations in energy engineering]. *Problemy Bezopasnosti i Chrezvychainykh Situatsii*, 2, 34–43.
- Miller, G. (1956). The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. *Psychological Review*, 63, 81–97.
- Noy, N. F., & McGuinness, D. L. (2001). *Ontology Development 101: A guide to creating your first ontology* (Stanford Knowledge Systems Laboratory Technical Report KSL-01-05 and Stanford Medical Informatics Technical Report SMI-2001-0880). Retrieved from <http://protegewiki.stanford.edu/wiki/Ontology101>
- Pettigrew, T. F. (1958). The measurement and correlates of category width as a cognitive variable. *Journal of Personality*, 26, 532–544.
- Razin, V. V., & Tuzovskiy, A. F. (2012). The decision making method based on analysis of situations and semantic technologies. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*, 321(5), 188–193.

- Rosch, E. (1999). Principles of categorization. In E. Margolis & S. Laurence (Eds.), *Concepts: core readings* (pp. 189–206). Cambridge, MA: MIT Press.
- Solovyev, V. D. (2007). Metodika analiza semanticheskikh reprezentatsii: na puti k estestvenno-nauchnoi paradigme [The evaluation method of semantic representations: Towards the natural scientific paradigm]. In *Problema predstavleniya (reprezentatsii) v yazyke: Tipy i formaty znaniya* [The problem of representations in language: Types and formats of knowledge] (pp. 80–85). Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences.
- Solso, R. (2006). *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. Saint Petersburg: Piter. (Transl. of: Solso, R. (1995). *Cognitive psychology* (4th ed.). Boston: Allyn and Bacon).
- Thurstone, L. L. (1944). *A factorial study of perception*. Chicago: University of Chicago Press.
- Velichkovsky, B. M. (2006). *Kognitivnaya nauka: Osnovy psikhologii poznaniya* [Cognitive science: The fundamentals of cognitive psychology] (in 2 vols.). Moscow: Smysl.
- Witkin, H. A. (1971). *A manual for the embedded figures tests*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.
- Witkin, H. A., Moore, C. A., Goodenough, D. R., & Cox, P. W. (1977). Field-dependent and field-independent cognitive styles and their educational implications. *Review of Educational Research*, 47(1), 1–64.
- Zagoruiko, N. G., Gulyaevskii, S. E., & Kovalerchuk, B. Ya. (2007). Ontology of the data mining subject domain. *Pattern Recognition and Image Analysis*, 17(3), 349–356.
- Zagorulko, Yu. A. (2008). Automation of ontologic information gathering about Internet-resources for the scientific knowledge portal. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*, 312(5), 114–119.

Tatiana A. Gavrilova — head of Information Technologies in Management Department, Graduate School of Management (GSOM SPbU), professor, D.Sc.

Research area: knowledge engineering, knowledge management, ontologies for teaching and management.

E-mail: gavrilova@gsom.pu.ru

Irina A. Leshcheva — senior lecturer, Graduate School of Management (GSOM SPbU)

Research area: knowledge management, knowledge engineering, ontologies.

E-mail: leshcheva@gsom.pu.ru

DOES THE WAY WE MEMORIZE INFORMATION DEPEND ON THE WAY WE ARE GOING TO USE IT?

K.A. ABSATOVA^a, A.V. KURGANSKY^a

^aInstitute of Developmental Physiology, Russian Academy of Education, 8/2 Pogodinskaya str., Moscow, 119121, Russian Federation

---

Abstract

Existing research has shown modality-specific differences in short-term memory performance. Almost all previous studies have manipulated the input information without considering the way it will be used at output. In the current study, participants memorized spatially ordered arrays of letter-like shapes simultaneously shown on a screen, and recalled the stimuli by (i) drawing them on a sheet of paper, (ii) typing them on a keyboard according to a specified item-to-key map, and (iii) pronouncing them aloud using an item-to-letter map suggested by the letter-like items' appearance. It was assumed that manipulating the output modality using the fixed stimuli set would lead to favoring different encoding strategies and subsequently result in different error patterns. Although visual input seems to be the main determinant of overall error rates in the drawing, typing and pronouncing tasks, less prominent but robust output-related differences between these tasks were also found. The pen and paper copying task showed a significant excess of substitutions called "upside down errors" and incorrect order responses. The typing task showed a significant excess of omissions. The pronouncing task showed a significant excess of mirror errors and the lowest rate of 90-degree rotations. The differences among patterns of errors in the different tasks are consistent with the hypothesized impact of the output modality on the way that visual information is stored in working memory.

Keywords: working memory, recall, output modality, coding strategy.

Introduction

People hold different lists of items in working memory (WM) and recall the retained information through "output modalities" (MacKay, 1993) like speaking, writing and typing. Numerous studies have examined the relationship between the modality of information at input and the format of representation in WM (Margrain, 1967; Penney, 1989; Baddeley, 1992; Quinn & McConnell, 1996; Mayer & Moreno, 1998; Zimmer & Speiser, 2002; Zimmer,

Speiser, & Seidler, 2003; Brünken, Plass, & Leutner, 2004; Avons & Sestieri, 2005; Brown, Forbes, & McConnell, 2006; Kosslyn, Ganis, & Thompson, 2006; Logie & van der Meulen, 2009; Keogh & Pearson, 2011). Depending on its input modality, information may be stored in at least two distinct ways: the visuo-spatial sketchpad and the phonological loop (Baddeley & Hitch, 1974). It has been shown (for a review, see Logie, 1995; Burgess & Hitch, 2005) that, besides its input modality, the representation

retained in WM depends on other input factors such as the presence of inter-item associations (e.g., Arieh & Algom, 2002), degree of familiarity (e.g., Diana & Reder, 2006) and stimuli similarity (e.g., Poirer, Saint-Aubin, Musselwhite, Mohanadas, & Mahammed, 2007; Saito, Logie, Morita, & Law, 2008). It is also known that the format of retained information depends on the way it will be used (Tversky, 1969; Caramazza & Costa, 2000; Pylyshyn, 2003; Goolkasian, Foos, & Krusemark, 2008). However, the latter issue has been addressed far less frequently.

The present paper aims to explore the influence of the output modality used in a memory recall task onto the information encoding. Participants memorized an ordered array of letter-like shapes simultaneously shown on the screen and recalled them by (i) drawing on a sheet of paper, (ii) typing on a keyboard according to a specified item-to-key map, and (iii) pronouncing aloud using an item-to-letter map suggested by the letter-like item appearance. It was assumed that manipulating the output modality using the fixed stimuli set would result in favoring different encoding strategies and subsequently reveal different error patterns.

Method

Participants

A total of 84 healthy adults (58.3% female) with normal or corrected-to-normal vision volunteered to participate in the study. Participants were between the ages of 18 and 46 ($M = 25.04$, $SD = 6.124$). All of them gave written informed consent.

Apparatus

The experiment was controlled in a semiautomatic manner. Stimuli were shown in low resolution (600×800) on a second monitor attached to a computer. The flow of the experiment was controlled by custom software which was also used to present the visual stimuli and collect manual responses with to-the-millisecond time precision. The manual responses were recorded with an additional keyboard attached to the computer.

Materials

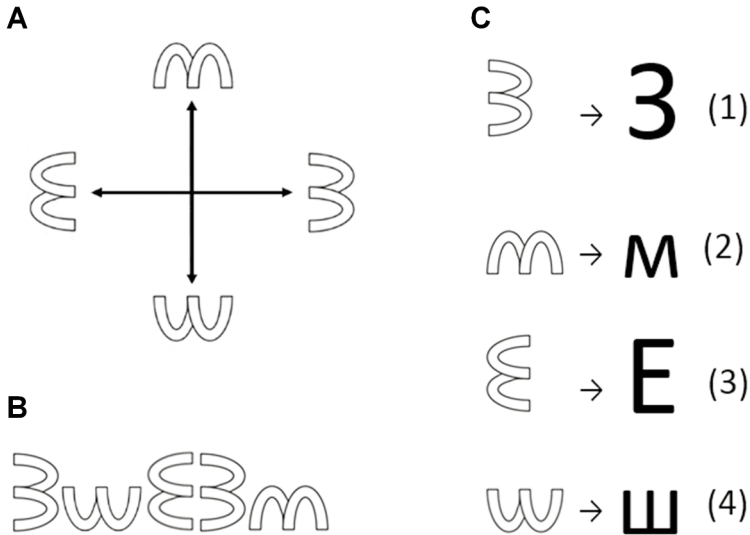
The visual stimuli were constructed from a single shape that can take four different orientations (Figure 1A). These shapes were arranged into different sequences of three, four or five elements (Figure 1B). A total of twenty sequences were prepared for each possible number of elements (span). The shapes and a fixation cross were shown in black against a white background. A warning stimulus was shown in red and imperative stimuli were colored pictures (they are shown in gray scale in Figure 2). All stimuli were presented at the center of the screen and their size did not exceed 8 angular degrees. Participants were seated at a desk with the viewing distance maintained at approximately 1.5 m.

Experimental design

A 3×3 within-subject design was used, with TASK (pen-and-paper copying, typing and pronouncing) and SPAN (3, 4 and 5 elements) as factors. A session of the experiment consisted

Figure 1

Examples of the stimuli

A. Four different stimuli produced by 90-degree rotation of the basic shape. B. An example of the sequence of five stimuli. C. The similarity-based correspondence between the stimuli and Russian block letters.

of three blocks of trials, one for each level of the task factor. Each block consisted of 60 trials: twenty of three elements (span A), twenty of four elements (span B) and twenty of five elements (span C). Thus, each participant performed a total of 180 trials during three consecutive sessions. None of the sequences were used twice within a block, and the span order varied from one participant to another and from task to task (ABC, ACB, BAC, BCA, CAB, CBA).

Procedure

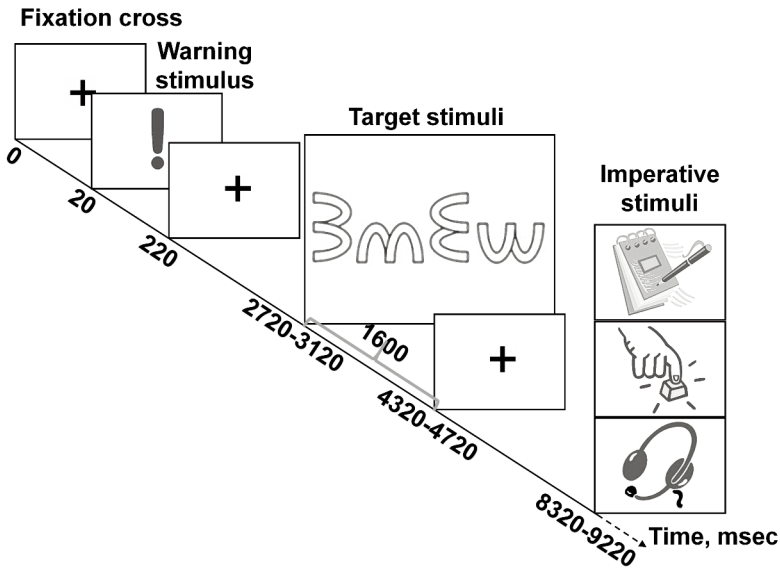
Each trial consisted of the following events: a 20-ms fixation cross was followed by a warning stimulus lasting

200 ms, followed again by the fixation cross (2500–2900 ms) to make a participant ready for the target stimuli (Figure 2). After the presentation of target stimuli (1600 ms), a retention period (4000–4500 ms) began with the appearance of another fixation cross that switched to an imperative stimulus prompting participants to start the recall. The imperative stimulus remained on the screen until the participant responded.

Each participant completed three tasks using the same stimulus material (a block of 60 sequences). The most important precondition for all three tasks was to recall the stimuli in the original order and not before the imperative stimulus. The first task was pen

Figure 2

The sequence of events in a trial

Note. The events are shown with pictograms arranged along the time axis. The fixed and variable time intervals between the successive events and corresponding exposure times are printed beneath the time axis. The pictograms of three possible cues showing a note pad, a finger hitting a key and headphones are stacked together.

and paper copying. The instruction was to draw a single-lined copy of the target stimulus using a pen and a paper record form. The next task was typing. A participant was told to associate the stimulus elements with visually similar Russian block letters corresponding to the latin z, m, e and sh (Figure 1C) and to type the recalled stimuli on a keyboard. Letters were printed in an enlarged font on stickers that were attached to a group of nearby keys in order to minimize searching. It is important to note that while using the keyboard a participant could not monitor the letters he/she had already entered, and could not make corrections. The final task was pronouncing. The participant was again asked to

associate the target stimuli with the same Russian letters (Figure 1C) and to pronounce aloud what had been memorized. Responses were recorded using a voice recorder. All tasks were administered in a fixed order (pen and paper copying → typing → pronouncing) to minimize a potential inter-block interference in the encoding strategy choice. Pen and paper copying does not bias towards either of two strategies of stimuli encoding, phonological or pictorial. Asking a participant to recall a sequence of shapes by typing the predefined set of keys may introduce a bias towards memorizing stimuli by encoding the spatial positions of corresponding keys. Finally, the strongest bias is associated with pronouncing which

strongly encourages using the phonological encoding and subvocal rehearsal as a maintenance strategy.

Data processing

There were three types of data to analyze: paper forms with hand-drawn sequences, disk data files collected during typing and voice recordings with uttered sequences. The responses recorded in all three tasks were encoded with digits (Figure 1C) and matched to the codes of actually presented sequences.

The next step was the processing of incorrect responses that did not match their key codes. Besides the total number of incorrect responses (total error rates), the number of omissions, extra responses, and the number of responses of correct length but incorrect order were computed. Those erroneous responses, which were not ascribed to an

incorrect order, were checked for substitutions. The frequency of each possible substitution of one shape for another was computed for each cross condition TASK×SPAN (a total of nine). The sum of the frequencies of all possible substitutions was equal to one. A substitution (e.g., A for B) and its inverse (B for A) were considered as equal and averaged.

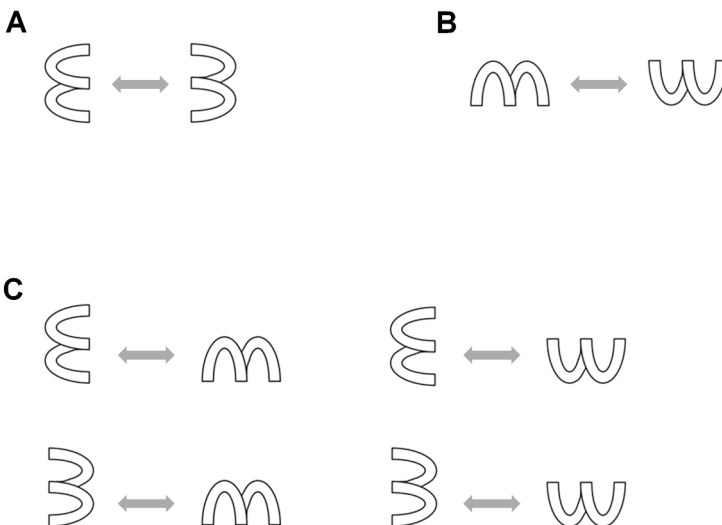
All substitutions were broken onto three classes: mirror errors (Figure 3A), upside down errors (Figure 3B) and 90-degree rotations (Figure 3C). The substitution frequencies were averaged within these classes.

Results

A 3×3 within-subject design included two factors with three levels: TASK (pen and paper copying, typing and pronouncing) and SPAN (3, 4 and 5 elements). The dependent variables

Figure 3

Types of substitution errors. A. Mirror errors. B. Upside down errors. C. 90-degree rotations

were total error rates, incorrect order responses, omissions, extra responses, mirror errors (Figure 3A), upside down errors (Figure 3B) and 90-degree rotations (Figure 3C). Descriptive statistics for all variables are shown in Table 1.

Table 1

Descriptive statistics for different measures of error rates (N = 84)

Task	Measure	3 elements				4 elements				5 elements			
		Median	IQR	Mean	SD	Median	IQR	Mean	SD	Median	IQR	Mean	SD
Copying	total error rates	1	7	1.2	1.5	1	11	2.4	2.6	5	15	5.6	3.8
	incorrect order	0	3	0.5	0.8	1	9	1.9	2.2	2	7	2.3	1.8
	omissions	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
	mirror errors	0	0.17	0.04	0.06	0	0.25	0.01	0.04	0.1	0.3	0.09	0.07
	upside down errors	0	0.33	0.02	0.06	0	0.25	0.03	0.05	0.03	0.26	0.05	0.05
	90-degree rotations	0	0.12	0.01	0.02	0	0.13	0	0.01	0	0.05	0.01	0.01
Typing	total error rates	1	9	1.5	1.8	1.5	12	2.3	2.4	4	18	4.9	4.0
	incorrect order	0	4	0.5	0.7	1	7	1.5	1.6	1	6	1.7	1.6
	omissions	0	5	0.5	0.9	0	9	0.7	1.2	1	12	1.3	1.8
	mirror errors	0	0.25	0.03	0.06	0	0.5	0.02	0.06	0.06	0.3	0.07	0.07
	upside down errors	0	0.17	0.02	0.05	0	0.14	0.01	0.03	0	0.25	0.03	0.05
	90-degree rotations	0	0.08	0.01	0.02	0	0.13	0.01	0.02	0	0.08	0.01	0.01
Pronouncing	total error rates	0	13	1	1.8	1	13	2.1	2.4	5	15	5.0	4.8
	incorrect order	0	7	0.5	1.0	1	13	1.9	2.3	2	8	2.0	1.6
	omissions	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	mirror errors	0	0.17	0.02	0.05	0	0.25	0.01	0.04	0.1	0.3	0.11	0.09
	upside down errors	0	0.17	0.03	0.05	0	0.25	0.01	0.04	0	0.2	0.03	0.05
	90-degree rotations	0	0.04	0.01	0.01	0	0.03	0	0	0	0.03	0	0

Taking into account the fact that the distributions of analyzed variables could not be considered as normal, the median and interquartile range (IQR) were included within the table along with the mean and standard deviation (SD). In order to cope with the potential interaction of TASK and SPAN factors, a general linear model (GLM) was used, since it is known that this method is relatively insensitive to moderate departures from normality.

Table 2 shows the multivariate GLM results (F-test for Wilks' Lambda). All types of errors and total error rates significantly increased as the number of elements (SPAN) grew, except for the substitutions called 90-degree rotations. Total error rates changed insignificantly across the tasks, showing no learning effect. At the same time, the participants made different types of errors depending on the output modality (TASK).

A significant main effect of TASK was found for incorrect order responses. Pairwise comparisons showed that there were significantly more incorrect order responses in the copying task as compared to the typing task (Bonferroni corrected: $p = .042$, $F(1, 83) = 6.288$, $\eta^2_p = .070$). Omissions also depended on the output modality, showing a significant main effect of TASK. Pairwise comparisons revealed significant differences in all tested pairs: there were more omissions in typing versus copying (Bonferroni corrected: $p < .0001$, $F(1, 83) = 42.523$, $\eta^2_p = .339$) and versus pronouncing (Bonferroni corrected: $p < .0001$, $F(1, 83) = 45.525$, $\eta^2_p = .354$), and in copying versus pronouncing (Bonferroni corrected: $p = .021$, $F(1, 83) = 7.545$, $\eta^2_p = .083$). Besides the main effect of TASK, a TASK by SPAN interaction was found for this type of error. Participants made significantly more omissions when typing the

Table 2

The impact of the TASK factor (pen and paper copying, typing and pronouncing), SPAN factor and TASK by SPAN interaction on different types of errors found in 3-, 4- and 5-element sequences (N = 84). GLM results were obtained using the Wilks' Lambda criterion

	SPAN	TASK	SPAN×TASK
Total error rates	$F(2, 82) = 84.975$, $p < .0001$, $\eta^2_p = .675$	$F(2, 82) = 1.295$, $p = .279$, $\eta^2_p = .031$	$F(4, 80) = 1.366$, $p = .253$, $\eta^2_p = .064$
Incorrect order	$F(2, 82) = 73.848$, $p < .0001$, $\eta^2_p = .643$	$F(2, 82) = 3.939$, $p = .023$, $\eta^2_p = .088$	$F(4, 80) = 2.005$, $p = .102$, $\eta^2_p = .091$
Omissions	$F(2, 82) = 12.628$, $p < .0001$, $\eta^2_p = .235$	$F(2, 82) = 25.302$, $p < .0001$, $\eta^2_p = .382$	$F(3, 81) = 8.944$, $p < .0001$, $\eta^2_p = .249$
Mirror errors	$F(2, 82) = 58.992$, $p < .0001$, $\eta^2_p = .590$	$F(2, 82) = .382$, $p = .683$, $\eta^2_p = .009$	$F(4, 80) = 3.417$, $p = .012$, $\eta^2_p = .146$
Upside down errors	$F(2, 82) = 11.720$, $p < .0001$, $\eta^2_p = .222$	$F(2, 82) = 3.967$, $p = .023$, $\eta^2_p = .088$	$F(4, 80) = 1.319$, $p = .270$, $\eta^2_p = .062$
90-degree rotations	$F(2, 82) = .284$, $p = .753$, $\eta^2_p = .007$	$F(2, 82) = 13.633$, $p < .0001$, $\eta^2_p = .250$	$F(4, 80) = 1.060$, $p = .382$, $\eta^2_p = .050$

sequences of five elements than copying the sequences of the same length (Bonferroni corrected: $p < .0001$, $F(1, 83) = 37.468$, $\eta^2_p = .311$) and made no such errors copying the sequences of three and four elements and pronouncing the sequences of all spans.

Regarding the frequency of mirror errors, there was no significant main effect of TASK, however a TASK by SPAN interaction was observed. There was a significant effect of TASK only at the most difficult SPAN level (five elements). Pairwise comparisons revealed significantly more errors in the pronouncing task versus typing (Bonferroni corrected: $p = .018$, $F(1, 83) = 7.812$, $\eta^2_p = .086$).

The frequency of upside down errors also turned to be task-dependent. A significant main effect of TASK was observed. Pairwise comparisons showed significantly more errors in copying versus typing (Bonferroni corrected: $p = .036$, $F(1, 83) = 6.667$, $\eta^2_p = .074$). There was also a tendency to show more errors in copying versus pronouncing (Bonferroni corrected: $p = .054$, $F(1, 83) = 5.800$, $\eta^2_p = .065$).

A significant main effect of TASK was found for the substitutions called 90-degree rotations. Maximum error rates were observed in the typing task, with minimum error rates observed in the pronouncing task. Pairwise comparisons showed significant differences between typing and pronouncing (Bonferroni corrected: $p < .0001$, $F(1, 83) = 22.145$, $\eta^2_p = .211$) and between copying and pronouncing (Bonferroni corrected: $p = .003$, $F(1, 83) = 12.228$, $\eta^2_p = .128$).

The most pronounced differences in error rates across tasks were found for the 5-element sequences (Figure 4).

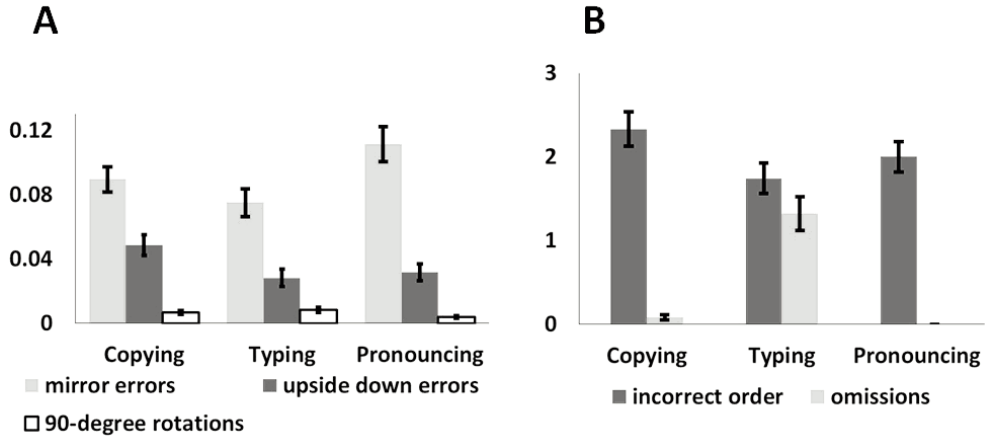
Discussion

In general, observed error rates are a result of an accumulation of errors committed along the entire way from seeing visual stimuli to producing responses; that is, during the stages of visual perception, retention and response execution. The output modality may affect the error rate during stimuli encoding because of varying code formats, and during retention because different code formats might be error-prone to a different degree, and during the response production stage. The present experiment showed that regardless of the output modality, relative frequencies of errors of different kinds follow roughly similar profiles: the rate of mirror errors is higher than the rate of upside down errors and 90-degree rotations for all three output modalities. This finding arises from the visual similarity effect (Logie, Della Sala, Wynn, & Baddeley, 2000) and is in line with the accepted fact that mirror image confusion is the most frequent among other similarity-provoked errors (for a review, see Gregory & McCloskey, 2010). Along with this, the effect of SPAN was another expected result that made the current data comparable (for a review, see Cowan, 2001).

The qualitative similarity of error profiles among the three tasks suggests that a common input is by far the biggest factor affecting recall accuracy, while the observed inter-task differences related to output modality are more subtle. Following the suggestion that different “competitive maps”, such as phonemic or letter maps (Franconeri, Alvarez, & Cavanagh, 2013), underlie high-level functions, one may try to account for these across-task differences

Figure 4

Mean error rates for copying, typing and pronouncing 5-element sequences, computed for the group of 84 participants. Error bars represent standard errors

A. Mirror errors, upside down errors and 90-degree rotations (y-axis represents the frequency of substitutions).

B. Incorrect order responses and omissions (y-axis represents error rates).

by assuming that copying, typing and pronouncing preferably rely on different representation formats: an image, a grapheme and a phoneme (see Figure 5). While an image and a phoneme belong to the pure visuo-spatial and verbal domains, respectively, a grapheme may employ both visuo-spatial and phonological codes. The first column of the schema in Figure 5 contains types of errors specific to each type of representation. The plus/minus signs show hypothetical associations between the error patterns analyzed in this study and three possible representations. Below, the error profiles for each task are considered from this perspective.

Pen and paper copying

During the first task, participants should recall stimuli and draw their

single-lined copy in exactly the same spatial arrangement as they were shown. Compared to the other tasks, this task showed significantly more upside down errors. This task also showed an excess of incorrect order responses, although the significance was revealed only between copying and typing.

The relative excess of upside down errors may be due to a stronger similarity between the pictorial forms of items #2 and #4 (Figure 1A, top and bottom items) in the first task as compared with the other two tasks. By contrast, in the two other tasks the participants were asked to use Russian block letters (typing) or sounds (pronouncing), which are dissimilar in their visual appearance and phonological qualities (Figure 1C (2, 4)). It is interesting that participants might represent the shapes

Figure 5

The error specificity of three possible representations: image, grapheme and phoneme. The scheme summarizes the results of the analysis undertaken in the current study and considers being only hypothetical

	Visuo-spatial representation	Verbal representation	
	Image	Grapheme	Phoneme
Incorrect order	+	-	-
Visual word form area indifference: mirror errors	-	-	+
Visual similarity effect: upside down errors and 90-degree rotations	+	+	-

with the Latin letters W and M which are visually but not acoustically similar (Best & Howard, 2005); several participants did so, according to their self-report.

The excess of incorrect order responses in the copying as compared to the other tasks seems to be unrelated to the preferable usage of pictorial or grapheme representations. Rather, this excess may arise at the response production stage. The exact temporal order in which shapes have to be drawn is not specified in the copying task. This makes copying, typing and pronouncing unequal in terms of recall. Whereas typing and pronouncing unambiguously involve serial recall, copying allows for free recall. These results are consistent with the view that “temporally defined interitem associations help to guide retrieval” (Klein, Addis, & Kahana, 2005, p. 838).

Typing

During the second task, participants should recall the shapes and sequentially match them with the proper keys on the keyboard. This task resulted in a significant excess of omissions as compared to the other tasks. The excess of omissions found in the typing task is hardly related to assumed graphemic representations of the visual stimuli. Rather, this excess might be generated at the execution stage and caused by the fact that, while typing, participants could not monitor the letters they had already entered and could not correct their responses. This explanation is supported by the observation that typists tended to detect about 30% fewer errors when they were prevented from seeing their typed copy (Long, 1976). Extra omissions could also result from

inadequate force or reach on keystrokes (Salthouse, 1986; MacKay, 1993).

Pronouncing

During the third task, participants should recall stimuli and sequentially pronounce the corresponding Russian letters (Figure 1C). In comparison to the two other tasks, the pronouncing task showed a significant excess of mirror errors and the lowest rate of 90-degree rotations.

It is proposed to link the processing of mirror-paired stimuli to the visual word form area (VWFA) which distinguishes between words and their mirror images but remains mirror-invariant for pictures and faces (Dehaene et al., 2010; Dehaene & Cohen, 2011). The stimuli used in the current experiment are letter-like shapes, so their processing should involve the VWFA at input across all three tasks (Barton, Fox, Sekunova, & Iaria, 2010). In the copying and typing tasks, the VWFA may continue to process both pictorial and graphemic representations during the retention stage, while in the pronouncing task the VWFA becomes unemployed as soon as the phonological code is created, thus resulting in an increased rate of mirror errors. This line of reasoning is also supported by the fact that the lowest rate of mirror errors was found in typing, when VWFA is supposed to be the most sensitive to the mirrored graphemes.

The lowest rate of upside down errors in copying as compared to the other two tasks is explained via a greater similarity between the pairs of corresponding shapes. This argument is grounded on the assumption that these pairs of shapes are more similar if they are stored in pictorial format relative to

the situation when they are stored in either graphemic or phonemic formats. Following the same logic, one should expect a similar outcome for 90-degree rotations, but that was not found: the rate of 90-degree rotations turned out to be the highest in typing, not in copying. However, the excess of 90-degree rotations found in typing could have been generated at the execution stage. Stickers with Russian block letters were attached to the keyboard in the order 1→2→3→4 (Figure 1C), thus favoring 90-degree rotation errors upon mistakenly pressing an adjacent key. The latter is known to be the most frequent error in typewriting (Salthouse, 1986; MacKay, 1993).

Conclusions

Although visual input seems to be a major determinant of the overall error rates in drawing, typing and pronouncing tasks, less prominent but robust across-task differences are also found.

The most pronounced differences in error rates across tasks were found for the highest memory load condition (5-element sequences). The pen and paper copying task showed a significant excess of the substitutions called “upside down errors” and incorrect order responses. The typing task showed a significant excess of omissions. The pronouncing task showed a significant excess of mirror errors and the lowest rate of 90-degree rotations.

It is suggested that the across-task differences in patterns of specific errors might result, in part, from the preferable use of different code formats (pictorial, graphemic, and phonological) and, in part, from unequal conditions at the response execution stage.

The results of the present experiment suggest that an output format should be considered when interpreting results of immediate recall experiments.

Acknowledgment

This work was supported by the Russian Scientific Fund (Grant # 14-18-03737).

References

- Arieh, Y., & Algom, D. (2002). Processing picture-word stimuli: The contingent nature of picture and of word superiority. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, *28*(1), 221–232. doi:10.1037/0278-7393.28.1.221
- Avons, S. E., & Sestieri, C. (2005). Dynamic visual noise: No interference with visual short-term memory or the construction of visual images. *European Journal of Cognitive Psychology*, *17*(3), 405–424. doi:10.1080/09541440440000104
- Baddeley, A. (1992). Working memory. *Science*, *255*(5044), 556–559.
- Baddeley, A. D., & Hitch, G. (1974). Working memory. In G. H. Bower (Ed.), *The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory* (Vol. 8, pp. 47–89). New York: Academic Press.
- Barton, J. J., Fox, C. J., Sekunova, A., & Iaria, G. (2010). Encoding in the visual word form area: An fMRI adaptation study of words versus handwriting. *Journal of Cognitive Neuroscience*, *22*(8), 1649–1661. doi:10.1162/jocn.2009.21286
- Best, W., & Howard, D. (2005). “The W and M are mixing me up”: Use of a visual code in verbal short-term memory tasks. *Brain Cognition*, *58*(3), 274–285. doi:10.1016/j.bandc.2004.12.005
- Brown, L. A., Forbes, D., & McConnell, J. (2006). Limiting the use of verbal coding in the Visual Patterns Test. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, *59*(7), 1169–1176. doi:10.1080/17470210600665954
- Brünken, R., Plass, J. L., & Leutner, D. (2004). Assessment of cognitive load in multimedia learning with dual-task methodology: Auditory load and modality effects. *Instructional Science: An International Journal of the Learning Sciences*, *32*(1), 115–132. doi:10.1023/B:TRUC.0000021812.96911.c5
- Burgess, N., & Hitch, G. (2005). Computational models of working memory: putting long-term memory into context. *Trends in Cognitive Sciences*, *9*(11), 535–541. doi:10.1016/j.tics.2005.09.011
- Caramazza, A., & Costa, A. (2000). The semantic interference effect in the picture-word interference paradigm: Does response set matter? *Cognition*, *75*(2), B51–B64.
- Cowan, N. (2001). The magical number 4 in short-term memory: A reconsideration of mental storage capacity. *Behavioral and Brain Sciences*, *24*(1), 87–114; discussion 114–185. doi:10.1017/S0140525X01003922
- Dehaene, S., & Cohen, L. (2011). The unique role of the visual word form area in reading. *Trends in Cognitive Science*, *15*(6), 254–262. doi:10.1016/j.tics.2011.04.003
- Dehaene, S., Nakamura, K., Jobert, A., Kuroki, C., Ogawa, S., & Cohen, L. (2010). Why do children make mirror errors in reading? Neural correlates of mirror invariance in the visual word form area. *NeuroImage*, *49*(2), 1837–1848. doi:10.1016/j.neuroimage.2009.09.024
- Diana, R. A., & Reder, L. M. (2006). The low-frequency encoding disadvantage: Word frequency affects processing demands. *Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition*, *32*(4), 805–815. doi:10.1037/0278-7393.32.4.805

- Franconeri, S. L., Alvarez, G. A., & Cavanagh, P. (2013). Flexible cognitive resources: Competitive content maps for attention and memory. *Trends in Cognitive Science*, 17(3), 134–141. doi:10.1016/j.tics.2013.01.010
- Goolkasian, P., Foos, P. W., & Krusemark, D. C. (2008). Reduction and elimination of format effects on recall. *American Journal of Psychology*, 121(3), 377–394.
- Gregory, E., & McCloskey, M. (2010). Mirror-image confusions: Implications for representation and processing of object orientation. *Cognition*, 116(1), 110–129. doi:10.1016/j.cognition.2010.04.005
- Keogh, R., & Pearson, J. (2011). Mental imagery and visual working memory. *PLoS ONE*, 6(12), e29221. doi:10.1371/journal.pone.0029221
- Klein, K., Addis, K., & Kahana, M. (2005). A comparative analysis of serial and free recall. *Memory and Cognition*, 33(5), 833–839. doi:10.3758/BF03193078
- Kosslyn, S. M., Ganis, G., & Thompson, W. L. (2006). Mental imagery and the human brain. In Q. Jing, M. R. Rosenzweig, G. d'Ydewalle, H. Zhang, H. C. Chen, & K. Zhang (Eds.), *Progress in psychological science around the world* (Vol. 1, pp. 195–209). New York: Psychology Press.
- Logie, R. H. (1995). *Visuo-spatial working memory*. Hove, UK: Lawrence Erlbaum Associates.
- Logie, R. H., Della Sala, S., Wynn, V., & Baddeley, A. D. (2000). Visual similarity effects in immediate verbal serial recall. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology A*, 53(3), 626–646.
- Logie, R. H., & van der Meulen, M. (2009). Fragmenting and integrating visuospatial working memory. In J. R. Brockmole (Ed.), *The visual world in memory* (pp. 1–32). Hove, UK: Psychology Press.
- Long, J. (1976). Visual feedback and skilled keying: Differential effects of masking the printed copy and the keyboard. *Ergonomics*, 19(1), 93–110.
- MacKay, D. G. (1993). Slips of the pen, tongue, and typewriter: A contrastive analysis. In G. Blanken, J. Dittmann, H. Grimm, J. C. Marshall, & C. W. Wallesch (Eds.), *Linguistic disorders and pathologies: An international handbook* (Vol. 8, pp. 66–72). Berlin/New York: Walter de Gruyter.
- Margrain, S. A. (1967). Short-term memory as a function of input modality. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 19(2), 109–114.
- Mayer, R. E., & Moreno, R. (1998). A split-attention effect in multimedia learning: Evidence for dual processing systems in working memory. *Journal of Educational Psychology*, 90(2), 312–320. doi:10.1037/0022-0663.90.2.312
- Penney, C. G. (1989). Modality effects and the structure of short-term memory. *Memory and Cognition*, 17(4), 398–442.
- Poirer, M., Saint-Aubin, J., Musselwhite, K., Mohanadas, T., & Mahammed, G. (2007). Visual similarity effects on short-term memory for order: the case of verbally labeled pictorial stimuli. *Memory and Cognition*, 35(4), 711–723. doi:10.3758/BF03193309
- Pylyshyn, Z. (2003). Return of the mental image: Are there really pictures in the brain? *Trends in Cognitive Science*, 7(3), 113–118. doi:10.1016/s1364-6613(03)00003-2
- Quinn, J. G., & McConnell, J. (1996). Indications of the functional distinction between the components of visual working memory. *Psychologische Beiträge*, 38(3–4), 355–367.
- Saito, S., Logie, R. H., Morita, A., & Law, A. (2008). Visual and phonological similarity effects in verbal immediate serial recall: A test with kanji materials. *Journal of Memory and Language*, 59(1), 1–17. doi:10.1016/j.jml.2008.01.004
- Salthouse, T. A. (1986). Perceptual, cognitive, and motoric aspects of transcription typing. *Psychological Bulletin*, 99(3), 303–319.
- Tversky, B. (1969). Pictorial and verbal encoding in a short-term memory task. *Perception and Psychophysics*, 6(4), 225–233.

- Zimmer, H. D., & Speiser, H. R. (2002). The irrelevant picture effect in visuo-spatial working memory: Fact or fiction? *Psychologische Beiträge*, 44(2), 223–247.
- Zimmer, H. D., Speiser, H. R., & Seidler, B. (2003). Spatio-temporal working-memory and short-term object-location tasks use different memory mechanisms. *Acta Psychologica*, 114(1), 41–65. doi:10.1016/S0001-6918(03)00049-0

Kseniya A. Absatova — Ph.D. student, researcher, Laboratory of Neurophysiology of Cognitive Processes, Institute of Developmental Physiology, Russian Academy of Education.
Research area: cognitive psychology, cognitive neuroscience, complex (EEG and neuropsychological) assessment of child cognitive development.
E-mail: ksinapsys@gmail.com

Andrei V. Kurgansky — leading researcher, Laboratory of Neurophysiology of Cognitive Processes, Institute of Developmental Physiology, Russian Academy of Education, D.Sc.
Research area: cognitive neuroscience, EEG quantitative analysis.
E-mail: akurg@yandex.ru

Зависит ли удержание информации в рабочей памяти от способа ее воспроизведения?

К.А. Абсатова^а, А.В. Курганский^а

^а ФГБНУ «Институт возрастной физиологии РАО», 119435, Россия, Москва, ул. Погодинская, д. 8, к. 2

Резюме

Существующие исследования свидетельствуют в пользу наличия модально-специфических различий процессов кратковременного удержания информации в рабочей памяти. Практически во всех известных исследованиях варьировались параметры «входной», запоминаяемой информации, при этом не рассматривалось возможное влияние на рабочую память той деятельности, в которой эта информация в дальнейшем использовалась. В настоящем исследовании испытуемым было предложено запомнить симультанные последовательности похожих на буквы фигур и воспроизвести их тремя способами: (1) копируя

от руки на лист бумаги, (2) перекодируя в печатные буквы, ввести с помощью клавиатуры, и, (3) ассоциируя с теми же буквами, произнести вслух. Мы предположили, что разные задачи воспроизведения одного и того же набора стимулов повлияют на стратегии перекодирования информации и как следствие будут различаться паттернами ошибок. Хотя качественные характеристики предъявляемых элементов оказали наибольшее влияние на характер ошибок при копировании, вводе с помощью клавиатуры и произнесении вслух, было также обнаружено убедительное влияние способа воспроизведения информации. При копировании стимулов от руки на лист бумаги было выявлено статистически значимое преобладание вертикальных инверсий изображений и ошибок порядка. В задаче с вводом ответа при помощи клавиатуры значимо преобладали пропуски элементов. При произнесении вслух значимо возросло количество зеркальных ошибок, при этом количество поворотов элементов на 90° значимо уменьшалось. Полученные различия свидетельствуют в пользу влияния способа воспроизведения зрительной информации на ее хранение в рабочей памяти.

Ключевые слова: рабочая память, воспроизведение информации, способ воспроизведения, стратегия перекодирования.

Абсатова Ксения Александровна — аспирант, исследователь, лаборатория нейрофизиологии когнитивной деятельности, ФГБНУ «Институт возрастной физиологии РАО». Сфера научных интересов: когнитивная психология, когнитивные нейронауки, комплексная (ЭЭГ и нейропсихологическая) оценка детского когнитивного развития. Контакты: ksinapsys@gmail.com

Курганский Андрей Васильевич — ведущий исследователь, лаборатория нейрофизиологии когнитивной деятельности, ФГБНУ «Институт возрастной физиологии РАО», доктор биологических наук. Сфера научных интересов: когнитивные нейронауки, ЭЭГ, количественный анализ. Контакты: akurg@yandex.ru

COHESION, SIMILARITY AND VALUE IN PARENT-CHILD REPRESENTATIONS OF ALBANIAN AND SERBIAN IMMIGRANT AND ITALIAN NATIVE CHILDREN

R. DIMITROVA^a

^a *Stockholm University, 14 Frescati Hagv., Stockholm, SE-106 91, Sweden*

Abstract

The study of parent-child representations across cultures is important in order to obtain a proper understanding of the attributes, size and positioning of such figures as indicators of different interaction patterns across cultures. A thorough base of research evidence for the interpretation of children's drawings may facilitate work in multicultural educational settings and enhance our understanding of cultural diversity in schools. Italy provides an ideal context for the study of parent-child representations, as the country has witnessed increasing cultural diversity in recent years with the immigration of various ethnic groups. This study examined the extent to which this context influences children's representations in domains of Cohesion (interpersonal bonding), Similarity (affinity) and Value (spatial relevance) among parent-child figures because these domains inform important representational processes of interpersonal bonding with parents across specific cultures. The Pictorial Assessment of Interpersonal Relationships (PAIR) was used to codify drawings of 326 children with Albanian (n = 59), Serbian (n = 85) and Italian (n = 182) backgrounds. The results showed that in drawings made by Albanian and Serbian children parental figures were drawn similar to and close to the child figure representing their less independent reciprocal stance. The parental figures drawn by Italian children appear bigger and farther apart. Important implications may be derived from the results in facilitating work in multicultural educational settings, by enhancing knowledge regarding cultural diversity in schools.

Keywords: drawings; parent-child representations; Albanian and Serbian immigrant children, Italian children, PAIR.

This study explores parent-child representations in the drawings of Albanian and Serbian immigrant and Italian native children in Italy. Although research shows the existence of context-dependent influences in parent-child representations in terms of interpersonal bonding, and the distance between parents and children in Swedish, British or Arab cultures (Andersson & Andersson, 2009; An-

dersson, 1995; Golomb, 2004; Lev-Wiesel & Al-Krenawi, 2000), this research is still emerging especially with regard to the comparison of drawings of children in Italy. The study of parent-child representations across cultures is important for three reasons. Firstly, the available research consistently shows that the size, positioning and the attributes of depicted objects in children's drawings can be reliably interpreted as

an index of children's perception of the figures and objects being depicted (Burkitt, Barrett, & Davis, 2003; Koppitz, 1969; Thomas & Jolley, 1998). Secondly, it is important to obtain a proper understanding of the attributes, size and positioning of such figures as indicators of different interaction patterns across cultures. Lastly, understanding the cultural variations in children's drawings has potential applications. A thorough base of research evidence for the interpretation of children's drawings may facilitate work in multicultural educational settings, as this will enhance our understanding of cultural diversity in schools. Italy provides an ideal context for the study of parent-child representations as the country has witnessed increasing cultural diversity in recent years with the immigration of various ethnic groups, most notably Albanian and Serbian. This study examined the extent to which this context influences children's representations in the domains of Cohesion (interpersonal bonding), Similarity (affinity) and Value (spatial relevance) among parent-child figures.

Children's drawings across cultures

The available literature provides evidence for the notion that differences in children's representations with significant others assume clearly distinguishable meaning, according to their cultural context. For example, Pinto, Bombi and Cordioli (1997) compared children's drawings of themselves together with a friend in Italy, Bolivia and Lebanon. The results indicated that children from Bolivia drew more similarities in the figures of themselves and their friend compared with those in

Italy and Lebanon. Similarly, Vasquez (1988) compared the drawings of Chinese and American children in elementary school. American children included their parents and other family members significantly less often in their drawings than did Chinese children (Nuttal, Chieh, & Nuttal, 1988). Andersson (1995) also found cultural variations in drawings of children from an urban school in Tanzania, who drew family figures as aligned groups, with reduced social distance among figures. In contrast, Swedish children drew greater distance between children and parents, and included more decorative objects than did African children. Steward, Furuya, Steward, and Ikeda (1982) report cultural variations, indicating that American children were more likely than those in Japan to complete their drawing of a human figure by using more color, more facial features and clothing details. Japanese children, as compared to Americans, were also found to draw significantly fewer smiles, larger and taller figures and a larger number of details (La Voy et al., 2001). Interesting cultural differences are also reported in rural Cameroon compared to urban German samples. The figure size and the head size in drawings of children in rural Cameroon were found to be substantially smaller than those of urban German children (Rübeling et al., 2010).

Furthermore, the study conducted by Pinto and Arciènega (2001) supports the importance of cultural influence in the representations of children from two contexts – a rural collectivistic community of Guaraní Indians and an individualistic urban community in Bolivia. Drawings provided by children in the collectivistic community were

characterized by more details of closeness and proximity to their parents compared to those of the individualistic setting. Finally, results reported by Arace (2006) add to the relatively few data on the way in which children from different ethnic groups in Italy reflect their perception of parent-child relationships in their drawings. The study was conducted with a sample of Moroccan and Italian elementary school-children. The results showed that drawings produced by the Moroccan children compared to those by Italian children were characterized by more indicators of interaction and socio-emotional closeness between the self and parental figures.

Drawing on the above-presented work, this study examines parent-child representations among Albanian, Serbian immigrant and Italian native groups that are particularly interesting in the context of these ethnic communities and presumably affect their representations in a unique way. These groups can also be viewed in terms of their representativeness for individualistic and collectivistic contexts (Hofstede, 2001), as discussed in the next section.

Individualistic and collectivistic cultures

In the literature, a distinction has been made between collectivistic and individualistic cultures in order to define and attempt to explain differences in behavior, attitudes, and emotional concerns of people in different cultures. It has been suggested that people from individualistic and collectivistic cultures differ in behaviour, relationships and the way they define

themselves (Shiraev & Levy, 2010). An essential attribute of collectivistic cultures is that individuals subordinate their personal goals to the goals of a stable collective in-group, for example their family (Hofstede, 2001). Major emphasis regards the concern for others, care for tradition and values as well as strong ties among family members. Goals of the group are seen as important; therefore an important concern regards the integrity among group members and emotional attachment to the group. Social relationships with unequal power are more common in collectivistic cultures and interdependence between parent and child is maximized. In contrast, individualistic cultures define the self as an entity that is distinct and separate from the group. There is an emphasis on personal goals accompanied by less emotional attachment to the group. Parents in individualistic countries tend to be more willing to increase the independence and autonomy for their children (Triandis, Bontempo, Villareal, Asai, & Lucca, 1988).

Closely related to individualism and collectivism is the dichotomy of the independent self and the interdependent self. In fact, considerable research evidence supports the notion that people differ with respect to their conceptions of self in terms of an independent or interdependent self-construal (Markus & Kitayama, 1991). The independent self concerns individual characteristics and personal qualities related to self-enhancement, self-reliance and self-expression. Prototypical examples of the independent self are found to characterize Western urban contexts and are represented by autonomy (Kağitcibaşı, 2007; Keller, 2007;

Markus & Kitayama, 1991). It is important to note that the notion of autonomy is conceived here in terms of independence in contrast to the one used in self-determination theory (SDT; Deci & Ryan, 2000) emphasizing the choice and the ability to take initiative. The interdependent self focuses on strong reliance on social systems, mainly the family, and is characterized by the need for strong relationships, cooperation and the value of hierarchy and conformity. The core component of the interdependent self is relatedness with others, the family unit or members of close social networks (Keller, Kartner, Borke, Yovsi, & Kleis, 2005). A common feature of individualism/collectivism and independence/interdependence models is their unidimensional nature in that they are mutually dependent constructs on the same continuum. However, recent theorization of autonomy/relatedness suggests different conceptions of their interrelations (Keller, 2012). In this line of reasoning, autonomy and relatedness may coexist because they are both universal human needs and an essential part of contextual demands for individuals (Kağitcibaşı, 2007).

With regards to the above conceptualizations, Albanian, Serbian and Italian children were chosen as representative of individualistic and collectivistic orientations. Specifically, collectivism has been suggested to be higher in Albania and Serbia in contrast to Italy where more individualistic oriented attitudes are a common norm (Gyula, Takacs, Karacsonyi, & Imrek, 2002; Hofstede, 2001). On the contrary, Italy has been shown to present the prototypical characteristics of an individualistic culture (Hofstede,

2001). Italy is classified among the ten most individualistic countries in Europe and has been included in the list of cultures belonging to the ten highest rank countries on individualism (Yates, 2013).

Based on the above presented evidence, it is plausible to assume that children's representations of parent-child relationships may differ, and that these differences are expressed in children's drawings. This study was set up to investigate this assertion, by comparing drawings of children belonging to three cultures regarded as representative for collectivism and individualism dimensions. The focus of the present investigation is on differences in Albanian, Serbian and Italian children's drawings in relation to family representations which are related to more collectivistic Albanian and Serbian cultures characterized by higher family cohesion and ties compared to the more autonomous oriented Italian culture. In the following paragraphs, a description of parent-child relationships of the target groups and the study context are discussed, before presenting the hypotheses.

Parent-child relationships in Albanian, Serbian and Italian cultures

Parent-child relationships are shaped by cultural contexts embedded within cultural conceptions of independence and interdependence (Bornstein & Cote, 2006; Lamm & Keller, 2007). In broad terms, parents from cultures with a dominantly independent orientation value self-reliance, individuation and autonomy, whereas those from interdependent cultures view

obedience to authority as an important socialization value for their children. The present study investigated parent-child representations in three samples of Albanian, Serbian and Italian children living in Northern Italy. Parenting norms are quite different in these three cultures, making them interesting settings in which to investigate the extent to which associations of cultural background and representations of parent-child relations are similar or different across groups.

The traditional Albanian family is characterized by social norms of patriarchal values and obedience to authority. The family is the basic unit of the country's social structure, where children are brought up to respect their elders and, above all, their father, whose word is law within the family (Doja, 2010). As a consequence, an important feature of the Albanian family is the role of the father with his highly respected position within the family and society. An interesting feature of the traditional Albanian family is its large extended structure, which has its beginning in the pro-natal policy pursued during the communist regime. The extended family, headed by an elderly male, usually comprises all of his sons and their wives and children, all living under the same roof. In some cases, an extended family may inhabit several adjoining houses, where household and labor tasks are performed jointly (Gruber & Pichler, 2002). However, recent reports state that the nuclear family is on the rise in almost all parts of the country although larger families are more prevalent in rural areas and the majority of these belong to the group with the lowest level of wealth. The average number of chil-

dren in Albanian families is three or more with a clear peak for rural areas where many families also have more than three children, supporting the presence of more extended families in rural areas (INSTAT, 2011).

Similar to the Albanian family structure, ample evidence documents strong family features of the Serbian community. Studies report on strong family ties, intergenerational connections and solidarity within and between families as well as the central role of the paternal figure (Brannen, Lewis, Nilsen, & Smithson, 2002; Wallace & Kovatcheva, 1998). There is a strong moral obligation for parents to support their children financially throughout their education, in starting an independent household and in childcare. Related to that, parents rely heavily on their social ties as a support in parenting (Tomanović, 2005). Interfamilial ties are based on a strong sense of reciprocity; this was recognized by the policies of the socialist system, which oriented the majority of rights and privileges towards the family through their housing policy. Serbia is characterized by a low proportion of children within the family as the average household size is 3 persons. Recent estimates indicate negative population growth during the past decade with 38 percent of households having only one child under 18 (UNICEF, 2007).

Although classified as an individualistic culture, Italy is characterized by close familial relationships typical of Mediterranean cultures, where the importance of family bonds and values are still the focus of their society (Georgas, Berry, van de Vijver, Kagitcibasi, & Poortinga, 2006). Currently the modal number of children in Italian

families is one (Ciairano, Kliewer, & Rabaglietti, 2009). It is also of interest that children typically live with their families until early adulthood (Bonino, Cattelino, & Ciairano, 2006). In fact, youths and young adults leave their family to live independently very late – usually when they marry at around 30 years of age. This may be due to the central role of parental control and support in Italian families (Ciairano, Kliewer, Bonino, & Bosma, 2008). A distinctive feature of the Italian family model is the role of the mother, who holds a highly respected position in Italian society. She is the dominant figure in the Italian family, typically running every aspect of domestic life, and helping her family in all spheres. Italians consider the mother to be the primary figure who keeps the family together, who creates and maintains the familial links, and who is the bond that unifies all family members (Mannetti & Schneider, 1996).

With regard to gender, there are some important differences among Albanian, Serbian and Italian cultures. In the past, Italy had a more traditional gender-role division, with men working and women taking care of children and the household. However, during the last twenty years this pattern has changed, and now the majority of women are employed full-time (Buzzi, Cavalli, & de Lillo, 1997). Relative to Albanian and Serbian cultures, there seem to be fewer traditional gender roles in the Italian family, due to new societal trends. Related to that, gender differences might be evident in comparing Italy with cultures characterized by more traditional sex roles such as Albania and Serbia. Additionally, across all three cultures, boys are

socialized to be more independent and to individuate from the family more quickly than girls; therefore, parent-child representations may have different interpretations for boys and girls.

In summary, despite commonalities in family bonds and values, Albanian, Serbian and Italian families differ in their household composition, role models and gender trends. Whereas Albanians and Serbians put more emphasis on the paternal role, the mother is the dominant figure for Italians. Italian compared to Albanian and Serbian families have less traditional gender roles and lower numbers of children. It is also worth noting that both Albania and Serbia are former communist states that spent several decades under the influence of the Soviet Union, a socialist society, whereas Italy did not. Arguably, such relevant historical characteristic coupled with differences in dominant religion in each culture (e.g., Roman Catholicism; Eastern Orthodoxy; atheism) and the individualism/collectivism dimension, might account for important cultural differences in these groups. Therefore, differences among Albanian, Serbian and Italian cultures create particularly interesting settings to compare children's representations, and in addition, to investigate whether relations between parents and children are similar or different in these three cultures in relation to gender effects.

Study context

The present study was conducted in Italy, which, like other European regions, has been experiencing marked immigrant inflow since the early 1990s. Italy is considered to be a desirable

European country to migrate to and settle in because of the need for immigrant labor and frequent regularization practices (Ceccagno, 2003). An important immigration characteristic is the growing number of children, considering that the birth rate of immigrants is twice that of native Italians, thus contributing to the national population growth rate (Farina, 2002). According to official statistics, the current number of immigrants in the country is close to four million (i.e. between 3.8 and 4.0 million), constituting 7 per cent of the total population (Caritas e Migrantes, 2010). Major migratory groups are mainly from Eastern Europe, with the largest ones from Albania, Romania and Serbia. In particular, the Albanian and Serbian populations are distributed mainly in Northern Italy, which presents specific demographic characteristics with respect to the distribution of immigrant populations throughout the rest of the country. In fact, there has been a great increase in the immigrant population in recent years, and this phenomenon has established the area at fifth place nationally in terms of the ratio of immigrants to native residents. Moreover, the factors sustaining migratory movement and the stable settlement of the immigrant population are the high number of family reunions, the acquisition of Italian nationality, and mixed marriages (Marra, 2002).

Some important characteristics of the Albanian and Serbian groups in the area need to be outlined. These communities are the largest immigrant groups, and they are well represented in the local social and economic context. They have settled in the past two decades with their families and chil-

dren, creating a well-structured community with the tendency to re-create family groups. Moreover, the percentage of Albanians and Serbians with children is particularly high, as are nationality acquisitions and the number of naturalizations (Piperino, 2002). In less than ten years, Albanian immigration has developed rapidly with gradual stabilization of families and a large increase of the gender structure of their community. Albanian immigrant women and children have much higher growth rates than men, and now represent over one-third of the community (Bonifazi & Sabatino, 2003). Similarly, annual increase of the Serbian community has been registered with a significant female component representing 45 percent of the total Serbian population in Italy (Fincati, 2007). Another salient characteristic of these groups regards their difficult integration and discrimination by the host population. In fact, the integration of these immigrants is very difficult and related to social exclusion and negative stereotyping which in turn reinforce poor labor inclusion and socio-cultural integration (Piperino, 2002).

This study included immigrant groups of children who had emigrated from Serbia and Albania. Despite the great numerical presence of these minority groups, a main reason for their inclusion in the study was their representativeness as prototypical cultural groups in the territory considered. Albanian and Serbian ethnic minorities in this area were formed by involuntary immigrant movement from their homeland because of inter-ethnic and political conflicts. This situation is further amplified by the fact that their migration status is more frequently related to

discrimination and difficult integration into the Italian context. Arguably, such differences in migration status might also be a relevant factor determining similarities and differences among these groups.

The present study

The purpose of the present study is to investigate similarities and differences in parent-child representations as reflected in drawings of Albanian, Serbian immigrant and Italian children in Italy. The Cohesion, Similarity and Value of the drawn figures of the children and their parents at the dyadic level were chosen for the study because they may inform us regarding important representational processes of interpersonal bonding with parents across three specific cultures. Prior evidence suggests that drawings of children from collectivistic communities show higher interpersonal bonding between parents and children, while those from individualistic contexts, focus on autonomy and independence among family members (Andersson, 1995). Accordingly, it was hypothesized that children's representations in terms of physical proximity, similarity and value between self and parental figures vary across groups. In particular, the study was expected to observe differences in children's drawings, which would be characterized by less emphasized independence and autonomy (lower scores on Similarity and higher on Value and Cohesion) in the Albanian and Serbian groups compared with the Italian group (Hypothesis 1). In addition, gender differences among Albanian, Serbian and Italian children's parent-child representations were investigated. Earlier research de-

monstrated that the height of figures was significantly bigger in drawings of girls (Andersson, 1995; La Voy et al., 2001) and girls compared to boys draw significantly more essential details, female or mother figures taller than males (Cherney, Seiwart, Dickey, & Flichtbeil, 2006). Building on this prior evidence, this study aimed at exploring gender effects and interactions in the parent-child representations as reflected in the drawings of Albanian, Serbian immigrant and Italian native children. Because of less traditional gender roles in the Italian family due to new societal trends (Buzzi et al., 1997), Italian girls were expected to represent greater independence from their parents (lower scores on Similarity and Cohesion) in their representations relative to the Albanian and Serbian girls (Hypothesis 2). Finally, ethnic group differences between mother-child and father-child dyads were explored. Prior work has demonstrated the central role of the maternal role model as a dominant figure in Italian families (Ciairano et al., 2008; Manetti & Schneider, 1996) and this study sought to explore this role in the parent-child representations. Given the strong role model of the mother in Italian culture, Italian children were expected to represent higher affinity and spatial relevance with their mother (higher scores on Similarity and Value) than their father compared to both Albanian and Serbian children (Hypothesis 3).

Method

Participants

The participants were 326 children from five elementary schools, aged 6 to

13 years, in middle-size urban areas in Northern Italy. The mean age of the sample was 8.69 years ($SD = 1.39$). There were 59 Albanian, 85 Serbian and 182 Italian children. 52% of all children were female, and 48% were male (for overview see Table 1). With the help of school teachers first-generation (born abroad) Albanian and Serbian children were identified (i.e. those whose parents were both from the same country of origin, i.e., Albania or Serbia). Prior to data collection, teachers were asked about the average length of stay of the immigrant children. All Albanian and Serbian children had been born abroad and living in Italy from minimum one to maximum ten years. Albanian and Serbian groups did not differ with respect to the number of years since their immigration, $\chi^2(1, N = 46) = 3.07, p = .08$. Additional analyses revealed no significant group differences with respect to the age of participants, $F(2, 325) = 1.41, p = .27$. Groups also did not differ with respect to gender, $\chi^2(2, 326) = 0.07, p = .96$. School registers containing the occupation status of both parents (unskilled, semiprofessional and professional) were used to obtain information about the participants' socio-economic status (SES), resulting in three levels of SES – low, middle, and high. Ethnic groups differed with regard to family SES, with Italian children (not surprisingly) having a higher SES, $\chi^2(4, 326) = 64.35, p < .001$.

Measures

The Draw-a-Person-Test (DPT) in the Italian version of the original Goodenough-Harris test (Goodenough, 1926; Harris, 1963; Polacěk &

Carli, 1977) was applied. This is a widely used measure within different cultural groups, because the subject to be drawn is universal, the materials needed are simple and the instructions are easily comprehended. Children are asked to draw a picture of a complete human figure (male or female), to the best of their ability. The final score is ascertained from total scores of 73 and 71 points, derived from differential aspects of the child's drawing of a human figure. Items consider the presence of specific graphic elements, and their gradual complexity of representation (e.g. eyes, legs, hands, fingers, the correct number of fingers, the proportion of all elements, clothing etc.). The manual provides a reliable and valid scoring system for children aged 3 to 15 years, and has been validated within the Italian population by Polacěk and Carli (1977).

The Pictorial Assessment of Interpersonal Relationship (PAIR) developed by Bombi, Pinto and Cannoni (2007) was applied in order to investigate parent-child relationships within the children's graphic representations. PAIR uses six subscales of Cohesion, Distance, Similarity, Value, Emotions and Conflict. Because Cohesion and Distance scales are conceptually related (Bombi et al., 2007), as also indicated by significant correlation between the scales for the present sample (mother-child ($r(319) = -.39, p < .001$; father-child comparisons ($r(311) = -.38, p < .05$), the analyses were conducted only with the Cohesion Scale. For the present study only Cohesion, Similarity and Value scales were considered, as these indicators were of particular interest in investigating children's representations of familial relationships, as

Table 1

Sample Characteristics and Means by Ethnic Group

	Albanian (n = 59)	Serbian (n = 85)	Italian (n = 182)	Group differences
<i>Age</i>				
Range	7–12	7–13	6–12	
Mean (SD)	8.92 (1.43)	8.76 (1.45)	8.85 (1.35)	n.s
<i>Gender</i>				
Boys	29	41	86	n.s
Girls	30	44	96	
<i>SES, n</i>				
Low	43	52	43	$\chi^2(4, 326) = 17.55^{***}$
Middle	15	33	124	
High	1	0	15	
<i>Length of residence, n</i>				
1-5 years	13	19	-	n.s
5-10 years	2	12	-	
<i>Drawings</i>				
Mother – Child, M (SD)				
Cohesion	1.52 (1.12)	1.61 (1.24)	1.43 (1.27)	n.s
Similarity	6.00 (1.18)	5.59 (1.57)	5.17 (1.71)	$F(2, 308) = 7.43^{***}$
Value	2.87 (1.49)	2.63 (1.74)	2.41 (1.64)	n.s
Father – Child, M (SD)				
Cohesion	1.24 (1.09)	.99 (1.08)	1.44 (1.43)	n.s
Similarity	5.63 (1.24)	5.42 (1.48)	4.90 (1.76)	$F(2, 308) = 6.11^{***}$
Value	3.15 (1.51)	2.75 (1.78)	2.72 (1.76)	n.s

*** $p < 0.001$, n.s. = non-significant.

they could be reliably identified through drawings in different cultures (Bombi & Pinto, 2000; Pinto & Arciènegra, 2001).

The *Cohesion Scale* measures interpersonal bonding between figures using six subscales referring to: C1 – Glance (if one figure perceives the head and/or major part of the body of the other figure); C2 – Approaching (the position

of the figure should suggest a reduction of the space between him/herself and the second figure); C3 – Coordinate Activity (whether or not each of the figures is involved in an action, and whether these actions are coordinated among the figures and/or are independent); C4 – Nearness (whether the two figures are “at hand”); C5 – Common Area (when figures are together in a def-

inite place, or when the space that surrounds the figures is delimited by some elements that mark the borders); C6 – Union (two figures are considered a unit when they are directly or indirectly linked). Dichotomous scores (zero-one) are assigned to each subscale, and these are summed to obtain the overall score for Cohesion. Higher scores indicate a greater degree of Cohesion.

The *Similarity Scale* measures affinity among figures. Similarity represents the degree to which figures are perceived to be similar in a child's drawing. More precisely, it refers to physical similarity in terms of height, body, position, and attributes between figures as an expressive way of representing the psychological similarity among figures. The scale is composed by the following subscales: S1 – Dimensions (figures' height and width); S2 – Position (e.g. standing, sitting, frontal, in profile, etc.); S3 – Body (shape of trunk, facial features, hair color, etc.); S4 – Attributes (type, shape, and color of clothes and accessories). Scores in each subscale range from zero (little or no similarity) to two (great similarity), with the sum of these subscales representing the overall Similarity score.

The *Value Scale* includes five subscales related to spatial relevance for each figure: V1 – Space Occupied (whether figures occupy equal amounts of space); V2 – Dominant Position (relative equal or dominant location of the figures on the page); V3 – Body Detail (an equal number of body parts, or whether one figure has more parts); V4 – Number of Attributes (whether figures have the same number of attributes, or whether one has more); and V5 – Number of Colors (whether figures have the same number of colors or

whether one has more). Scores in each subscale range from zero (identical or very similar value) to two (great disparity in value).

Individual scores for each scale are calculated based on the mean of the independent subscales with higher scores indicating higher Cohesion (interpersonal bonding), Similarity (affinity) and Value (spatial relevance) among parent-child figures. PAIR has been found to be a reliable tool for the investigation of children's representations of their social world, based on research from different cultural contexts. The system of encoding has also been proven to present satisfactory psychometric properties in terms of discriminant, concurrent and construct validity (Bombi et al., 2007).

Procedure

Participants were recruited from five public elementary schools. Prior to data collection, the principals of all the schools were contacted in order to explain the nature of the study to ensure their participation. Signed informed consent was obtained from each principal and parent for their schools and children to participate. Children were selected based on the written consents from parents and schools. Drawings were obtained during regular classroom teaching time by three research assistants. Albanian and Serbian children were able to speak Italian fluently enough to understand the instructions in that language. Additionally, supervision and support in the school setting was provided by two bilingual Albanian and Serbian research assistants. Children were asked to produce two drawings, one of

a whole human figure and one of themselves with their mother and father. They were also provided with two sheets of paper and six colored pencils (Bombi et al., 2007). The paper size for both drawings was A3. If children requested to add other relatives or specific background features (such as pets or environmental characteristics), they were given free choice to do so. After completing the drawing of themselves with their parents, each child was asked to identify the figures for accurate identification through the coding stage. Children were given a maximum time of 45 minute to complete the drawings. The average time for completion of the two drawings ranged between 15 to 45 minutes and was recorded for each class. For the purposes of this study, analyses of each drawing considered mother-child and father-child dyads, applying the PAIR scoring system. For each drawing, two independent assessments were performed: one comparing the dyadic interaction between mother and child, and the other that between father and child. Two research assistants independently coded each of the drawings. A third coder intervened in cases of disagreement; the inter-rater agreement ranged between 86% and 96%. The three coders had all received training with this coding system and undertook targeted practice before coding the children's drawings.

Analytic plan

Preliminary analyses were conducted to examine ethnic group differences in the Draw-a-Person Test (DPT), by running ANCOVA with an independent variable of group (Albanian,

Serbian and Italian), and a dependent variable of DPT total score, with age and gender as covariates. The results did not reveal significant differences. There were no ethnic group differences for Albanian ($M = 43.63$, $SD = 10.97$), Serbian ($M = 41.55$, $SD = 10.24$) and Italian ($M = 40.93$, $SD = 11.46$) children, $F(2, 323) = 1.32$, $p = .26$. However, to account for the possibility that high scores in similarity scales may relate to a lack of differentiation between persons (rather than an intended similar depiction of family members), the DPT scores were correlated with the Similarity scale for both mother-child and father-child comparisons. The DPT score was significantly correlated with Similarity for mother-child comparisons ($r(319) = -.17$, $p < .001$); therefore, DPT was controlled for in further analyses. Next, analyses were conducted in two steps following the main predictions of the study. First, ethnic group and gender differences of parent-child representations were investigated in Albanian, Serbian and Italian children, using multivariate analyses of variance. Second, within-group differences were examined by applying a paired sample *t*-test conducted separately for each cultural group.

Results

In order to test Hypotheses 1 and 2 (dealing with group and gender differences in parent-child representations), a MANCOVA was carried out with group (3 levels) and gender (2 levels) as independent variables; Cohesion, Similarity and Value scores for mother-child and father-child dyads (6 levels) as dependent variables; and age and

Table 2

Cohesion, Similarity and Value in Parent-Child Relationships According to Gender and Ethnic Group

	Albanian		Serbian		Italian		Gender		Ethnicity		Ethnicity × Gender	
Mean	Boys	Girls	Boys	Girls	Boys	Girls	F	η^2	F	η^2	F	η^2
Mother – Child Dyad												
Cohesion	1.42	1.61	1.65	1.58	1.46	1.40	0.63	.00	0.00	.00	0.24	.00
Similarity	5.88	6.11	5.20	5.95	5.10	5.24	7.43***	.04	5.97**	.01	1.33	.00
Value	3.15	2.61	2.85	2.42	2.43	2.40	1.29	.00	4.44**	.01	0.87	.00
Father – Child Dyad												
Cohesion	1.50	1.00	0.93	1.05	1.34	1.53	3.38**	.02	0.26	.00	1.54	.01
Similarity	5.92	5.36	5.48	5.37	5.00	4.80	6.11***	.03	1.30	.00	0.37	.00
Value	3.35	2.96	2.83	2.67	2.80	2.63	0.98	.00	2.06	.00	0.10	.00

** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

DPT as covariates. The multivariate tests of ethnic (Wilks' lambda = .88, $F(2, 308) = 3.16$, $p < .001$) and gender differences (Wilks' lambda = .94, $F(1, 308) = 2.92$, $p < .001$) were significant. With regard to group differences, the analyses revealed Italian children showing lower Similarity with their mother ($F(2, 308) = 7.43$, $p < .001$, $\eta^2 = .04$) and father ($F(2, 308) = 6.11$, $p < .001$, $\eta^2 = .03$) than Albanian and Serbian children (Table 2)¹. These results are in line with the expected ethnic group differences regarding the higher scores of Similarity scale for Italian in contrast to Albanian and Serbian children. Similarly, with regard to gender differences, there were significant results for

the Similarity scale with the mother ($F(1, 308) = 5.97$, $p < .01$, $\eta^2 = .01$), where girls scored higher than boys. Gender differences were also found for the Value scale in the mother-child dyad, with boys obtaining higher scores than girls, $F(1, 308) = 4.43$, $p < .05$, $\eta^2 = .01$). There were no significant gender and ethnic group interaction effects.

In a further step, the third prediction regarding differences between mother-child and father-child dyads within each ethnic group was explored. Mean differences in Cohesion, Similarity and Value for mother-child and father-child comparisons were explored within each group by running a series of paired sample t-tests. The results for

¹ Because immigrant status was not included in the analyses, additional analyses look at differences in drawings according to the immigration status of immigrant children only. A MANCOVA was carried out with group (2 levels), gender (2 levels), immigrant status (2 levels) as independent variables, Cohesion, Similarity and Value (6 levels) as dependent variables, and age and DPT as covariates. Results did not show significant effects for immigrant status as well as other independent variables on Cohesion, Similarity and Value scores for mother-child and father-child dyads.

the Serbian group revealed that Cohesion with the mother was more salient than Cohesion with the father, $t(82) = 4.89, p < .001$. In addition, Italian children obtained higher scores for the Value scale with their father than with their mother, $t(171) = 3.52, p < .001$. Italian children were also found to attain higher scores on the Similarity scale with their mother rather than their father ($t(171) = 2.39, p < .01$), which is in line with the expectation regarding the strong role model of the mother in Italian culture (Hypothesis 3).

In summary, parent-child relationships, and specifically Cohesion and Similarity components in drawings, showed different pathways for Albanian, Serbian and Italian children. This pattern was particularly pronounced in the Albanian and Serbian children's representations, as documented by higher levels of Similarity indicators to both parents (Figure 1). Gender differences also showed greater affinity between daughters and mothers, as well

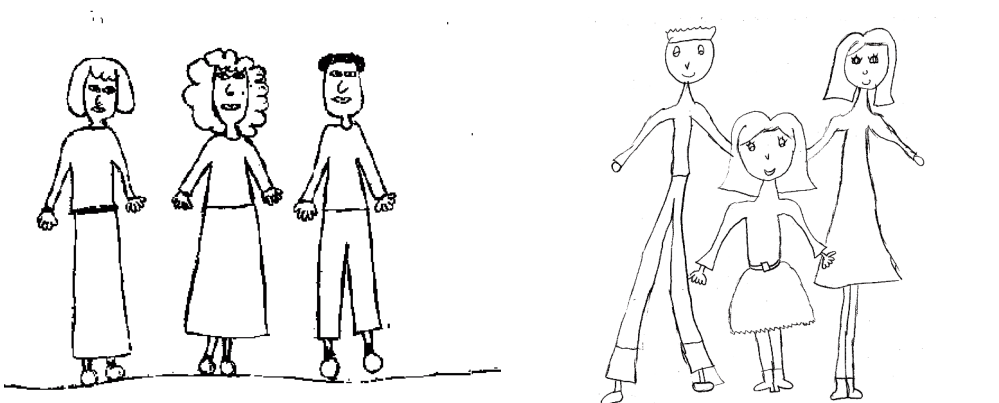
as a higher value of the mother-child dyad for boys. As expected, within-group differences revealed greater identification and affinity with the mother than the father in Italian (rather than Albanian and Serbian) children's representations.

Discussion

The goal of this study was to investigate parent-child relationships encompassing Cohesion, Similarity and Value as depicted in drawings of children from different background in Italy. This is the first study to address these topics in Albanian and Serbian immigrant and Italian native groups, by exploring how children of these groups perceive parent-child relationships through their drawings. In addition, gender effects in parent-child representations were considered, as well as differences between mother-child and father-child dyads within each ethnic group. The findings are discussed in

Figure 1

Group Differences in Parent-Child Representations

A. Drawing of Albanian Girl Aged 12 (self figure on the left) showing High Similarity between the Self and the Parent.

B. Drawing of an Italian Girl Aged 12 (self figure in the middle) showing Low Similarity between the Self and the Parent.

terms of similarities and differences in parent-child representations, and their relation to specifics of the three groups considered.

The first hypothesis of this study dealt with group differences in that Albanian and Serbian children's drawings would be characterized by less emphasized independence and autonomy (lower scores on Similarity and higher on Value and Cohesion) compared to their Italian peers. With regard to the expected differences in parent-child representations, significant group differences emerged in terms of Similarity. The results revealed that Italian children show lower Similarity with their parents compared with their Albanian and Serbian immigrant peers. In both mother-child and father-child comparisons, the figures of the parents compared to those of children drawn by Italian children were characterized by higher autonomy, independent activities and separation. Albanian and Serbian children drew themselves as being more similar to their parents, which was denoted by lower spatial and perceptual distance between the self and parental figures. This result is in line with expectations regarding differences between independent and interdependent self-construal (Kağitçibaşı, 2007; Keller, 2007; Markus & Kitayama, 1991). It also suggests that when society places particular emphasis on the value of collectivity and social cohesion, it is possible to perceive oneself as more similar to one's parents. Albanian and Serbian children indicate more interdependent types of parent-child representations, where having someone who resembles and is similar to the self carries more weight

than the representations of importance, expressed through Cohesion and Value dimensions. This type of relationship may be particularly satisfying for Albanian and Serbian children in Italy supporting the idea that a certain overall degree of affinity is necessary for expressing parent-child representations in these cultures. Results are also consistent with the traditional Albanian and Serbian family structure, being characterized by strong family ties, intergenerational connections and solidarity (Brannen et al., 2002; Doja, 2010; Wallace & Kovatcheva, 1998). It seems that Italian children opt for a more independent and autonomous type of relationship with their parents. Group differences in spatial, size and proximity relations in the drawings of mother and father reflect a similar pattern documented in other cross-cultural studies (Andersson, 1995; Arace, 2006; Pinto & Arciènega, 2001; Pinto et al., 1997). The findings also support the notion that children's representations in terms of proximity and similarity between self and parental figures may be differently expressed in independent cultural settings compared to interdependent ones, providing support for the important differences in children's pictorial representations of social interactions and close interpersonal relationships (Keller, 2007; Keller et al., 2005).

The second hypothesis of this study predicted greater independence from their parents (lower scores on Similarity and Cohesion) in Italian rather than Albanian and Serbian girls. With regard to the expected gender differences for Italian girls, representing more independence from parents in their representations compared to

those of Albanian and Serbian girls, no significant results were found. The data presented here indicates that there are more affinities than differences among groups with regard to gender. Arguably, there might be more similarities in parent-child representations for girls belonging to interdependent (Albanian and Serbian) and independent (Italian) cultures. However, overall gender influences on children's pictorial representations were found. Girls showed more pronounced Similarity with their mother, whereas boys attributed more Value to their father. Gender results in similarity with the mother can be explained in terms of differential socialization of boys and girls, or, in conceptual terms, a tendency for girls to identify with their mother (Russell & Saebel, 1997). It may also be more important for girls to denote their personal identity through a female appearance that depends on their maternal influence in relation to social demands concerning the female role. The greater similarity of girls to their mothers lends support to prior work, showing the influence of gender in children's graphic representations. Gender differences are also reported in terms of differences in clothing, size of figures and stereotypical details in which girls express specific gender-related details. For example, it has been found that girls include more body parts and clothing in their drawings than do boys (Koppitz, 1983). Girls tend to draw more stereotyped details (such as fingernails, hairstyles) than boys do in their drawings (Skybo, Ryan-Wenger, & Su, 2007), suggesting that girls develop a scheme of what it is to be 'female' by drawing objects and figures as they should look according to speci-

fic gender schemes (Cherney et al., 2006). These and other results (Daglioglu, Alemdar, Calisandemir, & Bencik Kangal, 2010) suggest that children's drawings represent different perceptions of boys and girls within social relationships, which in turn might be of importance in representations of their parent-child dyads. Additionally, the finding that in parent-child representations boys attributed greater Value to their father than their mother might be related to strong social gender roles in the groups considered. As specified in the introduction, boys are socialized to be more independent from the family than girls, and this is particularly true for the expected male role model in the three societies (Brannen et al., 2002; Ciairano et al., 2008; Doja, 2010; Wallace & Kovatcheva, 1998). Arguably, boys may view their father as the more important figure with whom to identify, which is also reflected in their representations.

The third hypothesis of this study predicted Italian children to represent higher scores on Similarity and Value with their mother than their father, given the strong role model of the mother in Italian culture. In line with expectations, group differences were found between mother-child and father-child dyads. Italian children were found to attain higher scores on Similarity with their mother rather than their father. Italian children represented higher identification and affinity with their mother than their father compared to both Albanian and Serbian children, which confirms the expectation regarding the strong role model of the mother in the Italian culture (Ciairano et al., 2008). The results also revealed that Serbian immigrant

children represent more Cohesion with their mother, which may be due to stronger bonds with the mother rather than the father figure. Such distinctiveness in relationships with the mother may be due to the importance of mothers to Serbian children's development in Italy, which is a speculation in need of further investigation.

Limitations

Despite the importance of the study as the first documentation of parent-child representations in drawings of children from different ethnic communities in Italy, some limitation should be acknowledged. It is necessary to be cautious with generalizations, due to the necessity of applying additional quantitative indicators of family relationships (Di Leo, 1973; Hammer, 1997). The analyses were based on a quantitative interpretation of family drawings, which were not complemented with additional measures under test and questionnaire conditions. Although the results suggest important representational aspects reflected in children's drawings in different groups, future studies should include questionnaire-based data. It may be also beneficial to apply qualitative interview techniques, which would be useful in gaining a better and more in-depth understanding about family structures and relationships across cultures. Future analyses should incorporate both qualitative and quantitative methods concerning interpersonal relationships as perceived by parents and children in different cultural settings. Additional consideration should be paid to the possibility to examine drawings of different family structures (e.g., single-

parents, extended family), which may also influence representations of parent-child relationships (Fan, 2012). Further research investigating emotional (Koppitz, 1969, 1983) and cognitive indicators may add valuable insights to the drawings literature. On a methodological note, family SES, unbalanced sample size and lack of control of immigrant status may have an influence on family representation. Finally, it is essential to conduct further studies in order to ascertain whether the effects of different parent-child representations as expressed in the drawings of Albanian, Serbian and Italian children also occur in children from other contexts. Further research should include Albanian and Serbian children in Albania and Serbia to have a better understanding of cultural differences in parent-child representations. The role of immigration experience and acculturation in drawings of children with different ethnic background needs to be further assessed and may play a role in the production of the drawings.

Implications and conclusions

The findings of this study, which support the existence of cultural differences in representation of parent-child relationships in drawings of children across three cultural groups, have important implications in practitioner-oriented and educational fields. This study has potential implications for intercultural relations, where it is important to understand that representations of parent-child relationships may be expressed in different ways. Teachers and school counselors may use this knowledge in teaching students to use drawing as a strategy for gaining a

better knowledge of representational processes across different cultures. Related to that, drawing should be used in classroom to improve learning and intercultural interactions among students in increasingly diverse schools in European countries. The emphasis on different aspects, meanings and perceptions of close relationships may lead both teachers and students to communicate better in a multicultural setting. Understanding how a child sees him- or herself within his or her culture can expand our knowledge of the development of identity, and the interrelationships of its many components, which may be a critical step towards productive relationships. There is much yet to be implemented in that direction, but drawings produced by Albanian and Serbian immigrant and Italian native children may facilitate the understanding in teachers and students and their appreciation of cultural diversity.

In conclusion, this study adds to existing research by providing unique evidence concerning parent-child representations of Albanian and Serbian immigrant and Italian native children in Italy that have only scarcely been examined in prior research. Furthermore, the study shows the usefulness of drawing for accessing children's parent-child representations in different cultures. The drawing of the self together with both parents appears to be sensitive with regard to revealing children's representations, by showing the distinctiveness of specific appearances, linked to greater or lesser independent characteristics of their culture. The most salient result is that cultural dynamics are expressed in children's drawings, suggesting important differences in mother-child and father-child representations in terms of perceptual affinity and identification between parents and children.

References

- Andersson, I., & Andersson, S. B. (2009). Aesthetic representations among Himba people in Namibia. *International Art in Early Childhood Research Journal*, 1, 1–14.
- Andersson, S. (1995). Social scaling in children's family drawings: A comparative study in three cultures. *Child Study Journal*, 25, 97–122.
- Arace, A. (2006). *Attaccamenti, separazioni, perdite. Eventi critici nello sviluppo del Sé e dei legami familiari* [Attachment, separation and loss. Critical events in the development of self and familial bonds]. Milan: Edizioni Unicopli. (in Italian).
- Bombi, A. S., & Pinto, G. (2000). *Le relazioni interpersonali del bambino* [Child interpersonal relationships]. Roma: Carocci. (in Italian).
- Bombi, A. S., Pinto, G., & Cannoni, E. (2007). *Pictorial Assessment of Interpersonal Relationship (PAIR). An analytic system for understanding children's drawings*. Firenze: Firenze University Press.
- Bonifazi, C., & Sabatino, S. (2003). Albanian migration to Italy: What official data and survey results can reveal. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 29, 967–995. doi:10.1080/1369183032000171320
- Bonino, S., Cattellino, E., & Ciairano, S. (2006). Italy. In J. J. Arnett (Ed.), *International encyclopedia of adolescence* (pp. 510–523). London/New York: Routledge.

- Bornstein, M., & Cote, L. (2006). *Acculturation and parent-child relationships: Measurement and development*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Brannen, J., Lewis, S., Nilsen, A., & Smithson, J. (2002). *Young Europeans, work and family: Futures in transition*. London: Routledge.
- Burkitt, E., Barrett, M., & Davis, A. (2003). The effect of affective characterizations on the size of children's drawings. *British Journal of Developmental Psychology, 21*, 565–584. doi:org/10.1348/026151003322535228
- Buzzi, C., Cavalli, A., & de Lillo, A. (Eds.). (1997). *Giovani verso il Duemila. Quarto Rapporto IARD sulla condizione giovanile in Italia* [Young people towards the 21st century. Fourth report on the status of youth in Italy]. Bologna, IT: Il Mulino. (in Italian).
- Caritas e Migrantes. (2010). *Immigrazione: Dossier statistico 2010* [Immigration: Statistic Dossier, 2010]. Rome: Anterem. (in Italian).
- Ceccagno, A. (2003). New Chinese migrants in Italy. *International Migration, 41*, 187–213. doi:org/10.1111/1468-2435.00246
- Cherney, I. D., Seiwert, C. S., Dickey, T. M., & Flichtbeil, J. D. (2006). Children's drawings: A mirror to their minds. *Educational Psychology, 26*, 127–142. doi:org/10.1080/01443410500344167
- Ciairano, S., Kliwer, W., Bonino, S., & Bosma, H. (2008). Parenting and adolescent well-being in two European countries. *Adolescence, 43*, 99–117.
- Ciairano, S., Kliwer, W., & Rabaglietti, E. (2009). Adolescent risk behavior in Italy and the Netherlands. *European Psychologist, 14*, 180–192. doi:10.1027/1016-9040.14.3.180
- Daglioglu, H. E., Alemdar, M., Calisandemir, F., & Bencik Kangal, S. (2010). Examination of human figure drawings by gifted and normally developed children at preschool period. *Elementary Education Online, 9*, 31–43.
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2000). The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry, 11*, 227–268. doi:10.1207/S15327965PLI1104_01
- Di Leo, J. H. (1973). *Children's drawings as diagnostic aids*. New York: Brunner Mazel.
- Doja, A. (2010). Fertility trends, marriage patterns, and savant typologies in Albanian context. *Journal of Family History, 35*, 346–367. doi:10.1177/0363199010381045
- Fan, R. J. (2012). A study on the Kinetic Family Drawings by children with different family structures. *The International Journal of Arts Education, 173–204*.
- Farina, P. (2002). La presenza straniera in Europa [Foreigners in Europe]. In ISMU (Eds.), *Settimo rapporto sulle migrazioni 2001* [Seventh report on migration 2001] (pp. 27–35). Milano: Franco Angeli. (in Italian).
- Fincati, V. (2007). *Gli immigrati serbi e montenegrini in Italia e Veneto* [Serbian and Montenegrine immigrants in Italy and Veneto]. Regine del Veneto, Osservatorio e Ricerca. (in Italian).
- Georgas, J., Berry, J. W., van de Vijver, F. J. R., Kagitcibasi, C., & Poortinga, Y. H. (2006). *Families across cultures. A 30-nation psychological study*. New York: Cambridge University Press.
- Golomb, C. (2004). *The child's creation of a pictorial world*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Goodenough, F. L. (1926). *Measurement of intelligence by drawings*. Yonkers-on-Hudson, NY: World Book.
- Gruber, S., & Pichler, R. (2002). Household structures in Albania in the early 20th century. *The History of the Family, 7*, 351–374. doi:org/10.1016/S1081-602X(02)00106-9

- Gyula, B., Takacs, S., Karacsonyi, A., & Imrek, V. (2002). Eastern European cluster: Traditions and transition. *Journal of World Business, 37*, 69–80.
- Hammer, E. F. (1997). *Advances in projective drawing interpretation*. Springfield, IL: Thomas.
- Harris, D. B. (1963). *Children's drawings as measures of intellectual maturity: A revision and extension of the Goodenough Draw-a-Man Test*. New York: Harcourt, Brace and World, Inc.
- Hofstede, G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
- INSTAT. (2011). *Socio demographic changes of the family and child development in Albania*. Tirana, Albania: National Institute of Statistics.
- Kağitcibaşı, C. (2007). *Family, self, and human development across countries. Theory and applications*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Keller, H. (2007). *Cultures of infancy*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Keller, H. (2012). Autonomy and relatedness revisited: Cultural manifestations of universal human needs. *Child Development Perspectives, 6*, 12–18. doi:10.1111/j.1750-8606.2011.00208.x
- Keller, H., Kartner, J., Borke, J., Yovsi, R. D., & Kleis, A. (2005). Parenting styles and the development of the categorical self. A longitudinal study on mirror self recognition in Cameroonian Nso farming and German families. *International Journal of Behavioral Development, 29*, 496–504. doi:10.1177/01650250500147485
- Koppitz, E. (1969). Emotional indicators on human figure drawings of boys and girls from lower and middle-class backgrounds. *Journal of Clinical Psychology, 25*, 432–434. doi:10.1002/1097-4679(196910)25:4<432::AID-JCLP2270250428>3.0.CO;2-Q
- Koppitz, E. (1983). Projective drawings with children and adolescents. *School Psychology Review, 12*, 421–427.
- La Voy, S. K., Pederson, W. C., Reitz, J. M., Brauch, A. A., Luxenberg, T. M., & Nofisnger, C. C. (2001). Children's drawings: A cross-cultural analysis from Japan and the United States. *School Psychology International, 22*, 53–63. doi:org/10.1177/0143034301221005
- Lamm, B., & Keller, H. (2007). Understanding cultural models of parenting. The role of intracultural variation and response style. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 38*, 50–57. doi:10.1177/0022022106295441
- Lev-Wiesel, R., & Al-Krenawi, A. (2000). Perception of family among Bedouin-Arab children of polygamous families as reflected in their drawings. *American Journal of Art Therapy, 38*, 98–106.
- Manetti, M., & Schneider, B. H. (1996). Stability and change in patterns of parental social support and their relation to children's school adjustment. *Journal of Applied Developmental Psychology, 17*, 101–115. doi:10.1016/S0193-3973(96)90008-8
- Markus, H. R., & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review, 98*, 224–253. doi:10.1037//0033-295X.98.2.224
- Marra, C. (2002). *Il monitoraggio dei fenomeni migratori nel Friuli-Venezia Giulia. Una rassegna bibliografica* [Monitoring migration phenomena in Friuli-Venezia Giulia. A review]. *Migration Studies, 147*, 702–711.
- Nuttall, E., Chieh, L., & Nuttall, R. (1988). Views of the family by Chinese and U.S. children: A comparative study of Kinetic Family Drawings. *Journal of School Psychology, 26*, 191–194.
- Pinto, G., & Arciènega, R. C. (2001). Cohesion and distance between parents and children: A cross-cultural study. *Rassegna di Psicologia, 18*, 51–72.
- Pinto, G., Bombi, A. S., & Cordioli, A. (1997). Similarity of friends in three countries: A study of children's drawings. *International Journal of Behavioral Development, 20*, 453–469. doi:10.1080/016502597385225

- Piperino, F. (2002, June). *From Albania to Italy: Formation and basic features of a binational migration system*. Background paper for the CEME-CeSPI research mission in Italy and Albania.
- Polacèk, K., & Carli, D. (1977). *Test della figura umana* [Draw-A-Man-Test]. Firenze: Organizzazioni Speciali. (in Italian).
- Rübeling, H., Keller, H., Yovsi, R. D., Lenk, M., Schwarzer, S., & Kühne, N. (2010). Children's drawings of the self as an expression of cultural conceptions of the self. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 1*, 1–19. doi:0.1177/0022022110363475
- Russell, A., & Saebel, S. (1997). Mother–son, mother–daughter, father–son, and father–daughter: Are they distinct relationships? *Developmental Review, 17*, 111–147.
- Shirayev, E. B., & Levy, D. A. (2010). *Cross cultural psychology: Critical thinking and contemporary applications*. Boston: Pearson Education, Inc.
- Skybo, T., Ryan-Wenger, N., & Su, Y. (2007). Human figure drawings as a measure of children's emotional status: Critical review for practice. *Journal of Pediatric Nursing, 22*, 15–28. doi:10.1016/j.pedn.2006.05.006
- Steward, M. S., Furuya, T., Steward, D. S., & Ikeda, A. (1982). Japanese and American children's drawings of the outside and inside of their bodies. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 13*, 87–104. doi:10.1177/0022022182131008
- Thomas, G. V., & Jolley, R. P. (1998). Drawing conclusions: A re-examination of empirical and conceptual bases for psychological evaluation of children from their drawings. *British Journal of Clinical Psychology, 37*, 127–139. doi:10.1111/j.2044-8260.1998.tb01289.x
- Tomanović, S. (2005). Parenthood in transformation. In A. Mili (Ed.), *Transformation and strategies. Everyday life in Serbia at the beginning of the Third Millennium* (pp. 207–222). Belgrade: ISI FF.
- Triandis, H. C., Bontempo, P., Villareal, M. J., Asai, M., & Lucca, N. (1988). Individualism and collectivism: Cross-cultural perspectives on self-ingroup relationships. *Journal of Personality and Social Psychology, 54*, 323–338. doi:10.1037/0022-3514.54.2.323
- UNICEF. (2007). *Serbia multiple indicator cluster survey*. Belgrade, Serbia: UNICEF.
- Vasquez, N. E. (1988). Views of the family by Chinese and U.S. children: A comparative study of Kinetic Family Drawings. *Journal of School Psychology, 26*, 191–194.
- Wallace, C., & Kovatcheva, S. (1998). *Youth in society: The construction and deconstruction of youth in East and West Europe*. London: MacMillan.
- Yates, M. (2013). *Cultural differences: It's more than geography that matters*. Retrieved from <http://www.growing-global.com/detail.asp?ID=23>

Radosveta Dimitrova — COFAS Forte Marie Curie Fellow, Department of Psychology, Stockholm University, Ph.D.

Research area: acculturation, migration, identity, positive youth development, indigenous ethnic minority groups (Roma).

Email: radosveta.dimitrova@psychology.su.se

Сплоченность, сходство и значимость в изображениях родительских и детских фигур на рисунках детей в итальянских семьях и детей албанских и сербских иммигрантов, проживающих в Италии

Р. Димитрова^а

^а *Университет Стокгольма, SE-106 91, Швеция, Стокгольм, Frescati Hagv. 14*

Резюме

Исследование межличностных отношений ребенка с родителями на материале изображений семьи детьми того или иного национального происхождения важно для понимания роли отличительных черт, размера и расположения фигур родителей и ребенка на рисунках в качестве индикаторов различных моделей взаимодействия в разных культурах. Развернутая база данных научных исследований в области интерпретации детских рисунков может облегчить работу в мультикультурных образовательных учреждениях и расширить наше понимание культурного разнообразия в школах. Италия представляет собой идеальный контекст для изучения детско-родительских изображений, поскольку в данной стране в последние годы наблюдается увеличение культурного разнообразия в связи с иммиграцией различных этнических групп. Предметом данного исследования является степень, в которой этот контекст влияет на изображение ребенком Сплоченности (межличностные отношения), Сходства (близость) и Значимости (пространственное расположение) детско-родительских фигур, так как эти три понятия служат информационным ресурсом для формирования актуальных процессов изображения межличностных связей с родителями с учетом культурных особенностей. В исследовании использовалась методика PAIR (The Pictorial Assessment of Interpersonal Relationships/Рисуночный тест межличностных отношений), были интерпретированы 326 рисунков детей албанского ($n = 59$), сербского ($n = 85$) и итальянского ($n = 182$) происхождения. По результатам проведенной оценки был сделан вывод о том, что на рисунках албанских и сербских детей родительские фигуры изображаются похожими на фигуру ребенка и размещаются рядом с ней, что говорит о меньшей независимости их взаимного расположения. Родительские фигуры на рисунках итальянских детей изображаются крупнее, чем детские, и больше удалены друг от друга. Полученные результаты могут стать важной основой содействия работе в мультикультурных образовательных учреждениях, способствуя распространению в школах знаний о культурном разнообразии.

Ключевые слова: рисунки, изображения родительских и детских фигур, албанские и сербские иммигранты, итальянские дети, PAIR.

Димитрова Радосвета — сотрудник COFAS Forte Marie Curie, Университет Стокгольма, Ph.D. Сфера научных интересов: аккультурация, миграция, идентичность, позитивное развитие молодежи, коренные группы этнических меньшинств (цыгане). Контакты: radosveta.dimitrova@psychology.su.se

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-59803 от 7 ноября 2014 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,

Издательский дом НИУ ВШЭ

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 12

БукВышка

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

АБИТУРИЕНТАМ • СТУДЕНТАМ • АСПИРАНТАМ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ • НАУЧНЫМ СОТРУДНИКАМ

Российские и зарубежные издания

Книги ИД ВШЭ

Сувенирная продукция

Периодика

CD и DVD

**ЭКОНОМИКА, МЕНЕДЖМЕНТ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО,
ЖУРНАЛИСТИКА, ИСТОРИЯ, ЛИНГВИСТИКА**

Прайс-лист магазина на сайте id.hse.ru/bookshop
Справки и резервирование по тел.: (495) 628-29-60

Москва, ул. Мясницкая, 20

Как нас найти

Пешком:

от м. «Лубянка»
(1-й вагон из центра),
идти в сторону Мясницкой ул.,
мимо магазина фарфора «Гледиз»,
к ВШЭ.

На машине:

по ул. Мясницкая в сторону центра
от Садового кольца
или от Сретенского бульвара
до арки здания ВШЭ (слева).
Движение по улице одностороннее.

Магазин находится в здании ВШЭ (вход рядом с аркой).

Всё о наших изданиях

id.hse.ru/books
id.hse.ru/catalogue

Отдел реализации

тел.: (499) 611-24-16
факс: (499) 611-13-03
e-mail: bookmarket@hse.ru

Интернет-магазин

<http://id.hse.ru/shop>

**Университетский
книжный магазин
«БукВышка»**

Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: (495) 628-29-60
id.hse.ru/bookshop
e-mail: books@hse.ru